

Восточный архив

2025

Дополнения 2

«Восточный архив» издаётся Институтом востоковедения РАН с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Редакционный совет:

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
А.Д. Васильев

Редколлегия:

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
Ю.Н. Тихонов

Вёрстка

Г.М. Абишева

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Журнал на сайте Института востоковедения РАН: <https://ivran.ru/vostochnyj-arhiv>

Адрес редакции:

103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 139
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Подписано в печать 15.01.2025

Объем 12,0 п. л. Тираж 80 экз.

© Авторы, 2025

© Институт востоковедения РАН, 2025

Отпечатано в изд-ве «Пробел-2000»

109544, Москва, Рабочая ул., 91

Цена в розницу договорная

СОДЕРЖАНИЕ

Дополнения 2, 2025

Слово редактора	3
Шмидт В. Казахстанская трагедия начала 1920-х годов: архивы рассказывают	4
Гоков О.А. П.К. Услар: научно-педагогическая деятельность и проблемы публикации творческого наследия	18
Хренков А.В. Русский землепроходец – британский агент? Африканские путешествия Василия Юнкера	52
Прожогина С.В. Исламистская угроза в зеркале литературы магрибинцев XX–XXI вв.	82
Наши авторы	96

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-1-3

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Предлагаем вам второй номер «Дополнений». Появление этого приложения к «Восточному архиву» было положительно встречено коллегами. Ведь оно даёт возможность время от времени присылать в редакцию материалы, значительно превышающие по объёму привычный для журнала один авторский лист.

Так и в нынешнем номере. При этом только один материал, Вальдемара Шмидта, основан на архивах. Он о том, как в начале 1920-х годов жители Казахстана справлялись с голодом. В заглавии этого материала так и говорится: «архивы рассказывают». В остальных материалах, строго говоря, архивы отсутствуют. Тем не менее, мы решили их опубликовать. Потому что они рассказывают о давно прошедших временах. Статья О.А. Гокова – о научно-педагогической деятельности забытого П.К. Услара, материал А.В. Хренкова – о выдающемся путешественнике в глубины Африки В.В. Юнкере. Как всегда, особняком стоит статья Н.В. Прожогойной. Для неё архивы – это старые стихи.

Словом, предлагаю познакомиться с материалами «Дополнений». Они ничем не хуже, чем статьи в «Восточном архиве».

В.В. Беляков

КАЗАХСТАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ: АРХИВЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Настоящая работа посвящена рассмотрению вопросов развития голода в Киргизской АССР (официальное название Казахстана до 1925 г.). Одной из проблем казахстанской истории, которая ещё до сих пор плохо исследована, является проблема голода 1921–1922 годов. В основном предлагаемая статья написана по материалам Центрального Государственного архива Республики Казахстан, его архивного фонда 320 «Центральная комиссия помощи голодающим при Центральном Исполнительном комитете Казахской АССР», а также фонда 74 «Народный комиссариат земледелия Казахской АССР» и фонда 1215 «Центральная комиссия по ликвидации последствий голода при Центральном Исполнительном комитете Казахской АССР», с которыми мне удалось ознакомиться в период моих научных командировок в Республику Казахстан в 1998–2016 годах. Помимо этого, большим подспорьем в исследовании проблемы голодного бедствия в Киргизской АССР являются материалы фонда 5 «Центральный Исполнительный комитет Казахской АССР» и фонда 224 «Народный комиссариат продовольствия Казахской АССР».

В материалах вышеназванных фондов содержится огромное количество фактического материала, состоящего из различных статистических сведений, отчётов губернских комиссий по борьбе с голодом, докладов деятелей Киргизской республики, отчётов и сведений из мест, охваченных голодом, которые должны использоваться при исследовании этого трагического события в казахстанской истории.

Необходимость написания статьи была вызвана тем, что в современной казахстанской историографии появляются стереотипные работы с политизированным содержанием в освещении этого периода истории Казахстана. Преимущественно в статье рассмотрен начальный период развития голодного бедствия на территории Киргизской АССР, так как многие архивные документы свидетельствуют о тяжёлом положении, сложившемся к началу 1920-х годов в этом регионе Центральной Азии. На мой взгляд, этот период в истории Казахстана, а также гуманитарная катастрофа, вызванная развитием голода, должны рассматриваться во взаимосвязи с теми общими экономическими и политическими процессами, которые возникли после Октябрьского переворота 1917 года.

Нельзя не признать, что голод 1921–1922 годов оказал огромное влияние на последующее экономическое развитие региона и в большой мере способствовал изменениям в демографическом состоянии населения Казахстана в послеоктябрьский период. Голод, охвативший практически все области Киргизской АССР, способствовал не только изменению демографической ситуации в республике, но и негативно сказался на её хозяйственной и экономической жизни. В казахстанской исторической науке рассмотрены вопросы развития голода в результате проводившейся политики коллективизации в Казахстане в 1930-х годах, причём данная тема исследована очень подробно. Что же касается вопросов голода 1921–1922 годов, то нужно отметить, что до сих пор отсутствуют комплексные научные исследования, в которых было бы дано исчерпывающее толкование причин и последствий этого трагического явления в казахстанской истории.

Переворот 1917 года вызвал не только кризисную ситуацию в политическом развитии страны, но и во многом способствовал развитию в дальнейшем критических ситуаций новой власти, проявившихся в различных сферах (политической, социальной, экономической и внешнеполитической). Именно события, последовавшие за Октябрьским пере-

воротом 1917 года на территории Казахстана, в 1920-е годы стали трагическими, так как привели к гуманитарной катастрофе и развитию голода, которым был охвачен почти весь Казахстан.

Голод затронул огромную территорию бывшей Российской империи. Им были охвачены 35 губерний: Поволжье, Крым, территория Южной Украины, а также регионы Западной Сибири и Приуралья, Кавказ. Надо отметить, что из семи губерний Киргизской АССР голодом было охвачено пять: Оренбургская, Актюбинская, Уральская, Кустанайская, Букеевская, а также Адаевский уезд. По некоторым оценкам учёных, исследовавших вопросы голода 1921–1922 годов, данное бедствие унесло более 5 млн человек¹.

Надо отметить, что Казахстан являлся особой территорией, с его специфической формой ведения хозяйства, кочевым бытом подавляющей массы коренного населения. Именно особенность Казахстана как территории с кочевым скотоводством способствовала впоследствии развитию гуманитарной катастрофы, так как новая власть рассматривала эту форму экономической жизни как архаическую, с которой нужно было бороться. Ко всему новая власть не хотела признавать, что в климатических условиях Казахстана кочевое скотоводство являлось единственно возможной отраслью хозяйства. Политика насильственного перевода кочевого и полукочевого населения Казахстана к осёдлости привела к разрушению экономических основ в системе жизнеобеспечения казахского народа. Иными словами, трансформация кочевого способа производства, проводившаяся насильственным путём, имела трагические последствия и также явилась одной из причин развития гуманитарной катастрофы в Казахстане в начале 1920-х годов.

Трагедия голода имела особенно ужасные последствия для коренного населения Казахстана. Она охватила миллионы людей, ушедших из родных мест и погибших от голода. Тяжёлое положение сложилось и в сёлах с оседлым населением. К главным причинам голода в Киргизской АССР в 1921 году можно отнести объективные трудности, истекающие из-за неравномерности развития экономических отношений в различных регионах. Развернувшаяся в центральных районах России Гражданская война вызвала там небывалую экономическую разруху, что, в свою очередь, способствовало развитию волны переселенческого движения крестьянства из голодающих районов за Урал и, в частности, на территорию современного Казахстана. Общее число голодающих беженцев из центральных районов России, переселившихся в Казахстан, составило 33,2% от всех беженцев².

Поэтому проблему развития голода в Казахстане следовало бы рассматривать не только в плане ситуации, сложившейся на территории Киргизской АССР, но и во взаимосвязи с развитием этого бедствия в сопредельных областях, граничащих с Казахстаном, так как массовый поток беженцев из голодающих регионов России способствовал нарушению экономической и хозяйственной инфраструктуры Казахстана, не успевшей оправиться от последствий Гражданской войны.

Перенесение боевых действий в период Гражданской войны на территорию Казахстана не приостановило поток беженцев из голодающих регионов России. Об этом свидетельствует выступление Народного комиссара земледелия Казахской АССР на III Всеказахском съезде Советов, состоявшемся в 1922 году в Оренбурге. В докладе было отмечено, что «наплыв переселенцев был значителен, особенно в Акмолинской и Семипалатинской областях, что за собой повлекло развитие голода»³. В связи с создавшейся ситуацией, связанной с переселе-

¹ Геллер М., Некрич А. История России 1917–1995. В 4-х т. Т. 1. Утопия у власти. Кн. 1. Социализм в одной стране. Москва, 1996. С. 125-126.

² Базанова Ф.Н. Формирование национального состава населения Казахстана в годы гражданской войны и восстановления народного хозяйства // Вестник АН Казахской ССР. 1979, № 1. С. 59.

³ Доклад III Всеказахскому съезду Советов о деятельности киргизского Народного комиссариата земледелия с начала 1922 года к съезду Советов Каз. АССР. Оренбург, 1922. С. 47.

нием крестьянства из центральных районов России, председатель ЦИК Казахской АССР С. Мендешева писала в Москву 8 марта 1921 года, что «стихийное переселение из центра России и других голодающих окраин принимает катастрофические размеры, поэтому следует принять срочные меры выдачи ходатайств переселенцам и отдельным лицам разрешения на проезд по железной дороге и въезда в Киргизскую республику»⁴.

Материалы архивов позволяют сделать вывод, что основными причинами, вызвавшими развитие голода в Казахстане в первые годы социалистического строительства, явились не только ошибки в проводившейся политике в экономической и политической сферах. Немаловажное значение в развитии трагедии имели также природные факторы, которые способствовали неурожаю и падежу скота. Важную роль в развитии голода в Казахстане сыграла политика «военного коммунизма», которая и стала одной из причин гуманитарной катастрофы. В советской исторической науке политика «военного коммунизма» не рассматривалась как одна из причин голода, охватившего Советскую Россию и территорию современного Казахстана в 1921–1922 годах. Голод в те годы носил всеобщий характер. Интересен тот факт, что на заседании комиссии Народного комиссариата земледелия Киргизской АССР (Кирнаркомзем) обсуждался вопрос о необходимости сдерживания стихийного переселения украинцев из Актюбинского и Темирского уездов, которое началось без ведома советских учреждений. Поэтому предлагалось удерживать крестьян от стихийного переселения. Хотя многие из членов Кирнаркомзема отмечали, что экономическое положение уездов катастрофическое, как для крестьянства, так и для республики в целом. В связи с этим предлагалось голодающих этих уездов привлечь к общественным работам⁵.

К тому же одной из причин, способствовавших развитию голода, стала политика продовольственной разверстки, проводившейся большевиками, которая привела к развитию социально-экономического и политического кризиса в Казахстане. Уже с весны 1920 года в сводках ВЧК указывалось на ухудшение политического настроения масс на почве голода и плохого состояния хлебов, всюду отмечались ропот и недовольство.

С 1920 года развёрстка распространилась на все виды продовольствия, что в свою очередь вызвало кризисную ситуацию в самом существовании крестьянского хозяйства. В июне и июле 1921 года засуха распространилась на степные районы Казахстана. В общей сложности от засухи пострадали те губернии Казахстана, которые исторически являлись производителями зерна и оказались на грани разорения.

Таблица 1. Губернии, пострадавшие от засухи в 1921 году⁶

Губерния, область	Территории, пострадавшие от засухи	Среднее количество урожая с десятины в пудах	Количество урожая на душу населения в пудах
Актыбинская губерния	87	1,3	1,6
Уральская губерния	80	1,9	0,6
Букеевская губерния	80	2,5	0,2
Кустанайская губерния	64	3,8	2,3
Оренбургская губерния	50	5,2	1,9
Акмолинская губерния	18	17,6	5,7

⁴ Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 221. Л. 63.

⁵ ЦГА РК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 54. Л. 34-34об.

⁶ *Eiduck A. Die russische Hungersnot 1921–1922 und Ihre Bekämpfung in Lichte der Tatsache. Berlin, 1922. S. 4.*

Помимо этого, в результате засухи во многих губерниях Киргизской республики стал ощущаться недород хлебов. Так, например, в Уральской губернии, наиболее пострадавшей от засухи, площадь погибших хлебов составляла 80%⁷.

20 июня 1920 года Совнарком принял декрет «Об изъятии хлебных излишков в Сибири». Согласно этому декрету на регион была наложена разверстка в 110 млн пудов хлеба. По этому же декрету около 20 млн пудов хлеба приходилось на регионы Северного Казахстана: Петропавловский, Акмолинский, Кокчетавский и Атбасарские уезды. Однако ситуация осложнялась тем, что 1920 год оказался неурожайным. Размер налога, назначенный Наркомпродом на этот регион, превышал количество «излишков», имевшихся у населения. При этом продработники докладывали, что «при самой сильной выкачке хлеба взято 20%, а все другие развёрстки выполняются полностью и даже на 100%»⁸.

В начале 1920-х годов сельское хозяйство Казахстана находилось в сложном положении. Необходимость крестьянства приспособиваться к политике «военного коммунизма» и к продразвёрстке просто разоряла крестьянские хозяйства. С другой стороны, это вызвало протест казахского населения против проводившейся политики, выразившийся в угоне скота или же откочёвке в другие районы.

Политика продовольственной развёрстки оказала негативное влияние на экономическое состояние сельского хозяйства республики. При её проведении допускалось много злоупотреблений и ошибок. Продотряды стремились любыми средствами и способами выполнить развёрстку, так как от этого зависело их вознаграждение. Из материалов архивов следует, что продотряды повсеместно злоупотребляли властью. Примером этому может служить деятельность продотрядов в Адамовском и Мажаровском уездах Кустанайской губернии. «Военные агенты по закупке лошадей по-зверски поступают, реквизируют лошадей у киргиз табунами по твёрдой цене, а продают по вольной. Жители этих уездов неоднократно жаловались на незаконные действия продорганов в исполкомы и милицию, но они не придавали этому значения»⁹. Насильственная продовольственная политика лишила крестьянство права распоряжаться продуктами своего хозяйства и впоследствии привела к упадку сельскохозяйственного производства и экономической жизни Казахстана в целом.

Сложная ситуация в период эпохи «военного коммунизма» и продразвёрстки сложилась не только в сельской местности, но и в городах Казахстана. В результате политики продразвёрстки продовольственные запасы горожан истощились, что неминуемо привело к вспышкам голода. Обострению продовольственного вопроса в городах также способствовало увеличение числа беженцев.

Силовая политика государства вызвала всё более нараставшее недовольство аула и деревни. В ряде случаев непринятие административного террора и произвола, проводимого прежде всего местными управленческими органами, вылилось в акты открытого саботажа со стороны крестьянства, а иногда и вооружённого сопротивления. Так, например, в феврале–марте 1921 года очаги напряжённости стали возникать в Акмолинском, Кокчетавском и других районах края.

В пяти губерниях Киргизской АССР, которые были отнесены к голодающим губерниям, число голодающих неуклонно росло. Выглядело это следующим образом: Оренбургская – 44 478, Кустанайская – 25 816, Уральская – 25 816, Актюбинская – 359 325, Букеевская – 100 000 человек. Интересен тот факт, что многие архивные документы, в которых имеются сведения о периоде голода 1921–1922 годов в Казахстане, свидетельствуют о том, что при экономической слабости и разрухе сельского хозяйства Киргизской АССР катастрофа надвигающегося голода не была неожиданностью для местных и центральных властей. В ре-

⁷ ЦГА РК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.

⁸ Государственный архив Акмолинской области (ГААО). Ф. Р-55/09. Оп. 1. Д. 1. Л. 11-12.

⁹ ЦГА РК. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 62. Л. 5.

зультате кризиса, вызванного силовой политикой государства, в Киргизской АССР голодало более 2 855 тыс. человек¹⁰.

В результате развития голода в Казахстане сложилась чрезвычайно сложная ситуация, связанная с обеспечением населения региона продовольствием. Однако, несмотря на это, центральные партийные органы требовали от руководства Киргизской АССР оказывать различную помощь голодающим соседним губерниям и национальным республикам. В результате руководящие органы Киргизской АССР, оценив создавшееся положение и масштабы голода в республике, который постоянно увеличивался, было вынуждено приступить к поискам выхода из этой ситуации. В этом плане интересно то, что, с одной стороны, руководство Киргизской АССР было вынуждено выполнять указания центральных органов власти, оказывая посильную помощь голодающим губерниям России, а с другой – всё-таки отдавало приоритет решению внутренних проблем, вызванных развитием голода в республике. Ещё весной 1921 года из различных регионов Киргизской республики стали поступать сообщения в Президиум КирЦИК о начале голода в различных уездах и волостях республики. Так, в сообщении от 10 мая 1921 года говорилось, что «в Тургайском уезде по случаю небывало суровой зимы пал скот во всех 13 волостях этого уезда»¹¹.

Борьба с голодом в Киргизской АССР осложнялась тем, что из многих губерний республики, охваченных голодом, шло стихийное переселение крестьянства в соседние губернии России и на Украину в надежде избежать трудностей, вызванных голодом. Развитие стихийного переселения крестьянства с территории Киргизской АССР вызвало дальнейший упадок производительных сил в сельском хозяйстве республики. Поэтому обращение Центрального Исполнительного Комитета Киргизской АССР, изданное в августе 1921 года, к крестьянскому населению не только объяснялось стремлением приостановить это стихийное переселение, но и во многом было направлено на сохранение крестьянских хозяйств. В обращении ЦИК Киргизской АССР отмечалось, что «ваше стремление покинуть пораженные засухой места и переселиться на Украину понятно. Но у вас нет гарантий к тому, что вы благополучно доберетесь до желанного места, и у вас нет гарантии, что вас там также не застанет неурожай. Ваше стремление пагубно как для вас, так и для республики, Украины и России».

Далее в обращении отмечалось, что «Киргизский ЦИК рассмотрел вопрос о переселении и постановил прекратить всякое переселение. Дальнейшие ваши попытки к самовольному переселению на Украину будут рассматриваться как преступление государственного характера»¹². В связи с этим 23 июня 1921 года в Оренбурге состоялось совещание, созванное по инициативе СНК Киргизской АССР по оказанию помощи голодающим районам республики. В решениях совещания отмечалось, что необходимо принять меры по оказанию помощи населению следующих районов: Иргизского, Тургайского, Темирского, Уильского и Джамбейтинского, которые сильно охвачены голодом¹³.

В результате развития голода в республике в 1921 году партийные и государственные органы были вынуждены принять конкретные меры по преодолению создавшейся ситуации. В связи с этим 15 июля 1921 года Казахский Центральный исполнительный комитет (КазЦИК) издал специальное постановление о создании «Комитета помощи голодающему населению». Цель и задачи созданного органа сводились к выяснению причин и размеров бедствия, а также к выработке конкретных мероприятий по борьбе с голодом.

Тяжелая ситуация, вызванная развитием голода, сложилась в Уральской губернии. В телеграмме Уральского губисполкома во ВЦИК от 10 августа 1921 года говорилось, что

¹⁰ Козина В.В. Демографическая история Казахстана (конец XIX – нач. XX в.). Караганда, 2007. С. 34.

¹¹ ЦГА РК. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 31. Л. 6.

¹² Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1962. С. 183–185.

¹³ ЦГА РК. Ф. Р-74. Оп. 1. Д. 33. Л. 2-2об.

«Уральская область включена в состав голодающих районов»¹⁴. Подтверждением того, что ситуация в области была катастрофической, являются материалы опроса «Чем питается население Уральской губернии?», проведённого заведующими волостных земельных отделов, а также материалы губернских и уездных Комиссий помощи голодающим. В материалах опроса отмечалось, что уже с 1920 года в скотоводческих южных уездах губернии начался хлебный голод, охвативший прежде всего Гурьевский и Калмыковский уезды, в которых население питается различными суррогатами. В частности, мясом «поганных животных»: сусликов, кошек, собак, из птицы едят мясо ворона. Также убитые животные идут в пищу. Исключительное питание суррогатами вызывает много болезней. Имеются сведения, что оно уже свело в могилу не один десяток граждан¹⁵.

Несмотря на создавшуюся критическую ситуацию с урожаем хлеба, относительно неплохой урожай был собран в Семипалатинской и Акмолинской губерниях. Однако именно эти две благополучные губернии Киргизской АССР были «забронированы» Центром. Об этом 21 сентября 1921 года в докладе «О продовольственном положении в Кирреспублике» говорил народный комиссар по продовольствию Саматов. В докладе было отмечено, что «Совнарком РСФСР постановил весь хлеб Семипалатинской и Акмолинской губерний забронировать за центром, т. е. весь хлеб считается не в распоряжении Кирреспублики, а в распоряжении московских властей. В случае нужды мы ходатайствуем перед московскими властями, чтобы они дали нам то или другое количество хлеба»¹⁶.

Осенью 1921 года голод в Казахстане приобрёл угрожающие размеры. Из 6 млн населения автономной республики голодающих было 1 560 тыс. человек, а к весне 1922 года их число достигло 2 855 тыс. Во многих документах того времени отмечалось, что в результате развития голода возросла смертность среди детей в возрасте до одного года: в 1920 году она составляла 70%, а в 1921 году – 80–90%.¹⁷ По этому поводу 25 сентября 1921 года Народный комиссариат продовольствия Киргизии (Кирнаркомпрод) отмечал следующее: «О голоде – этом ужасном бедствии, охватившем почти всю необъятную территорию Киргизии – слишком мало говорят и ещё мало делают по борьбе с ним. Необычайная разбросанность территории Киргизии, почти полное отсутствие средств сообщения не даёт представить полную картину бедствия и сделать из неё те или иные выводы, но уже одни отрывочные сведения, поступающие с мест, указывают на то, что голод настолько сильно ударил по Киргизии, что своими силами справиться с ним она ни в коем случае не сумеет. Необходима серьёзная помощь, т.к. иначе хозяйство Киргизии может быть подорвано в самом корне, зачахнет, и на восстановление его придется потратить целые годы самой напряжённой работы и колоссальные материальные и денежные средства»¹⁸.

В результате всё ухудшавшейся ситуации в ноябре 1921 года было принято Положение ЦК Помгол при ЦИК Киргизской АССР. В Положении указывалась главная цель нового органа, который был создан для «объединения и согласования деятельности наркоматов и советских учреждений, как центральных, так и на местах, в области оказания помощи голодающим, принятия мер к сохранению сельского хозяйства в голодающих районах и предотвращения новых стихийных бедствий»¹⁹.

Также в ноябре 1921 года было принято положение о местных комиссиях помощи голодающим районам республики. В данном положении оговаривались задачи и цели комиссий. В частности, в задачи вновь созданных комиссий входили следующие пункты:

¹⁴ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 40. Л. 115об.

¹⁵ Там же. Л. 186об.-188.

¹⁶ ЦГА РК. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 146. Л. 43.

¹⁷ ЦГА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 103. Л. 39-40.

¹⁸ ЦГА РК. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 148. Л. 18.

¹⁹ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 29. Л. 3-3об.

1. организация помощи голодающим;
2. объединение всех профессиональных и советских органов помгол;
3. сбор пожертвований для голодающих²⁰.

Однако, несмотря на создание местных комиссий помощи голодающим, проблема преодоления голода в Киргизской АССР оставалась одной из актуальных, требовавшей незамедлительного решения. 1 ноября 1921 года состоялось заседание Чрезвычайной Комиссии ПомГол при ЦИК Киргизской АССР. В материалах заседания отмечалось, что препятствием в оказании помощи голодающим Киргизской АССР является отсутствие точных сведений о размерах бедствия, поэтому Москва, как указывалось в материалах заседания, без точных цифр не хочет вести разговор об оказании помощи. Для успешной реализации мероприятий по борьбе с голодом нужны статистические данные о голодающих не только по губерниям, но и по уездам²¹.

5 ноября 1921 года уполномоченные Киргизской АССР делали доклад ЦК ПомГол при ВЦИКе о создавшемся тяжёлом положении в республике в связи с начавшимся голодом. Большинство голодавших и погибших от голода были дети. Особенно тяжёлым положение детей было в Актюбинской, Оренбургской, Кустанайской, Уральской губерниях.

18 ноября 1921 года в докладной записке председателя ЦК по улучшению жизни детей Кенжина при ЦИК Казахской АССР в ЦК ПомГол ВЦИК указывалось, что пять губерний Киргизской АССР, а именно: Оренбургская, Актюбинская, Кустанайская, Уральская, Букевская были признаны центром голодающими слишком поздно, вследствие чего в Киргизской АССР для борьбы с голодом ничего не предпринималось. Поэтому в помощи голодающим детям Киргизская АССР оказалась на заднем плане. Кенжин также рассматривал в докладной записке вопрос о том, что для РСФСР реальная и энергичная помощь Казахстану является необходимой не в силу одних только соображений человеколюбия, необходимости спасти от голодной смерти сотни тысяч детей. Но данный вопрос о помощи детям Казахстана должен рассматриваться с точки зрения государственной пользы, так как без спасения от голодной смерти 630 000 детей Казахстана, той живой человеческой силы, немыслима эксплуатация природных богатств края²².

В отчете о деятельности Кустанайской губернской комиссии Помгол за период с 15 ноября по 15 декабря 1921 года указывалось, что количество голодающих растёт.

Статистические данные приведены в следующей таблице²³.

Таблица 2

Район	Детей до 16 лет	Стариков, инвалидов	Трудоспособное, не имеющее живого инвентаря	Трудоспособное, имеющее живой инвентарь	Всего
Кустанайский	18 220	1 777	6 152	6 483	27 632
Боровской	15 959	8 264	7 112	13 957	45 292
Семиозерный	5 400	4 140	6 657	9 317	25 514
Урицкий	6 222	896	1 737	2 598	11 443
Адамовский	5 253	1 685	1 242	3 316	12 000
Тургайский	30 000	10 000	5 000	15 000	60 000
г. Кустанай	5 645	2 000	2 250	1 141	11 036
Итого:	96 935	35 358	36 413	68 784	237 494

²⁰ Там же. Л. 116-117.

²¹ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 19. Л. 20-21об.

²² ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 20. Л. 91-92об.

²³ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 2. Л. 70.

25 ноября 1921 года был сделан доклад ЦК Помгол при ЦИК Киргизской АССР о голоде в республике. В докладе на основе сообщений с мест была дана характеристика бедствия по регионам. Так, по Актюбинской области, как отмечалось в докладе, голодало 200 000 человек, из них 20 000 детей и 1 800 инвалидов. В Актюбинске положение ещё более кошмарное, так как на станции Актюбинск находятся тысячи голодных, и с наступлением зимы смертность увеличится. Как отмечалось в докладе, ситуация по Кустанайской губернии также выглядела не лучшим образом, так как у 90% населения: Тургайского, Адамовского, Семиозерского и Денисовского районов нет продовольствия. Особенно тяжёлое положение в Тургайском районе, где киргизское население вымирает²⁴.

Голод в Кустанайской губернии стал ощущаться в июле 1921 года, то есть в период засухи, когда гибель посевов стала очевидной. К тому же немаловажную роль в развитии голода в Кустанайской губернии сыграл приток беженцев из голодающих регионов России. Масса беженцев из России осела в Кустанайской губернии, тем самым пополнив собой число голодающих²⁵. Помимо этого, причинами, послужившими развитию голода в Кустанайской губернии, явились необоснованные мероприятия власти по изъятию излишков хлеба. В результате перегибов со стороны новой власти в Кустанайской губернии были признаны голодающими 18 волостей и пять районов. К 1 января 1921 года на территории губернии проживало 57 717 человек, из этого числа населения голодом было охвачено 28 374 человека²⁶. Особенно сильно от голода пострадали следующие районы Кустанайской губернии: Пришимский, Средне-Аркинский, Наганалинский Атбасарского уезда.

Наиболее сильно влияние голода отразилось на беженцах, осевших в Кустанайской губернии. По этому поводу кустанайская газета «Степь» писала: «Теперешнее голодное переселение из поволжских губерний – это, по общему мнению, безумие. Возможно, что сотни, а может быть, тысячи из менее потерявших голову и просившихся куда попало спасутся, но большая часть из них, несомненно, погибнет к тому времени, когда на место их вывоза уже придёт необходимая помощь»²⁷.

Во многом причиной развития голодного бедствия в Кустанайской губернии стал волонтеристский и административный подход в решении продовольственной проблемы. Об этом сообщает доклад Цекапомгол при КирЦик от 25 февраля 1922 года: «Цекапомгол при КирЦик считает необходимым довести до сведения ВЦИК, что имеются также недоработки в целом ряде вопросов, внесшие неясность и путаницу в работу по оказанию помощи голодающим Киргизской АССР. Что касается Кустанайской губернии, то она признана центром как голодающая губерния и которая находится в самом катастрофическом положении. Причиной такому положению послужило аннулирование нарядов на получение продовольствия из Челябинска и из Акмолинской губернии»²⁸. В результате волонтеристского решения продовольственной проблемы 90% населения Кустанайской губернии было охвачено голодом. В отчёте Оренбургской губернской комиссии помгол о состоянии помощи голодающим отмечалось, что «в губернии скопилось 300 беженцев, впавших в нужду, так как среди них есть такие, которые переселились в Кустанайскую губернию недавно и не успели обзавестись хозяйством. Для обеспечения голодающих минимальным пайком до урожая 1922 года потребуется 1 800 000 пудов продовольствия»²⁹.

В плане ситуации, сложившейся среди киргизского (казахского) населения, интересны материалы протокола совещания ответственных работников Киргизской республики по во-

²⁴ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-8.

²⁵ ЦГА РК. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

²⁶ Там же. Л. 230.

²⁷ «Степь» № 5 от 4.03.1921.

²⁸ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 45. Л. 84.

²⁹ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 2. Л. 64-67об.

просам организации помощи голодающему населению, состоявшегося 10 декабря 1921 года. На этом совещании с докладом о состоянии дел среди киргизского населения выступил Ауэзов. Докладчик отметил, «что местные органы помголода больше стараются удовлетворить тех голодающих, которые находятся у них под руками, т.е. в близлежащих городах и сёлах, а потому забота далеко от городских районов киргизского населения всегда отводится на последний план. Киргизское население степных районов давно питается крысами, мышами, сусликами, в результате чего развиваются эпидемии в огромных размерах, что влечёт за собой большую смертность среди киргизского населения»³⁰.

12 декабря 1921 года в ЦИК Помгол при ВЦИК была послана телеграмма председателя ЦК Помгол при ЦИК КирАССР, в которой указывалось, что размеры голода в Кирреспублике увеличиваются, и к весне положение будет ещё более катастрофическим³¹. В кочевых регионах края смертность в результате голода достигла 30%, а в некоторых районах доходит до 75%³².

12 декабря 1921 года в докладе ЦК Помгол при ЦИК Киргизской АССР о положении голодающих сообщалось, что в Оренбургской губернии на 1 октября 1921 года число голодающих составляло 604 104 человека. По районам Оренбургской губернии в процентном отношении это выглядело следующим образом.

Таблица 3³³

Районы Оренбургской губернии	Число голодающих в процентном отношении от общего числа населения, %
Петровский район	65
Илецкий район	48
Краснохолмский район	40
Шарлыкский район	40
Орский район	65
Покровский район	70
Исаево-Дедовский район	65
Оренбургский район	70

Из материалов доклада также следует, что и в других губерниях Киргизской АССР ситуация выглядела не лучшим образом. В результате всё более ухудшающегося положения, связанного с ростом числа голодающих на территории Киргизской республики, руководство Киргизской АССР было вынуждено обратиться с письмом в ЦК Помгол при ВЦИК, в котором говорилось о том, что в результате развития голода им охвачены юг и юго-восток республики. Также по сведениям, поступающим с мест, в результате засухи в следующих губерниях: Букеевской, Оренбургской, Кустанайской, Актюбинской и Адаевском уезде погиб не только урожай, но и корма, что вызвало падёж скота. В письме также подчеркивалось, что в результате роста голода население буквально вымирает. Поэтому руководство Киргизской республики заостряет внимание на том, несмотря на предпринятые КирЦИК экстренные меры по борьбе с голодом, в связи с отсутствием средств он бессилён оказать надлежащую и действенную помощь голодающему населению³⁴. Также в письме полномочного

³⁰ ЦГА РК. Ф. Р-74. Оп. 1. Д. 27. Л. 53-55об.

³¹ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 27. Л. 12.

³² Тургараева Г.М. История Казахстана. Алматы, 2016. С. 199.

³³ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 12. Л. 112.

³⁴ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 2. Л. 23-24.

представителя Киргизской АССР при ВЦИК в ЦК Помгол указывалось на необходимость оказания экстренной государственной и общественной помощи³⁵.

Голод охватил также некоторые районы Акмолинской губернии. В центральные органы республики поступал целый ряд телеграмм и ходатайств от Акмолинского губернского исполнительного комитета с просьбами разобраться в создавшемся положении. В частности, в многочисленных телеграммах отмечалось, что рост голода в Акмолинской губернии вызван не только засухой, но и переселением 470 000 пострадавших от голода беженцев из других губерний, главным образом из Челябинской, Кустанайской и Самарской, а также из некоторых районов Поволжья. Неурожай, вызванный засухой, и приток голодающих беженцев поставили экономическую инфраструктуру Акмолинской губернии в сложное положение³⁶.

Экономическое состояние Киргизской республики в этот период хорошо иллюстрирует письмо секретаря киргизского обкома РКП(б) Дунаева, в котором он писал: «За отчётный период должно, прежде всего, отметить резкое ухудшение состояния посевов. Длительные засухи по всей территории Киргизской АССР уничтожили 50% посева в урожайных уездах Акмолинской губернии. Таким образом, Киргизия (Казахстан) оказалась на последнем месте по всей Советской России. В наиболее тяжёлом положении находятся Уральская и южные уезды Акмолинской губернии»³⁷.

Последствия неурожая и засухи, а также рост численности голодающих способствовали общему ухудшению экономического положения, что в свою очередь повлияло на рост бандитизма и преступности. Вследствие неурожая в отдельных районах наблюдалось подавленное и местами тревожное настроения крестьянства, происходили вспышки бандитизма. Особенно опасной в этом отношении была голодающая Уральская губерния.

В докладе о продовольственном положении Кустанайской губернии от 20 декабря 1921 года, направленном в ЦК Помгол при ЦИК Киргизской республики, отмечалось, что рост численности голодающих особенно заметен с началом зимы. Голодают целые районы. Голодом охвачено до 75% Кустанайского и Боровского районов и 50% Адамовского, Федоровского и Урицкого районов. В докладе также указывалось на то, что в связи с развитием голодного бедствия в Кустанайской губернии повысилась смертность от различных инфекционных заболеваний, которая составляет 50%³⁸.

22 декабря 1921 года ЦК Помгол при ЦИК Киргизской АССР был также рассмотрен доклад Актюбинской губернской комиссии. В докладе сообщалось, что на 8 октября 1921 года особенно поражены голодом были Темирский, Карабутацкий, Уильский и южные районы Актюбинской губернии. Общее число голодающих 344 215, из этого числа, как свидетельствуют материалы доклада, голодом было охвачено 87 725 детей и 286 490 взрослых³⁹.

28 декабря 1921 года из Москвы в ЦК Помгол при ЦИК Киргизской АССР поступило секретное сообщение, в котором речь шла о беженцах, скопившихся в Оренбурге. Как констатировало сообщение, беженцы, живущие в бараках, находятся в чрезвычайно тяжёлом положении. Смертность среди них огромна. Так, например, в Краснохолмском районе находится 15 000 человек голодающих, что требует незамедлительного решения⁴⁰. В Актюбинской губернии по некоторым районам количество голодающих достигает 80%. В результате недоедания в Актюбинской губернии к концу 1921 года развилась эпидемия тифа⁴¹.

³⁵ Там же. Л. 25-25об.

³⁶ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 45. Л. 84-85.

³⁷ История Казахстана. Документы и материалы. Алматы, 2017. С. 43.

³⁸ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 34. Л. 34-34об.

³⁹ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 1. Л. 78-78об.

⁴⁰ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 27. Л. 34-34об.

⁴¹ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 45. Л. 98.

Смертность от голода и сопутствующих ему болезней, а также массовая миграция населения из районов бедствия вызвали резкое снижение численности населения Киргизской республики. Если в 1914 году на территории Казахстана проживало 4 811 662 человека, то к 1922 году его население составляло 3 795 963 человека⁴².

По статистическим данным, поступавшим с мест, количество голодающих по губерниям Киргизской республики в 1921 году можно отразить в следующей таблице.

Таблица 4⁴³

Губерния /уезд	Количество голодающих
Оренбургская губерния	473 776
Кустанайская губерния	252 816
Актюбинская губерния	359 326
Уральская губерния	277 855
Букеевская губерния	100 006
Адаевский уезд	75 007
Акмолинская губерния	10 067
Итого:	1 639 443

Положение в Киргизской республике оставалось сложным и в 1922 году. Мероприятия, проводившиеся государственными органами республики, были недостаточны, чтобы окончательно ликвидировать бедствие. С другой стороны, центральные республиканские и губернские органы не всегда реагировали на информацию, поступавшую из районов бедствия. 18 января 1922 года во ВЦИК, в ЦК Помгол при ВЦИК был послан доклад о положении в Орском уезде Оренбургской области, в котором было отмечено, что фактически развитию голодного бедствия в Орском уезде Оренбургской губернии способствовали принудительные мероприятия развёрстки, когда был реквизирован весь хлеб. В результате принудительных мероприятий по сдаче хлеба и других продуктов в г. Орске и уезде население поголовно голодает. Смертность от голода с каждым днём увеличивается. В статистических данных сообщалось, что в г. Орск с 16,5-тысячным населением только за первую неделю января умерло от голода 300 человек. Смертность среди детского населения достигает 33%. В докладе также упоминалось о том, что, несмотря на неоднократные обращения в губернские и центральные органы Киргизской республики, никаких результатов в получении должной помощи не было достигнуто. Таким образом, невзирая на неоднократные просьбы, ходатайства и требования в губернские и центральные органы Киргизской республики, всё это оставалось без ответа, или просто следовал отказ, что для оказания помощи нет продовольствия и материальных средств⁴⁴.

В феврале 1922 года в Оренбурге прошёл I краевой съезд комиссий помощи голодающим Киргизской республики. Материалы съезда интересны тем, что указывают на сложности в организации действенной помощи голодающим районам. О недостатках в работе говорилось в докладе Сергеева, где докладчик указал на конкретные промахи в борьбе с голодом. Именно они, по мнению докладчика, влияли на эффективность деятельности губернских и уездных комиссий помощи голодающим. К числу недостатков в работе были отнесены следующие:

1. отсутствие быстрой связи и получения информации с мест;

⁴² История Казахстана. Очерк. Алматы, 1993. С. 229.

⁴³ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 45. Л. 107-108.

⁴⁴ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 35. Л. 88-89.

2. заготовка продовольствия и невозможность перебросить заготовленные продовольственные ресурсы в голодающие районы;

3. тяжёлое положение с железнодорожным транспортом, возникшее в результате снежных заносов, вследствие чего продовольствие, предназначенное для районов, не было вовремя доставлено к месту назначения⁴⁵.

В резолюции, принятой на I краевом съезде комиссий помощи голодающим Киргизской республики, указывалось на то, что борьба с голодом в Киргизской республике происходит в необычайно тяжелых условиях, вызванных экономическими отношениями, а именно из-за глубокого упадка народного хозяйства, выразившегося в полном отсутствии связи и разрухе железнодорожного транспорта, из-за огромных территорий районов, охваченных голодом. В резолюции особо подчеркивалась необходимость усиления эвакуации детей в места, не пораженные голодом. Было принято решение о ходатайстве перед Турцией о принятии большого количества детей. В резолюции также отмечалось, что голодом охвачено 80% населения Киргизской республики⁴⁶.

28 февраля 1922 года на I сессии ЦИК Киргизской АССР, проходившей в Оренбурге, был сделан доклад председателя Президиума ЦИК Киргизской АССР Мендешева. В частности, в докладе было отмечено, что особо тяжёлая ситуация в борьбе с голодом сложилась в степных районах, оказание помощи степному населению осложняется тем, что органы помгол не успевают удовлетворять нужды населения городов и сёл. А киргизское (казахское) население предпочитает умереть с голоду, чем идти в центры за помощью. В связи с создавшимся положением, как подчеркивал Мендешев, был создан специальный штат работников из числа коренного населения, который отправлен в степные районы для оказания реальной помощи голодающему населению⁴⁷.

В результате развития голода, как уже отмечалось, в некоторых районах Киргизской республики замечены случаи людоедства. Поэтому Наркомату юстиции Киргизской республики пришлось разослать разъяснения по поводу мер наказания. 8 марта 1922 года Наркомат юстиции Кирреспублики отправил на места секретное сообщение, в котором указывалось, что в некоторых округах Киргизской республики на почве голода среди населения возникли дела об употреблении в пищу человеческого мяса. Как говорилось в этом сообщении, по таким видам дел необходимо самое внимательное обсуждение всех обстоятельств каждого дела, связанных как с особым душевным состоянием, возникшим на почве физиологического голодания, так и с самой исключительностью факта питания человеческим мясом, развившегося в отдельных случаях на основе психической ненормальности или на основе признаков физического вырождения⁴⁸.

Как указывалось в циркулярном обращении ЦК Помгол при ЦИК Киргизской АССР за март 1922 года, количество голодающих детей по Киргизской АССР составляло 463 622 человека. Особо подчеркивалась роль заграничных организаций в создании условий питания детей. Так, например, в Оренбургской и Актюбинской губерниях американская организация АРА организовала питание 188 330 детей⁴⁹.

В страшные голодные годы в тяжёлом положении оказались не только крестьяне Киргизской республики, но и рабочие. Чтобы облегчить их положение, 1 260 казахских семей в организованном порядке были отправлены в Туркестанский край. В 1921 году Туркестан принял около 41 000 детей казахов⁵⁰. Как отмечалось в отчёте о деятельности краевой комиссии

⁴⁵ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 28. Л. 171-174.

⁴⁶ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 28. Л. 107-107об.

⁴⁷ ЦГА РК. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 18. Л. 54-65.

⁴⁸ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 43. Л. 254-254об.

⁴⁹ ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 29. Л. 78-80.

⁵⁰ ЦГА РК. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 162. Л. 78.

помощи голодающим при Наркомате продовольствия Киргизской АССР за апрель 1922 года, число голодающих (по губерниям) составляло:

Таблица 5

Наименование губернии	Голодающее население
Оренбургская губерния	426 735
Актюбинская губерния	368 141
Кустанайская губерния	251 816
Акмолинская губерния	472 000
Уральская губерния	378 813
Семипалатинская губерния	5 616
Адаевский уезд	75 000
Букеевская губерния	100 000
Итого:	2 071 121

Как отмечалось в отчёте, по сведениям, поступающим с мест, число голодающих увеличилось на 25–30%⁵¹.

В июле 1922 года был заслушан доклад о деятельности ЦК Помгол при КазЦИК. Особое внимание в нём было уделено ситуации, сложившейся в Акмолинской губернии. Отмечалось следующее: «Комиссия по организации помощи голодающим в Акмолинской губернии способствовала созданию в уездных городах Кокчетаве, Атбасаре, Акмолинске специальных комиссий по организации помощи голодающим. В свою очередь уездные организации помощи голодающим организовывали волостные комиссии помощи голодающим. С 1 мая по 15 июля 1922 года численность голодающих в Акмолинской губернии определялась от 400 тыс. до 450 тыс. человек. Поступавшие сведения с мест отмечали, что положение населения катастрофическое. Так, например, в уездах Петропавловском, Кокчетавском, Монгалинском и Аклинском Атбасарского уезда население уже обречено на голодную смерть. Местами люди питаются суррогатами, падалью, имелись случаи людоедства»⁵².

В этом плане интересны статистические сведения о количестве голодающих по губерниям Киргизской АССР за июль 1922 года. Приведённые в таблице статистические данные охватывают все возрастные группы населения республики.

Таблица 6

Наименование	Детей	Взрослых	Всего
Оренбургская губерния	234 512	263 539	498 051
Актюбинская губерния	72 309	227 691	300 000
Кустанайская губерния	95 930	237 116	333 106
Акмолинская губерния	210 000	230 000	440 000
Уральская губерния	165 559	126 539	292 098
Семипалатинская губерния	6 110	8 396	14 505

3 октября 1922 года был обнародован доклад Акмолинского губернского совета помощи голодающим. В докладе были чётко сформулированы причины, вызвавшие развитие голод-

⁵¹ ЦГА РК. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 877. Л. 45-49.

⁵² ЦГА РК. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 36. Л. 60.

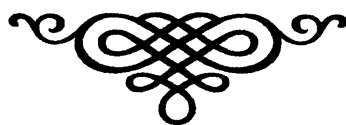
ного бедствия в Акмолинской губернии. Голод в Акмолинской губернии возник от недорода хлебов как в 1921 году, так и в некоторых районах губернии в 1922 году. Как подчеркивалось в докладе, немаловажным фактором, повлиявшим на развитие голода в губернии, явился наплыв голодающих беженцев из Поволжья, которые переполнили губернию и усугубили голод. В связи с этим в декабре и в январе голод принял в губернии большие размеры, что привело к тому, что население некоторых районов стало питаться суррогатами. Особенно голод отразился на прибывших из голодающих губерний, число которых составило 30 000 человек⁵³. Так, например, в материалах IX Всероссийского съезда Советов констатировался тот факт, что в октябре 1922 года в результате последствий голода в Киргизской АССР было зарегистрировано 189 233 беспризорных детей, 11 450 инвалидов войны, 6 456 нуждающихся в помощи безработных и 94 448 разорённых голодом семейств. Как указывалось в материалах съезда, со стороны государства было проявлено исключительное внимание к бедствующему населению, был предоставлен целый ряд льгот для отдельных уездов губерний, признанных постановлением ЦК Помгол в 1921–1922 гг. голодавшими. Как сообщают материалы съезда, последствия голода были велики, они ещё не изжиты.

По мере ликвидации последствий голода в России увеличивалось число желающих вернуться на старое место жительства. Только за июль 1922 года из Акмолинской области было отправлено 3 798 человек, в том числе в Самарскую губернию 1 934 человека и в Казанскую 1 640 человек⁵⁴.

Данная статья о гуманитарной катастрофе 1921–1922 гг., постигшей Киргизскую республику, не претендует на исчерпывающий анализ этого трагического события. Надо отметить, что существенным моментом в изучении данной проблемы является прежде всего освещение демографических потерь, вопросов миграции населения, влияния инфекционных заболеваний и многих других вопросов, которые нуждаются в более тщательном изучении и анализе.

Таким образом, подводя итог, хотелось бы сказать, что трагедия 1921–1922 гг., охватившая Казахстан, имела неизбежный характер и произошла в результате сложного комплекса причин.

Для прекращения недоразумений в освещении вопросов гуманитарной катастрофы, постигшей Казахстан в 1921–1922 гг., важную роль могло бы сыграть привлечение и использование не только архивных материалов, но и новых исторических документов.

⁵³ ЦГА РК. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 19. Л. 6-7об.

⁵⁴ ЦГА РК. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 162. Л. 78.

**ПЁТР КАРЛОВИЧ УСЛАР:
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ПРОБЛЕМА ПУБЛИКАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ**

Пётр Карлович Услар является значительной фигурой в истории кавказского языкознания. О нём написано немало работ¹, где рассмотрена его деятельность по изучению кавказских языков, обучению горцев. Однако, описывая жизненный путь П.К. Услара, большинство авторов почему-то забывают указать, что его работы оказались ненужными ещё при его жизни, а после смерти вообще были преданы забвению. Если бы не его ученик Л.П. Загурский и не Кавказский отдел Императорского Русского географического общества (далее –

¹Алиева А. Пётр Карлович Услар – основоположник кавказской фольклористики // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. Вып. 1. С. 388-413; П.К. Услар // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета. Филологические науки*. 2013. № 1. С. 10-15; *Бекоева Т.А.* Академик П.К. Услар – видный просветитель Северного Кавказа второй половины XIX века // *Сибирский педагогический журнал*. 2009. № 6. С. 208-220; *Бекоева Т.А.* Видный просветитель Северного Кавказа второй половины XIX века П.К. Услар. Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2008. 155 с.; *Бекоева Т.А.* Просветительно-педагогические идеи П.К. Услара. Владикавказ, 2000. 159 с.; *Бекоева Т.А.* Роль П.К. Услара в развитии школы и просвещения горских народов Северного Кавказа: Диссертация ... канд. педагог. наук. Владикавказ, 1998. 230 с.; *Блейх Н.О.* Историко-педагогические воззрения П.К. Услара (к 200-летию со дня рождения) // *History and Historians in the Context of the Time*. 2017. № 1 (15). С. 37-48; *Бунькова Ю.В.* Проблемы изучения и просвещения народов Северного Кавказа во взглядах и деятельности П.К. Услара и Н.И. Воронова: Диссертация ... канд. истор. наук: 07.00.02. Нальчик, 2007. 221 с.; *Габуниа З.* Генерал Услар и кавказские языки // *Эхо Кавказа*. 1992. № 1. С. 24-25; *Габуниа З.М.* Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания, Владикавказ: СОИГСИ, 2011. С. 10-101; *Гаджиев А.-Г.С.* Пётр Карлович Услар – выдающийся кавказовед: историческая литература. Махачкала: Дагучпедгиз, 1966. 25 с.; *Гутнов Ф.Х.* Нормы обычного права осетин. Ч. II. Алаты обществ Западной Осетии. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. С. 162-188; *Гутнов Ф.К.* П.К. Услар и алаты западных осетин // *Известия СОИГСИ*. 2014. № 12(51). С. 97-117; *Гюльмагомедов А.Г., Гюльмагомедов Г.А.* Труды П.К. Услара по дагестанским языкам и современная лингвистика // *Вестник Дагестанского научного центра*. 2008. № 32. С. 70-73; *Загурский Л.П.* Пётр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // *Кавказ*. 1881. № 233. 24 октября. С. 1-2; № 235. 27 октября. С. 2-3; *Загурский Л.П.* Пётр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // *Сборник сведений о кавказских горцах*. Тифлис: Тип. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1881. Вып. 10. С. I-LXXXIII; *Каймаразов Г.Ш.* П.К. Услар об образовании и воспитании дагестанских горцев (К 190-летию со дня рождения кавказоведа) // *История, археология и этнография Кавказа*. 2006. Вып. 8. С. 143-151; *Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С.* Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь. Ставрополь: Изд-во Дизайн-студия Б, 2021. С. 279-283; *Магомедов А.А.* П.К. Услар как крупнейший кавказовед и лингвист (к 150-летию со дня рождения) // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1966. Вып. 5. С. 377-385; *Магомедов А.* П.К. Услар – исследователь дагестанских языков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. 100 с.; *Рашидова Г.Р.* Дагестан в публицистике П.К. Услара // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2007. С. 183-185; *Рашидова Г.Р.* Дагестан в художественной публицистике П.К. Услара: Диссертация ... канд. филол. наук: 10.01.01. Махачкала, 2007. 157 с.; *Чалаева П.Ш.* Роль П.К. Услара и его учеников в развитии лакско-русских языковых контактов // *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 2 (33). С. 307-309; *Чикобава А.С.* П. Услар и вопросы научного изучения горских иберийско-кавказских языков // *Иберийско-кавказское языкознание*. Тбилиси: Мецниереба, 1955. Вып. 7. С. 459-473.

КОИРГО или Отдел), членом которого П.К. Услар (в чине капитана Генерального штаба являлся с момента его основания 10 марта 1851 года)², то, возможно, о его трудах, как научных, так и педагогических, забыли бы на долгий срок.

Почти никто из авторов работ о П.К. Усларе не затрагивал вопрос о том, каким образом началась и с каким скандалом развивалась публикация его лингвистического наследия. Практически все исследователи писали и пишут о выдающемся вкладе в филологию и педагогику так, будто этот вклад был оценён большинством учёных и общественных деятелей ещё в XIX веке. Классическим примером может служить следующий пассаж: «Огромный вклад в развитие культуры народов Северного Кавказа внёс русский военный инженер, а впоследствии член КОИРГО барон Пётр Карлович Услар... результаты его исследований оказались наиболее важными для развития письменности дагестанских языков, о которых Услар подготовил пять монографий»³. Как мы покажем далее, на самом деле большинство стараний П.К. Услара в деле образования горцев в начале 1870-х годов пошли прахом, а его лингвистические работы, хотя и высоко оценивались отдельными лингвистами, но за пределами Кавказа были известны мало, в основном в пересказах академика А. Шифнера. С ним П.К. Услар вёл переписку, отсылал ему свои отлитографированные труды, а тот знакомил с ними общественность, делая краткие сообщения на немецком.

Отлитографированные работы П.К. Услара стали библиографической редкостью ещё при его жизни, и только активная позиция некоторых членов КОИРГО не позволила им кануть в небытие после смерти автора. Примечательно, что публикация трудов П.К. Услара, по задумке их редактора, имела целью не распространение их в образовательных целях (хотя именно такую цель преследовал, создавая их, сам автор), а всего лишь поверхностное знакомство «читающей публики» со своеобразными «музейными экспонатами», которые редактор счёл возможным исправлять так, как ему вздумалось. В данной статье мы постараемся проследить жизненный, творческий и педагогический путь П.К. Услара, особое внимание обратив на вопросы, которые оставались «за кадром» для большинства исследователей.

Научная деятельность во второй половине XIX века П.К. Услара, А.А. Шифнера и А.М. Дирра стала этапной в изучении языков народов Кавказа, поскольку они задалась целью создания описательных грамматик кавказских языков.

Современные учёные называют П.К. Услара родоначальником кавказоведения. Он подготовил восемь грамматик кавказских языков, из которых опубликованы только семь. В XIX веке было издано шесть грамматик – абхазского, чеченского, аварского, лакского, лезгинского («кюринского») и даргинского («хюркилинского») языков; грамматика табасаранского языка опубликована только в 1979 году.

Современник П.К. Услара А.А. Шифнер – автор грамматик четырёх языков (чеченского, бацбийского, аварского, удинского языков), один из первых исследователей кавказских языков, – познакомил Россию и Европу с работами П.К. Услара.

А.М. Дирр работал в конце века и подготовил десять грамматик (грузинского, убыхского, удинского, табасаранского, агульского, андийского, арчинского, цезского, рутульского, цахурского языков).

Эти три исследователя, особенно П.К. Услар, заложили прочный фундамент кавказского языкознания, их труды и сейчас являются основополагающими для лингвокавказоведов⁴.

² Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (ЗКОИРГО). 1852. Кн. 1. С. 226.

³ Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 274.

⁴ Халидов А.И. Языки и народы Кавказа: вопросы истории и типологии, социо-, этно- и эколингвистики. Махачкала: АЛЕФ, 2019. С. 50-51; Языки народов СССР. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 12.

П.К. Услар родился 20 августа 1816 года в деревне Курово Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Его дед приехал из Ганновера и поступил на русскую военную службу в 1765 году. Александр I пожаловал ему имение Курово⁵. Отец П.К. Услара Карл Карлович (Карл Людвиг Август Фридрих) фон Услар, капитан, участник Отечественной войны 1812 года, был женат на Вере Васильевне Чихачёвой. У них было три сына и четыре дочери. Пётр Карлович был старшим из сыновей⁶.

Несмотря на то, что его предки были выходцами из германских земель, сам П.К. Услар считал себя русским, причём не в смысле подданства или «верности императору», а этнически. До десяти лет воспитывался гувернёром дома, затем два года обучался у Постникова вместе с его сыном их гувернёром⁷. Последний обучил его латыни. В 1833 году П.К. Услар окончил курс в 3-й петербургской гимназии, а в 1836 году окончил Главное инженерное училище. Службу на Кавказе П.К. Услар начал в 1837 году. Принял участие в экспедиции в Южный Дагестан в 1839 году, участвовал во взятии Ахты. В 1840 году он оставил Кавказ на десять лет: окончил Академию ГШ, потом совершил длительное путешествие за границу. После причисления к ГШ после окончания Академии он понёс большую утрату – в 1843 году от скарлатины умерли его жена София Карловна Краббе и старшая дочь Юлия. Это и стало причиной отъезда⁸.

По возвращении был назначен в Отдельный Сибирский корпус и участвовал в экспедиции в Киргизскую степь для подавления восстания Кенесары Касымова⁹. После неё П.К. Услар был отправлен в командировку для составления военно-статистического описания Новгородской и Тверской губерний, затем – Вологодской, результатом чего стали два тома в «Военно-статистическом обозрении Российской империи»¹⁰.

Увлёкшись исследовательской деятельностью, П.К. Услар хлопотал о переводе его на Кавказ. Однако до того как он осуществился, П.К. Услар принял участие в Венгерской кампании 1849 года. В том же году он стал членом Императорского Русского географического общества. После возвращения из Венгрии в 1850 году П.К. Услар был командирован на Кавказ для составления описания Эриванской губернии.

Командировка эта затянулась на 25 лет, которые П.К. Услар посвятил Кавказу. «Описание Эриванской губернии» стало первым его трудом по кавказоведению¹¹. С основания в

⁵ Помимо Курова, Услары владели также деревнями Горбово и Наумово.

⁶ *Загурский Л.П.* Пётр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1881. Вып. 10. С. IX.

⁷ Там же. С. X.

⁸ *Бекоева Т.А.* Академик П.К. Услар – видный просветитель Северного Кавказа второй половины XIX века // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 6. С. 210.

⁹ *Барон У-р [П.К. Услар].* Четыре месяца в Киргизской степи // Отечественные записки. 1848. Т. 60. № 10. Отд. 2. С. 141-224. Л.П. Загурский ошибочно озаглавил эту статью «Шесть месяцев в Киргизской степи» (см.: *Загурский Л.П.* Пётр Карлович Услар... С. XI).

¹⁰ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. СПб.: В типографии Департамента Генерального Штаба, 1848. Т. 4. Ч. 1: Тверская губерния. По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составляли: Ген. Штаба штабс-капитаны: Услар и Фон-Минстер. [4], 326 с., [29] л.; Т. 2. Ч. 3: Вологодская губерния: по рекогносцировкам и материалам, собр. на месте, составлял Ген. Штаба капитан Услар. 1850. [6], 382, [46] с., [13] л. табл.

¹¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. СПб.: В типографии Департамента Генерального Штаба, 1853. Т. 16. Ч. 6: Эриванская губерния: по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял Ген. Штаба капитан Услар. [4], 300 с., [10] л. табл. Его перу принадлежат также: *Услар П.К.* Заметка об изучении убыхского языка // Кавказ. 1868. № 113; *Услар П.К.* Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1. Отд. V. С. 3-42; *Услар П.К.* Начало христианства в Закавказье и на Кавказе // Сборник сведений о кавказских

1851 году КОИРГО П.К. Услар принимал в нём активное участие. Он был одним из 16 членов-основателей Отдела, постоянно выступал на его заседаниях, публиковался в «Записках КОИРГО».

Частые служебные перемещения по Краю способствовали детальному знакомству с ним. П.К. Услар изучал Кавказ в географическом, этнографическом, историческом отношениях, ознакомился с его населением. В первый период пребывания в Крае он изучил восточные провинции Закавказья и Дагестан, с 1851 по 1853 год – Чечню. В 1854 году П.К. Услар был в отряде, действовавшем против турок со стороны Эриванской губернии, а затем командирован с юга на север – в распоряжение начальника Джаро-Белоканского военного округа и Лезгинской кордонной линии. Он был в Гурийском отряде, начальником штаба управления Кутаисского генерал-губернатора (с 1856 года), в результате чего изучил западную часть Закавказья, составив ценные этнографические заметки¹².

Благодаря ходатайству Главнокомандующего Кавказской армией в 1858 году на П.К. Услара было высочайше возложено составление истории Кавказа. Для этого исследования П.К. Услар собирал документы в архивах Кизляра, Моздока и Георгиевска. С рвением он принялся за работу, изучая теперь письменные источники по истории Края. Но издана работа не была. «С каждым днём, – писал П.К. Услар в 1859 году А.П. Берже, – я убеждаюсь в том, что была бы возможность написать удовлетворительно историю целого Кавказа, если бы были подготовлены к тому материалы, а не иначе». В силу того, что в распоряжении П.К. Услара не имелось таких материалов, ему не удалось завершить своё историческое исследование¹³. Кроме того, Л.П. Загурский указывал, что «за составление истории Кавказа пожелало приняться лицо, занимавшее тогда важный военный пост в Тифлисе. Услар поэтому не мог довести затеянный труд до конца»¹⁴. Отрывки из его работы позже были опубликованы в «Сборнике сведений о кавказских горцах».

Поскольку древняя история Кавказа была плохо изучена, П.К. Услар решил заняться ею. Это привело его к выводу, что в её раскрытии поможет изучение лингвистики Кавказа. Он

горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. Отд.1. С. 1-24; *Услар П.К.* О колхах // ЗКОИРГО. Т. 14. Вып. 2. 1891. С. 391-403; *Услар П.К.* О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3. Отд. IV. С. 1-30; *Услар П.К.* Равнины Эриванской губернии; Взгляд на Эриванскую губернию в гидрографическом отношении и обозрение реки Аракса // ЗКОИРГО. 1852. Кн. 1. С. 3-54; *Услар П.К.* Характеристические особенности кавказских языков. Из последних сочинений П.К. Услара // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. Отд. 1. С. 1-19. Отдельной серией были изданы: *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис: Типография Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887. XV+193+120 с.; *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1888. 52+246+117 с.; *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1889. 242+275+20 с.; *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис: Тип. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1890. 42+422+14 с.; *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлис: Тип. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1892. 497 с.; *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис: Тип. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1896. 639 с.; *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 1072 с.

¹² *Загурский Л.П.* Пётр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1881. Вып. 10. С. XV-XVIII; *Услар П.К.* Гурийский отряд в 1855 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1880. Т. 5. С. 235-470.

¹³ *Багамаева М.С.* Дагестан в работах П.К. Услара. <http://lib05.ru/sites/default/files/2021-09/%C2%AB%D0%94%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%20%D0%B2%20%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%85%20%D0%9F.%20%D0%9A.%20%D0%A3%D1%81%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%C2%BB.docx>

¹⁴ *Загурский Л.П.* Пётр Карлович Услар... С. XIX.

стал активно изучать кавказские языки. «Странное, по-видимому, явление, – отмечал автор некролога П.К. Услару. – человек, прошедший уже почти 25 лет в военной службе, по профессии вовсе не лингвист, принимается на 45 году своей жизни за изучение языков, и притом ещё кавказских! Правда, Услар ещё в гимназии ознакомился с древними классическими языками, был знаком отлично и с новыми европейскими языками, известны были ему также основные законы и современные задачи лингвистики, – всё это, в связи со свойственным ему анализом в исследованиях, давало, конечно, право предполагать, что филологические занятия не будут чужды для него; но, во всяком случае, нельзя не согласиться, что явление, указанное выше, выходит из ряда обыкновенных: только человек с сильной верою в науку и притом одарённый твёрдым, железным характером, мог бы взяться за тот труд, за который смело принялся уже далеко не в молодые годы своей жизни наш незабвенный кавказский лингвист»¹⁵.

Серьёзное изучение восточно-горских языков началось в 1850-х годах. В основном кавказские языки изучали либо недолгими наездами, либо вовсе не выезжая из столицы империи. Основными исследователями были представители Академии наук, которым помогали в сборе материала члены КОИРГО. Исключения составляли А.М. Шёгрэн и Л.Я. Люлье, но последний не имел специальной лингвистической подготовки. Как справедливо отметил Л.П. Загурский, подводя итоги доусларовскому периоду изучения кавказских языков, «кавказские языки трудно изучать, заезжая на Кавказ на короткое время или живя в столице... исследованием их надо заниматься так, как занимался осетинским языком Шёгрэн»¹⁶. На Кавказе это понимали. И КОИРГО также решил заняться изучением языков Кавказа. «Но дело это, – отмечал Л.П. Загурский, – было поведено столь неудачно, что хотелось бы умолчать о нём. История, однако, не имеет права умалчивать о прошлом. Кроме того, ошибки прошлого бывают поучительны для будущего»¹⁷.

25 апреля 1853 году на общем собрании КОИРГО действительный член Отдела Н.В. Ханыков выдвинул идею об изучении и классификации горских народов на основе языков. За консультацией обратились в Императорскую Академию наук, где вопрос обсудили академики Б.А. Дорн, А.М. Шёгрэн, М.И. Броссе, О.Н. Бётлингк и А.А. Шифнер¹⁸. В 1854 году¹⁹ эта группа академиков обратилась к кавказскому наместнику с просьбой о помощи в исследовании языков и наречий Кавказа. Они отвергли предложение КОИРГО о составлении сравнительных и полных словарей и предложили программу более глубокого изучения «грамматического состава языков и внутреннего их устройства». Причём должны это были делать филологи, хорошо знающие языки, а поскольку таковых не было, то серьёзное изучение следовало отложить. Рекомендовалось заняться пока собиранием и записыванием пословиц и народных песен, сопровождая их по возможности буквальным переводом на русский язык, составлением словарей и простых разговорников на языках, которые уже имеют письменность²⁰.

15 февраля 1855 года на общем собрании Отдела против такой постановки вопроса выступил И.А. Бартоломей, указав, что таким образом ждать появления филологов-специалистов по отдельным языкам можно десятилетиями, а то и столетиями. Поэтому он предложил обратиться не к филологам, но к людям, хорошо знающим те или иные языки и наречия, с их помощью составить сравнительный словарь главнейших кавказских языков и наречий. Для

¹⁵ Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (ИКОИРГО). 1875. Т. 4. № 1. С. 40.

¹⁶ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. XXXI.

¹⁷ Там же. С. XXXII.

¹⁸ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 8.

¹⁹ У Л.П. Загурского ошибочно указан 1855 г. [Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. XXXIII].

²⁰ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. XXXIV.

этого было решено сделать программу и разослать её в разные части Кавказского края. Предложения эти были приняты, а ответственным за координацию работ над словарём было решено назначить действительного члена КОИРГО А.П. Берже²¹. Рассчитывалось, что работа будет завершена в три года²². Но из разосланных сборников возвращено было всего 12 с переводами на туземные языки²³.

В 1858 году действительный член КОИРГО Н.В. Ханыков рекомендовал пригласить на Кавказ для исследования иранских языков академика Б.А. Дорна, поскольку на Кавказе своих специалистов не было, а «из ныне живущих ориенталистов нет ни одного, который был бы так знаком с историей, археологией и нумизматикой восточной части Кавказа и южного поморья Каспия». Кроме того, Н.В. Ханыков ходатайствовал о приглашении за счёт Отдела ученика Б.А. Дорна – П.И. Лерхе, специалиста по курдскому языку²⁴. Члены Комитета согласились с доводами Н.В. Ханыкова, однако приезд Лерхе так и не состоялся²⁵. Составление словаря кавказских языков и наречий также затянулось из-за масштабности работы, а затем постепенно вообще было свёрнуто. На заседании Распорядительного комитета 13 марта 1860 года А.П. Берже попросил освободить его от поручения по составлению сравнительного словаря, что и было удовлетворено²⁶.

Вместо назначения на его место нового руководителя Комитет создал комитет в составе И.А. Бартоломея, П.Ф. Рисса, И.И. Григорьева и В.Г. Тригорова для составления нормального русского словаря, «который должен быть принят в руководство при переводе его на туземные языки и наречия»²⁷. Однако новый сборник русских слов для перевода на местные языки был составлен только в 1861 году из-за смерти П.Ф. Рисса и отъезда из края ещё одного члена комиссии²⁸. Кроме того, возвращённые словари в большинстве своём оказались плохого качества из-за неопытности составителей и переводчиков, а также потому, что часть звуков местных говоров невозможно было выразить русскими буквами. Как отмечалось в работе Л.П. Загурского, «явились лица, пожелавшие приняться за это дело (составление алфавитов для горских народов. – *О.Г.*). но оказалось, что многие из них вовсе не были ознакомлены не только с горскими языками, но даже с алфавитом Шёгрена»²⁹.

Оживить процесс попытались И.А. Бартоломей и П.К. Услар. Однако подходы у них были разные. И.А. Бартоломей считал, что изучением языков можно заниматься, не дожидаясь появления специалистов-лингвистов, через носителей языка, составляя словари, а на их основе – азбуки и грамматики. Он предлагал составить в течение двух-трёх лет сравнительные словари такого типа, что существовали до возникновения сравнительно-исторического языкознания. П.К. Услар, напротив, высказывался за необходимость сначала хорошо изучить язык, в том числе и с помощью его носителей, а затем приступать к составлению учебных материалов. П.К. Услар считал позицию И.А. Бартоломея дилетантской, поскольку тот предлагал не комплексное изучение языка, а только отдельных слов. К тому же И.А. Бартоломей не являлся специалистом-филологом и не был знаком с новейшими трудами по языковедению. П.К. Услар был сторонником методического и последовательного, глубокого и всестороннего изучения кавказских языков³⁰. По мнению П.К. Услара, исследования по кавказским

²¹ ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 248-254.

²² Загурской Л.П. Пётр Карлович Услар... С. XXXV.

²³ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 9.

²⁴ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 27-28.

²⁵ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 29.

²⁶ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 69.

²⁷ Там же.

²⁸ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 9.

²⁹ Кавказские алфавиты // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 10.

³⁰ Дешериев Ю.Д. Значение научного наследия П.К. Услара для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1956. № 3. С. 108.

языкам должны были послужить подготовительным материалом к истории Кавказа. Эту работу нужно было организовать в следующей последовательности: сначала исследовать каждый язык в отдельности, независимо от количества населения, говорящего на нём. Всесторонние исследования отдельных языков должны были заложить основу для последующего сравнительно-исторического изучения кавказских языков. Таковую задачу ставил П.К. Услар перед собой, перед кавказским языкознанием³¹.

Вопрос о составлении алфавитов для горских народов был вновь поднят в конце 1850-х – 1860-х годов в связи с покорением Россией Восточного Кавказа. «Русское правительство приступило к улучшению быта и цивилизованию этого края: оно старалось о поднятии материального благосостояния и о более целесообразном устройстве его, а также о сближении его с Россией путём насаждения в нём образования. В это-то многозначительное для Кавказа время был поднят кавказским военным ведомством вопрос о введении туземной грамотности на русском основании среди мусульманского горского населения восточной части Края»³².

28 января 1860 года Александр II, рассмотрев представление об учреждении Общества восстановления православного христианства на Кавказе, представленное кавказским наместником князем А.И. Барятинским, выразил мнение, что правительство обязано стремиться к восстановлению православия на Кавказе. Для достижения этой цели было решено образовать Общество восстановления православного христианства на Кавказе³³. 1 июня 1860 года оно начало действовать в Тифлисе под непосредственным руководством наместника Кавказского и экзарха Грузии Евсевия (Ильинского)³⁴. 2 июня 1860 года последовало высочайшее утверждение устава Общества, а 9 июня 1860 года император Александр II в Царском Селе дал грамоту на имя наместника Кавказского, князя А.И. Барятинского, в которой сообщалось об учреждении Общества восстановления православного христианства на Кавказе³⁵. Согласно уставу Общества, центром его стал город Тифлис, управление Обществом принадлежало наместнику Кавказа, а практическое ведение дел – его совету³⁶. Общество считало необходимым обратить основное внимание на те меры, которые могли возбудить в горах истинное и сознательное расположение к христианству. Чтобы достичь подобной цели, надо было сделать доступной для кавказцев церковную литературу и направить к ним способных священнослужителей. Отсюда следовало, что одна из задач заключалась в том, чтобы составить для тех горских народов, у которых нет «никакой письменности, письменный язык и перевести на него священные книги»³⁷.

13 мая 1861 года на общем собрании КОИРГО П.К. Услар изложил своё мнение о необходимости составления азбуки для тех кавказских народностей, которые не имели своей пись-

³¹ Там же. С. 109-110.

³² Кавказские алфавиты // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 10.

³³ Цимба А.Л. Учреждение Общества восстановления православного христианства на Кавказе и его деятельность в деле просвещения абхазов // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2022. № 2 (58). С. 66. Детальнее о его деятельности см.: Волхонский М.А. Общество восстановления православного христианства на Кавказе: между миссионерством и цивилизаторством (1860–1885) // Российская история. 2019. № 6. С. 105-126.

³⁴ Блейх Н.О. Образовательная миссия общества по восстановлению православного христианства на Северном Кавказе (XIX в.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12. № 2. С. 30-31; Цимба А.Л. Учреждение Общества восстановления православного христианства на Кавказе... С. 66.

³⁵ Волхонский М.А. Общество восстановления православного христианства на Кавказе... С. 108; Цимба А.Л. Учреждение Общества восстановления православного христианства на Кавказе... С. 66-67.

³⁶ Бекоева Т.А. Академик П.К. Услар... С. 212.

³⁷ Цимба А.Л. Учреждение Общества восстановления православного христианства на Кавказе... С. 69.

менности. Для изучения любого языка, писал он, «прежде всего должна быть составлена азбука данного языка, при помощи самих же туземцев»³⁸. П.К. Услар доказал, что главная причина неудач заключалась в том, что все сборники слов и научные исследования принимали для изображения звуков языка буквы, не выражавшие его звуков³⁹. Он убедил участников процесса, что сначала необходимо обучать горцев их родному языку, составленному на основе русского алфавита, а затем уже – русскому языку⁴⁰. На основе русского и грузинского алфавитов – первого, как наиболее известного на Кавказе, а второго, как наиболее близкого по звуковому строю к большинству языков, – им было предложено составить общекавказский алфавит. П.К. Услар составил и отпечатал «кавказский алфавит». В основу он положил алфавит А.М. Шёгрена, но несколько изменил его, упростив написание некоторых букв. «Азбука, составленная Усларом, – отмечал Л.П. Загурский, – первоначально заключала в себе, однако, изрядное количество букв со знаками наверху; впоследствии изображение их подверглось изменению»⁴¹. И действительно, он много сделал для реализации своих идей. «Учёные-языковеды середины XIX века также серьёзно занимались изучением языков Кавказа, – отмечает современный историк, – однако только П.К. Услару удалось рассмотреть во всей широте и глубине проблемы, связанные с рядом горских языков. Хотя он продолжил дело изучения кавказских языков, с его именем, считают современные кавказоведы, связано начало их подлинного научного исследования. За короткий период им были созданы и оттографированы капитальные труды, которые и сегодня не потеряли своей научной ценности. На основе алфавитов вскоре были составлены буквари для школ, по которым началось обучение горцев родному и русскому языкам под руководством П.К. Услара. Этот замечательный просветитель и педагог справедливо считал, что школа влияет на весь народ, и поэтому горские школы должны состоять на 2/3 из учащихся местных национальностей и на 1/3 из русских учеников, оказывающих друг на друга положительное взаимное влияние»⁴².

Одновременно в 1861 году генерал-майор И.А. Бартоломей представил наместнику Кавказа особую записку о введении письменности среди кавказских горских народов. Он предлагал возложить труд по составлению азбук на особую комиссию, в состав которой должны были войти не только лингвисты, но и представители горских народов, владеющие своим и русским языками. По решению Общества восстановления православного христианства на Кавказе И.А. Бартоломею было поручено создать и возглавить специальную комиссию и приступить к составлению азбук для всех кавказских народов, предоставив его собственному усмотрению, с какого языка начать.

Комиссия Общества восстановления православного христианства на Кавказе в составе действительных членов КОИРГО И.А. Бартоломея, В.Г. Тригорова и П.Н. Рисса (после его смерти новым членом комиссии стал Д.И. Пурцеладзе) составила новый сборник русских слов для перевода, который был отпечатан в 100 экземплярах для рассылки⁴³. Комиссия не имела больших проблем с финансами. Но, по мнению Л.П. Загурского, она смотрела на свои занятия, как на забаву⁴⁴. Она решила начать составление азбук с абхазского, вызвав в Тиф-

³⁸ Багамаева М.С. Дагестан в работах П.К. Услара. <http://lib05.ru/sites/default/files/2021-09/%C2%AB%D0%94%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%20%D0%B2%20%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%85%20%D0%9F.%20%D0%9A.%20%D0%A3%D1%81%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%C2%BB.docx>; Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Т. 3. Отд. IV. С. 1-30.

³⁹ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 9-10.

⁴⁰ Загурский Л.П. Записка об исследовании кавказско-горских языков // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. С. 5.

⁴¹ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. XXXVIII.

⁴² Бекоева Т.А. Академик П.К. Услар... С. 213.

⁴³ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 17.

⁴⁴ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. LXV.

лис трёх грамотных абхазов. П.К. Услар не был включён в состав Комиссии из-за разницы в подходах к делу с её главой. Но он порекомендовал им ознакомиться предварительно со звуковой системой и грамматическим строением абхазского языка. Но Комиссия отвергла это предложение и решила сразу составить букварь. Для этого нужен был алфавит, которого у абхазцев не существовало, а звуковая система языка была многообразной.

П.К. Услар, не принимая участия в Комиссии, с помощью указанных представителей этого народа⁴⁵ взялся изучать абхазский язык – самый сложный из кавказских, да ещё и его бзыбское наречие, «превосходящее обилием звуков все остальные абхазские наречия (в этом наречии насчитывается 55 звуков)»⁴⁶. Комиссия же, не ознакомившись со звуковыми особенностями языка, «просто-напросто списала, и притом плохо, алфавит Услара». С помощью вызванных в Тифлис абхазцев букварь ею был составлен, но с массой ошибок. В 1865 году в Тифлисе были изданы первый абхазский букварь и книга под названием «Доброе чтение православным»⁴⁷.

Первыми были составлены азбуки и буквари для абхазского и сванетского языков. И.А. Бартоломей, В.Г. Тригоров и Д.П. Пурцеладзе делали эту работу при помощи туземцев. Буквари предполагалось напечатать и ввести в школы⁴⁸. Правда, они оказались низкого качества, а сванетский вообще не пригодным⁴⁹. На основе отлитографированной работы П.К. Услара была начата работа по составлению чеченского букваря. Он был предназначен для цовского общества, язык которого, родственник чеченскому, всё же являлся отдельным языком⁵⁰.

П.К. Услар же, после детального ознакомления с абхазским языком, переехал в Чечню. Изучив чеченский, он отлитографировал свой труд о нём. Комиссия вновь заимствовала из него алфавит и составила чеченский букварь, также невысокого качества. «Означенный букварь не был, конечно, применён к делу и остался в складе изданий Комиссии»⁵¹.

Буквари Комиссия составляла с русским переводом, но вольным, а не подстрочным, и без разбора предложений. Буквари эти так и не были введены в обращение. Одновременно Общество занималось переводом на горские языки священных книг. Но успехом окончился только перевод на осетинский. Переводы на остальные языки не были сделаны, так как «языки эти оказываются младенческими и неразвитыми»⁵². Как показал П.К. Услар, проблема заключалась на самом деле не в этом, а в том, что переводчики не знали хорошо указанные языки. «Не горские языки нужно винить в том, что на них не были переведены книги, – констатировал Л.П. Загурский, – а лиц, заправлявших этим делом и не пожелавших ознакомиться с означенными языками. Но сознаться в этом прямо, откровенно, было бы неловко, – вот и свалили всю вину на горские языки»⁵³. В создававшихся Обществом школах преподавание сначала велось на местных языках, для подготовки учителей была создана Александровская учительская гимназия. Затем общество передало гимназию и ведение учебной части кавказскому учебному ведомству. Однако образовательный процесс, по мнению Л.П. Загурского, вёлся нерационально и рутинно⁵⁴.

⁴⁵ Загурский Л.П. Записка об исследовании кавказско-горских языков // Приложение ИКОИРГО. 1887. Т. 9. С. 6-7.

⁴⁶ ИКОИРГО. 1875. Т. 4. № 1. С. 44.

⁴⁷ Цимба А.Л. Учреждение Общества восстановления православного христианства на Кавказе... С. 69.

⁴⁸ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 11.

⁴⁹ Загурский Л.П. Записка об исследовании... С. 7.

⁵⁰ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. LXV-XLVII.

⁵¹ Загурский Л.П. Записка об исследовании... С. 7.

⁵² Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. LXVII.

⁵³ Там же. С. LXVIII.

⁵⁴ Там же. С. LXVIII-LXIX.

В 1866 году финансирование перевода богослужебных книг на горские языки было сильно урезано, а в 1871 году совет прекратил издательскую деятельность⁵⁵.

«Дело введения письменности и распространения грамотности на туземных горских языках, – отмечал автор второй половины XIX века, – начатое по инициативе генерал-лейтенанта Бартоломея и генерал-майора Услара, нашло поддержку, почти одновременно, со стороны Общества восстановления христианства на Кавказе и со стороны военного ведомства. Поводом к такой поддержке послужили, между прочим, общие как для Общества и для администрации Края цели: легчайшее и скорейшее распространение в массе горского населения полезных сведений и согласных с видами правительства понятий, с уменьшением в то же время вредного в политическом смысле влияния на горцев арабской учёности». Автор справедливо указывал, что для решения этих вопросов трудились оба военных и само Общество, и «всё это подвинуло дело введения письменности и распространения грамотности на горских языках настолько, что, ежели поддержка этого дела со стороны общества и администрации будет продолжаться и впредь, даже хотя только в таком размере, как это было с 1861 года до настоящего времени, то можно от этого ожидать самых благотворных результатов»⁵⁶. Однако при этом публицист не указал, что пути Общества и И.А. Бартоломея с П.К. Усларом разошлись, и работали они не столько совместно, сколько параллельно друг другу из-за различий во взглядах на исследование языков и их преподавание.

П.К. Услар представлял на Кавказе военное ведомство, которое занималось вопросом образования горцев западной части Закавказья параллельно с Обществом восстановления христианства⁵⁷. Планировалось «позаботиться на первых порах о введении среди его (местного населения. – *О.Г.*) туземной грамотности на русском основании и об издании букварей и книг для первоначального чтения»⁵⁸. Однако в новом формате была одна проблема: поручать переводы сборников слов и составление правил языков приходилось людям, не имевшим никаких филологических познаний. Поэтому председательствующий в КОИРГО А.П. Карцов предложил для более качественного составления словарей и изучения языков пригласить в Тифлис туземцев, владеющих языками. Под руководством членов Отдела они должны были работать здесь. Было решено вернуться к программе, предложенной академиками, т. е. исследовать грамматический состав языков и составить словари и буквари для туземцев⁵⁹.

КОИРГО обратился к своему председательствующему и начальнику штаба Кавказской армии А.П. Карцову с просьбой по возможности способствовать исследованиям П.К. Услара⁶⁰. По ходатайству начальника штаба округа на полковника ГШ П.К. Услара было возложено это дело. Найдя в 1861 году в Тифлисской гимназии ученика 7 класса Геттинкау, аварца по происхождению, П.К. Услар с его помощью и при содействии преподавателя Умикова стал изучать аварский язык⁶¹. Для образца, пользуясь и советами А.П. Берже, барон составил в 1861 году аварскую азбуку, которую планировал дополнить новыми знаками. Свои идеи он изложил на бумаге и разослал разным лицам для обсуждения⁶². До П.К. Услара не было ни одной работы, в которой была бы исследована фонетическая система какого-либо из горских кавказских языков, за исключением нескольких «Опытов» А.А. Шифнера. Поэтому од-

⁵⁵ Волхонский М.А. Общество восстановления православного христианства на Кавказе: между миссионерством и цивилизаторством (1860–1885) // Российская история. 2019. № 6. С. 120.

⁵⁶ Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография главного управления наместника кавказского, 1863. Вып. 1. С. 67-68.

⁵⁷ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. XLV.

⁵⁸ Загурский Л.П. Записка об исследовании... С. 8.

⁵⁹ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 11.

⁶⁰ Кавказские алфавиты // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 11.

⁶¹ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. XXXIX.

⁶² ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 9.

ним из наиболее трудных и важных вопросов в исследовании того или иного горского кавказского языка являлся вопрос о фонетической системе данного языка и выявлении его фонемного состава⁶³.

Именно поэтому в 1862 году П.К. Услар был командирован в Грозный, где с помощью муллы Янгулбая, муталлимов и Кеди-Досова изучил чеченский язык, составил к нему алфавит и в течение шести недель обучил своих подопечных чтению на нём; затем он составил букварь, по которому Янгулбай обучал грамоте учеников грозненской горской школы⁶⁴.

В 1863 году П.К. Услар начал изучать дагестанские языки. Был составлен алфавит для кабардинского языка, на основе которого Кази-Атажукин написал букварь⁶⁵. С 1863 года местом расположения П.К. Услара стала Темир-Хан-Шура. С помощью поручика Айдемира Чиркеевского он изучал аварский язык, окончив труд по этому языку в 1864 году. После этого П.К. Услар занялся исследованием казикумухского (лакского) языка, а в 1866–1867 гг. – хюрклинского (так он называл наречие даргинского языка). В 1871 году он окончил труд о кюринском языке и принялся за табасаранский⁶⁶.

П.К. Услар также составил очерки сванетской и убыхской грамматики, составил материалы для исследования закубанских адыгов и готовил сравнительную грамматику аварских наречий. Как отмечалось в отчёте 1864 года, «уже третий год этот почтенный деятель науки живёт то в том, то в другом уголке Кавказа и трудится с полным успехом на почве, ещё не тронутой»⁶⁷. В 1864 году П.К. Услар отлитографировал труд об аварском языке – международном для жителей Нагорного Дагестана, в 1865 – о лакском, в 1867–1868 гг. о хюркилинском, а в 1871 году окончил труд о кюринском языке. Параллельно он составлял труд «Древнейшие сказания о Кавказе»⁶⁸. Лакский, даргинский, кюринский и табасаранский языки до П.К. Услара никто не изучал⁶⁹.

Составляя алфавиты для горских народов, он предлагал учитывать многообразие звуков, поэтому алфавит А.М. Шёгрена для некоторых народов им был существенно дополнен. «Услар при составлении своих алфавитов тщательно избегал надбуквенных знаков, не соединённых с буквами... этим начертаниям он предпочитал условные буквы, а чаще всего или видоизменял немного начертания данных букв, или же прибавочные знаки соединял с буквами»⁷⁰. «В видах облегчения грамотности для туземцев Услар дал место в своём алфавите только скорописным буквам и не допускал заглавных»⁷¹.

Изучая и обучаясь, П.К. Услар придумал способ для составления горских алфавитов: в основу азбуки был положен русский алфавит, за исключением из него «паразитных» и букв, выражающих двойные звуки. Под буквами, выражающими звуки, тождественные со звуками русского языка, записывалось сначала по одному слову. Для выражения тех звуков, соответствия которым в русском языке не было, он придумывал изображения, близко подходившие к русским буквам, или вводил буквы других алфавитов (латинского и грузинского), избегая при этом сложных начертаний. Под этими буквами он также записывал слова. Записанные слова служили и основанием для будущего словаря, поскольку каждое новое слово вносилось в соответствующую графу.

⁶³ Дешериев Ю.Д. Значение научного наследия П.К. Услара... С. 112.

⁶⁴ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. XLVII.

⁶⁵ Там же. С. XLVII-XLVIII.

⁶⁶ Там же. С. XLVIII.

⁶⁷ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 11-12.

⁶⁸ Загурский Л.П. Записка об исследовании кавказско-горских языков // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. С. 8. Отчёт о деятельности и состоянии Кавказского отдела ИРГО в 1886 году. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего на Кавказе, 1887. С. 7.

⁶⁹ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. XLIX.

⁷⁰ Кавказские алфавиты // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 12.

⁷¹ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. XXXVIII.

П.К. Услар не только сделал эту работу, но и проследил образование звуков абхазского языка. Нововведением П.К. Услара было то, что он в словарях давал не только перевод слов языка, но и их видоизменения, а после сборника слов следовал список русских слов с переводом их на тот или иной язык. По его мнению, «сказки, песни, поговорки, живущие в устах народных, составляют единственный вполне надёжный, ничем посторонним не засорённый источник к изучению языка». Поэтому сбор их, по мнению П.К. Услара, должен был быть главной задачей филолога после составления азбуки. «Русские времён Петра Великого, – отмечал он, – говорили по-русски не хуже нашего, но писали по-русски как бы на малоизвестном им языке, пока не обратились к живым источникам народного слова»⁷².

«Труды Услара представляют не одни только этимологии, но разностороннее исследование данных языков в отношениях фонетическом, грамматическом, синтаксическом и лексическом, с присоединением анализа образцов в прозе и в стихах... А какая тщательность в обработке этих трудов! ...Труды его представляют полные, осмысленные описания данных языков; в них описываемые языки являются организмами, устроенными вполне целесообразно»⁷³.

Изучая языки, П.К. Услар занимался и собиранием этнографических данных. Образ научного мышления П.К. Услара был таков, что ему недостаточно было заниматься только составлением азбук и грамматик неисследованных языков горцев. Он считал, что в лингвистические исследования следует включать песни, пословицы, поговорки, которые затем могут войти в учебные книги для горцев⁷⁴. Не удивительно, что, например, большая часть помещённых в «Сборниках сведений о кавказских горцах» народных сказаний была собрана, обработана и переведена П.К. Усларом⁷⁵.

Обыкновенно П.К. Услар отыскивал среди горцев носителя того или иного языка, знающего русский и «способного вникать под его руководством в свойства родного языка». Таких людей он называл «руководителями». С ними он составлял алфавиты языков. Показания таких горцев проверялись показаниями других. Так постепенно составлялись грамматические очерки и словари⁷⁶. Из «руководителей» под руководством П.К. Услара постепенно выходили сотрудники, способные к самостоятельной помощи и к составлению букварей и книг для начального чтения. Последние составлялись под их руководством⁷⁷. Исключением стало изучение табасаранского языка: П.К. Услару пришлось пять раз менять помощников⁷⁸.

Основное время, помимо поездок, П.К. Услар проводил в Курове (чаще всего – с конца апреля до середины сентября), где и литографировал свои работы; а также в Темир-Хан-Шуре.

Под руководством и при участии П.К. Услара на средства военного ведомства в военной типографии штаба военного округа были напечатаны: 1) Правила мусульманской веры, переведённые с арабского на кабардинский поручиком Магомедом Шардановым (1864 г.); 2) Два отрывка из народной поэмы «Сосыруко», перевод из сочинения «La Perse» Loui de Dubeuf и «Ашик Кариб» (перевод сказки М.Ю. Лермонтова). Брошюра, составленная на кабардинском языке прапорщиком Кази Атажукиным, напечатана в 1864 году; 3) Несколько рассказов из сочинения Саади «Гюлистан», переведённые на кабардинский язык прапорщиком Кази Атажукиным (1864 г.); 4) Букварь кабардинского языка, составленный прапорщиком Кази Атажукиным (1865 г.); 5) «О воде, воздухе и их видоизменениях», перевод с рус-

⁷² Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. XLIV-XLV.

⁷³ ИКОИРГО. 1875. Т. 4. № 1. С. 46.

⁷⁴ Бекоева Т.А. Академик П.К. Услар... С. 213.

⁷⁵ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. VI.

⁷⁶ Там же. С. L.

⁷⁷ Загурский Л.П. Записка об исследовании... С. 10.

⁷⁸ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. L.

ского (из «Детского мира» К.Д. Ушинского) на кабардинский язык прапорщика Кази Атажукина (напечатан в 1867 г.); 6) Букварь чеченского языка, составленный П.К. Усларом (выгравирован в 1863 г.); 7) Аварская азбука, составленная П.К. Усларом (напечатана в типографии бывшего Главного штаба Кавказской армии в 1865 г.); 8) Аварские сказки, собранные Айдемиром Чиркеевским (первая часть напечатана в типографии штаба войск Дагестанской области в 1867 г. под непосредственным наблюдением П.К. Услара). Бывшим учителем аварского языка в Отделении восточных языков при Новочеркасской гимназии Мухаммед-Дебир Хандиевым составлены: 9) грамматика аварских наречий; 10) хрестоматия на аварском языке со словарём; 11) аварский разговорник (эти сочинения на момент составления отчёта ещё не были напечатаны); 12) П.К. Услар свои исследования обобщил в отлитографированной им работе «Этнография Кавказа. Маарульский язык»; 13) Казикумухская азбука, составленная П.К. Усларом (напечатана в 1865 г.); 14) «Вода, воздух и их видоизменения» (из «Детского мира»), перевод на казикумухский язык Абдуллы-Омар-оглы (напечатан в 1866 г.); 15) Арифметика на казикумухском языке, составленная Абдуллой-Омар-оглы (1867 г.); 16) «Генерал-майор Услар свои обширные грамматические и филологические исследования над языком казикумухским изложил в пространной записке, впоследствии отлитографированной, но мало распространённой, под названием “Этнография Кавказа: язык лакский”»⁷⁹.

В 1862 году за исследование абхазского и чеченского языков П.К. Услар был удостоен полной Демидовской премии от Императорской Академии наук⁸⁰, а в 1868 году после смерти академика А.А. Шлейхера П.К. Услар был избран членом-корреспондентом Академии наук по разряду лингвистики историко-филологического отделения.

П.К. Услар предполагал, что его исследования позволят составить классификацию народов на основе языков для решения вопроса об их происхождении⁸¹. В результате он свёл кавказских горцев в три группы: западно-, восточно-кавказскую и грузинскую (иверскую)⁸². Таким образом, П.К. Услар заложил основы классификации кавказских народов⁸³. Изучение горских языков должно было упорядочить и географическую номенклатуру Кавказа⁸⁴. Параллельно П.К. Услар занимался изучением древней истории Кавказа.

П.К. Услар был сторонником сближения горского населения с русскими, насаждения вместо враждебных – добрососедских отношений. Этому во многом должна была способствовать школа⁸⁵. «Чтобы держать горцев Дагестана в повиновении, – писал он, – мы прибегаем к страху, к деньгам и почестям», а единственно правильное поведение – «акклиматизация науки на горной почве»⁸⁶. В статье «О распространении грамотности между горцами» П.К. Услар подверг резкой критике мусульманскую религиозную школу. «Горе не в Коране, – указывал он, – горе в невежестве»⁸⁷.

Борьбу за вытеснение арабской письменности и религиозных школ следовало начинать, по мнению П.К. Услара, с создания письменности на родных языках горцев и организации начальных школ с преподаванием на этих языках. Эта новая письменность должна базироваться на русской графической основе. Обучение родной грамоте П.К. Услар рассматривал

⁷⁹ Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 67-72.

⁸⁰ ИКОИРГО. 1875. Т. 4. № 1. С. 45.

⁸¹ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. LII.

⁸² Кавказ. 1868. № 113.

⁸³ Услар П.К. Характеристические особенности кавказских языков. Из последних сочинений П.К. Услара // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. Отд. 1. С. 1-19.

⁸⁴ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. LVI.

⁸⁵ Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3. Отд. IV. С. 1-30.

⁸⁶ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. LXX.

⁸⁷ Там же.

как «наилучшее подготовительное пособие к изучению русской грамоты». «Выучите, – писал он, – сначала ученика-горца грамоте на его родном языке и от неё перейдите к русской»⁸⁸.

П.К. Услар видел преимущества обучения горцев грамоте по азбукам, составленным на русской графической основе, по сравнению с обучением по азбукам, в основу которых положен арабский алфавит, в том, что в первом случае горские дети «учатся сначала своей азбуке, чтобы перейти к чужой», а во втором – «учатся сначала чужой, чтобы перейти к своей»⁸⁹.

В итоге П.К. Услар «составил алфавиты для более распространённых языков, как то: для абхазского, чеченского, аварского, даргинского, казикумухского (лакского), кюринского и табарсанского. Составлен был, при содействии его, и алфавит для кабардинского языка; полковник Каменев в своих заметках о черкесском языке принял тоже алфавит Услара»⁹⁰. С педагогической точки зрения работы П.К. Услара были добротными, но составлялись только на туземных языках, без переводов на русский, поскольку его азбуки и книги для чтения имели целью исключительно обучение горцев грамоте на родном языке⁹¹. Ещё в 1862 году по рисункам П.К. Услара была заказана в гравировальне Ревильона и у тифлиссских гравёров вырезка матриц для разных шрифтов. Шрифты отливались в Тифлисской военной типографии⁹². После переезда П.К. Услара в Темир-Хан-Шуру шрифты были высланы туда⁹³.

Большую помощь в распространении работ П.К. Услара и вообще в осуществлении его планов оказали члены КОИРГО: начальник Кавказского горского управления Д.С. Старосельский и начальник Дагестанской области князь Л.И. Меликов. Одно из главных достоинств алфавитов Услара – это практичность их: они чужды пестроты и легко усваиваются. Это подтвердилось опытами, производимыми каждый раз предварительно в той стране, в которой вводилась русско-горская грамотность.

П.К. Услар пересмотрел методику преподавания в горских школах и их программу, считая, что народные школы должны быть общеобразовательными, элементарными, а не специальными; он составил примерное расписание уроков, предусмотрел педагогический состав школ. Он писал: «Целью элементарных училищ должно быть не столько приобретение сведений, сколько развитие способностей приобретать сведения»⁹⁴.

«В Грозном, – сообщал Л.П. Загурский, – по изучении П.К. Усларом чеченского языка, была устроена временная школа, в которой преподавал Янгулбай Хасанов. В неё вызваны были из разных местностей Чечни муталимы для изучения новой грамотности. Учение продолжалось всего шесть недель. Вот что писал Услар о результатах занятий муталимов: “Муталимы были в восторге от своих шестинедельных занятий, в продолжении которых выучились читать-писать на своём языке, и в придачу почти выучились читать-писать по-русски”. С переходом Услара в Дагестан и там устроены были временные горские школы. В Темир-Хан-Шуре, в присутствии нашего достоуважаемого сочлена кн. Л.И. Меликова, правившего тогда Дагестанской областью, производилось испытание обучавшихся аварско-горской письменности. “Результаты, сказано в отчёте, превзошли всякие ожидания”. Новая грамотность приобрела популярность в Дагестане: её стали изучать даже муллы пожилых лет; в

⁸⁸ Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис: Типография главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887. С. 24.

⁸⁹ Каймаразов Г.Ш. П.К. Услар об образовании и воспитании дагестанских горцев (К 190-летию со дня рождения кавказоведа) // История, археология и этнография Кавказа. 2006. № 4. С. 145; Услар П.К. Предположение об устройстве горских школ С. 22.

⁹⁰ Кавказские алфавиты // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 12.

⁹¹ Загурский Л.П. Записка об исследовании... С. 10.

⁹² Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. LIX-LX.

⁹³ Там же. С. LXI.

⁹⁴ Бекоева Т.А. Роль П.К. Услара в развитии школы и просвещения... С. 17.

числе учащихся были и женщины. Распространилась грамотность и в Кабарде: там состоятельные кабардинцы открыли в аулах, по собственному почину и на свои средства, школы новой грамотности⁹⁵. Школа в Грозном, открытая в июне 1862 году, просуществовала всего семь недель, но дала положительные результаты⁹⁶.

Параллельно была предпринята попытка заменить в делопроизводстве в среднем и западном Дагестане арабскую письменность аварской. Для этого на средства военного ведомства в 1865 году (или 1866 г.) в Хунзахе была открыта школа для обучения молодых аварцев чтению и письму по азбуке П.К. Услара. Позже она была перенесена в Темир-Хан-Шуру из-за отсутствия постоянного помещения и дороговизны отопления⁹⁷. Учителем в ней был Айдемир Чиркеевский. Предполагалось обучить в ней 15 человек, чтобы они в дальнейшем стали обучать грамоте своих сородичей в местностях, откуда происходили. Тогда по очереди вызывали для обучения горцев из среднего и западного Дагестана, преимущественно письмоводителей набов и окружных судов, а также способных людей, изъявивших желание обучаться⁹⁸.

В 1866 году с соизволения главнокомандующего Кавказской армией и на средства военного ведомства в Нальчике была открыта школа для подготовки сельских учителей кабардинского языка⁹⁹. В том же году была открыта школа в Кумухе для обучения казикумухскому языку, преподавать в которой стал Абдулла-Омар-оглы. Правда, школа эта была закрыта после нескольких месяцев существования, а преподавать язык стал письмоводитель казикумухского окружного суда.

Школы для обучения казикумухскому, аварскому и кабардинскому языкам были временными. Их целью была подготовка нескольких десятков учителей, которые, в свою очередь, в местах своего постоянного проживания могли обучать своих сородичей. Кавказский наместник назначил учителям награду по 5 рублей за каждого обученного мальчика или взрослого¹⁰⁰.

Затем стали создавать школы, в которых обучали не только родному, но и русскому языку. План их устройства также был составлен П.К. Усларом¹⁰¹. Такие школы были открыты с конца 1867 году на Гунибе, в Кумухе, Ахтах и Хунзахе¹⁰². Здесь, правда, успехи были меньшими, как из-за недостатка средств, так и из-за того, что преподавание русского возложено было на служащих в окружных управлениях. Те же, из-за загруженности служебными делами, не слишком старались в распространении образования. Поэтому во второй половине 1868 года эти школы были закрыты по распоряжению начальника области, просуществовав около полугода¹⁰³. Формально причиной закрытия стало отсутствие средств на их содержание: местное население было бедным, чтобы содержать их за свой счёт, а учебное ведомство имело право за счёт казны содержать по три училища в каждой области. В Дагестанской области они уже были: с 1878 года в Касум-кенте, с 1880 года – в Дашлагаре и Карабудаг-кенте¹⁰⁴. Как отмечалось в отчёте по управлению Дагестанской областью, с 1 ноября 1863 по 1 ноября 1869 года «несколько раз возникал вопрос о необходимости усиления здесь учеб-

⁹⁵ Кавказские алфавиты // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 12-13.

⁹⁶ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. С. V.

⁹⁷ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. С. VI.

⁹⁸ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. LXII.

⁹⁹ Там же. С. LXII-LXIII.

¹⁰⁰ Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 68-71.

¹⁰¹ Загурский Л.П. Записка об исследовании... С. 11.

¹⁰² Там же. С. 12; Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. LXIII.

¹⁰³ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. С. VI.

¹⁰⁴ Там же.

ных средств, но, к крайнему сожалению, по недостатку денежных источников, дело образования дагестанских горцев остаётся до настоящего времени без соответствующего давно сознанный потребности развития, и потому средства наши для распространения в дагестанских племенах русского языка и полезных знаний... ныне весьма скудны. Впредь до приискания денежных средств для открытия подобных школ и вследствие последующих заявлений местных начальников, был сделан в конце 1867 года в Хунзахе, Гунибе и Кумухе опыт обучения молодых людей от 15–20 лет русской грамоте и первым правилам арифметики с отпуском на 9 учебных месяцев по 10 коп. в сутки на продовольствие... Но как вместе с туземцами не могли обучаться и русские, по недостатку на это денежных средств, вследствие чего практическое изучение горцами русского языка не могло идти успешно, и как преподавание русского языка, в видах сокращения расходов, возлагалось на служащих окружных управлений, которые, при постоянных служебных занятиях, не могли посвящать обучению достаточно времени, и которые, притом, не были подготовлены к этому делу, – то опыт этот не дал ожидавшихся результатов, и потому школы эти, были по распоряжению моему (начальника области. – *О.Г.*), закрыты и отпуск денег на их содержание прекращён»¹⁰⁵. Осталась только школа в Ахта, которая действовала, пока южным Дагестаном управлял А.В. Комаров¹⁰⁶.

В результате реформ обучение горцев было передано из военного ведомства в учебное. Несмотря на то, что в 1870 году П.К. Услар опубликовал свою программную статью, ставшую результатом его опыта преподавания, идеи, в ней изложенные, при его жизни не были приняты. П.К. Услар считал, что опыт кратковременного обучения горцев родной грамоте в 1865–1867 гг. по созданным им алфавитам вполне себя оправдал. Он лично присутствовал на экзамене, который проводился зимой 1866–1867 гг., и остался доволен успехами учащихся. За шесть недель молодые горцы, не знавшие ни слова по-русски, научились вести несложную переписку¹⁰⁷.

«Во всех цивилизованных нациях, – писал П.К. Услар, – большинство народонаселения безграмотно или малограмотно... но, тем не менее, масса идёт по стезе цивилизации вслед за цивилизованным меньшинством, за людьми передовыми, принимая это наименование в широком значении. Это передовое меньшинство не должно отрываться от народа... Передовых людей, удовлетворяющих таким условиям, нет ещё на Кавказе: предстоит создать целую генерацию их... Достигнуть этого можно только посредством учреждения школ... Историческая цель завоевания нами Кавказа заключается в цивилизации его; таковое назначение к целому туловищу материка Азии возложено Провидением на Россию по самому географическому положению её. Необходимо, чтобы это поняли передовые люди между кавказскими туземцами... Мы сами заимствовали цивилизацию от Запада и до сих пор ещё остаёмся должниками его. Притом отношения к нам азиатских народов не те, в которых мы находимся к Западу... На пути цивилизации они, подобно мелким спутникам великой планеты, навсегда должны остаться подчинёнными спутниками России. Таковую законную и благодетельную подчинённость должны мы организовать, не подавляя никакой национальности... напротив того, возбуждая каждую от векового сна». Для этого нужно было сформировать «передовых людей» из кавказских народов, которые продолжили бы цивилизацию своих соплеменников¹⁰⁸.

Существование каждой нации, по мнению П.К. Услара, было обусловлено языком. «Быть может, от нас зависит здесь на Кавказе показать свету впервые, каких благодетельных результатов можно достигнуть не только терпимостью всяких национальностей, но даже

¹⁰⁵ Кавказ. 1888. 2 августа. № 203. С. 2.

¹⁰⁶ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. LXIV.

¹⁰⁷ Каймаразов Г.Ш. П.К. Услар об образовании и воспитании дагестанских горцев. С. 145.

¹⁰⁸ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. LXXVI-LXXVII.

оживлением тех из них, которые до сих пор оставались в состоянии вековой апатии. Таковой принцип необходимо принять за краеугольный камень цивилизации Кавказа. Развитие особенностей есть вернейшее средство против единства, прямо нам враждебного и созданного мусульманским изуверством»¹⁰⁹. Поэтому на туземные языки П.К. Услар предлагал смотреть, «как на самые надёжные проводники для распространения между горцами нового рода понятий».

П.К. Услар разработал конкретный план создания школ для горцев. По его мнению, эти школы должны быть общеобразовательными, элементарными, так как «всякому специальному образованию должно предшествовать общее». В подготовительных классах образование должно было вестись на родных языках. Утвердившись в чтении на родном языке, учащиеся могут переходить к изучению русского. «Мало-помалу совершается переход к преподаванию на русском языке. Но туземные языки не изгоняются затем из остальных трёх классов. Они в них преподаются, и не только *pro forma*; эти языки изучаются грамматически; посредством постоянного сближения с русским языком, они служат отличным пособием как к более основательному усвоению учащимися последнего, так и умственному их развитию»¹¹⁰. Элементарное воспитание, по П.К. Услару, должно было заключаться, «во-первых, в обучении чтению и письму; во-вторых, в пробуждении умственных способностей учащегося, в приучении его к самостоятельной умственной деятельности: дело не в том, чтобы учащийся чему-либо научился на всю жизнь свою, а чтобы, так сказать, выучился он учиться».

П.К. Услар считал, что программа обучения в каждой школе, даже в элементарной, должна представлять собою нечто полное и завершённое, «сообразно предполагаемой цели». Заключённая же цель для горских училищ должна состоять: в практическом знании русского языка; в умении свободно читать и писать на родном языке и усвоении способности вникать в читаемое; в ознакомлении с русской жизнью и «возбуждении теплого к ней сочувствия»; способности понимать, что «значит наука, какого бы рода она ни была, и как за неё следует приниматься»; привитии «охоты к чтению», понимании необходимости «образовать себя»¹¹¹. Горские школы, по мнению П.К. Услара, должны быть «горскими по национальностям: не должно выпускать из виду этого главного их назначения». В них могли учиться и русские дети, однако в количестве, не превышающем 1/3 детей местных жителей, с тем, чтобы школы эти не утратили характера своего назначения. Срок обучения в горских школах должен быть установлен четырёхгодичный, в них должны приниматься дети не моложе 12 и не старше 14 лет. По П.К. Услару, горские школы необходимо было учреждать для каждой народности отдельно¹¹².

Вследствие реформы в 1874 году была проведена унификация образования, в том числе и на Кавказе. Все школы были переданы в ведение попечителя Кавказского учебного округа и отныне должны были в своей работе руководствоваться программами Министерства народного просвещения. В частности, попечитель Кавказского учебного округа преобразовал Темир-Хан-Шурическую горскую школу в прогимназию с двумя классическими языками, что поставило крест на тех задачах, которые ставил перед ней П.К. Услар¹¹³. Индивидуальный подход был принесён в жертву стандартному образованию.

Реализовать все свои планы П.К. Услару помешала смерть. В 1870-х годах работа П.К. Услара затормозилась из-за болезни. Весной 1874 года он выехал из Темир-Хан-Шуры с материалами по табасаранскому языку в своё имение в село Курово Тверской губернии

¹⁰⁹ Там же. С. LXXVII.

¹¹⁰ Там же. С. LXXVII-LXXVIII.

¹¹¹ *Каймарзов Г.Ш. П.К. Услар об образовании и воспитании дагестанских горцев...* С. 146.

¹¹² Там же. С. 147. *Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3. Отд. IV. С. 1-30.*

¹¹³ *Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар...* С. LXIV.

Вышневолоцкого уезда, с целью приведения их в порядок. 8 июня 1875 года он скончался на 59-м году из-за тяжёлой болезни печени в родовом имении Курово Тверской губернии¹¹⁴, успев исследовать семь языков, из которых пять – самые распространённые в Дагестане. На них в общей сложности говорило около 2/3 полумиллионного населения горского населения¹¹⁵.

На момент смерти П.К. Услар, будучи в офицерских чинах с 13 января 1835 года, был генерал-майором с 24 мая 1862 года и состоял при Кавказской армии. Жалование его составляло 1 524 руб., столовых 980 руб. 70 коп., «начерт. припас. 42 руб. 70 коп., высоч. повелен. 1 000 руб.»¹¹⁶, всего – 3 547 руб. 40 коп. За годы службы он имел следующие награды: годовое жалование в 1843 году, орден Св. Станислава 3-й степени в 1845 году, орден Св. Анны 3-й степени с бантом в 1849 году, годовое и третн. жалование в 1849 году, годовое жалование в 1852 году, орден Св. Анны 2-й степени в 1852 году и императорская корона к нему в 1855 году; золотая сабля «За храбрость» в 1853 году, орден Св. Владимира 4-й степени с бантом в 1854 году, орден Св. Георгия 4-й степени за 25 лет беспорочной службы в 1853 году, золотое оружие в 1856 году, орден Св. Владимира 3-й степени с мечами над орденом в 1857 году, орден Св. Станислава 1-й степени в 1865 году, орден Св. Анны 1-й степени в 1867 году, «имп. к. к с. о.» в 1870 году (это сокращение, скорее всего, обозначало императорскую корону к ордену Св. Станислава)¹¹⁷.

П.К. Услар чуть не оказался в забвении. «Скромность его, доходившая до крайности, – писал уже после его смерти Л.П. Загурский, – была, по нашему мнению, одной из главных причин того, что о его деятельности так мало знали даже на Кавказе. Услар в этом плане представлял резкий контраст с теми личностями, которые кричат о своих трудах, не брезгуя для своего возвеличения и рекламами. Подметив эту сторону в характере Услара, наши искатели славы (как, напр., покойный Бартоломей) эксплуатировали труды его в свою пользу, почти перед глазами его. Не пощадили его и после смерти: анонимный автор ... заметки, помещённой в журнале *Globus*, приписав главную заслугу в исследовании кавказско-горских языков академику Шифнеру, говорит, что Шифнер и Услар дружно сообща исследовали эти языки. Дело вовсе не так было: Шифнер исследовал только 2 горских языка («Опыт об аварском языке» оказался не вполне удачным), Услар же исследовал 7 языков, – Шифнер представлял о них только отчёты Императорской Академии наук». Также несправедливым было утверждение, что лингвистический материал П.К. Услара «приобрёл особенную ценность вследствие обработки его Шифнером». На деле последний ничего не обрабатывал, а занимался «только перестановкою некоторых частей трудов его и кое-какими замечаниями. Заслуга Шифнера по отношению к трудам Услара состояла лишь в том, что он познакомил с ними научный мир»¹¹⁸.

Как выразился первый биограф П.К. Услара, «из-за происхождения этого деятеля, так мало известного даже образованному классу, возникла после его смерти полемика. Так, напр., автор статьи, печатанной в журнале *Globus*, старается отвоевать Услара от русского народа и включить его в германский пантеон. В русской печати высказывалось противоположное

¹¹⁴ *Бекоева Т.А.* Академик П.К. Услар... С. 38.

¹¹⁵ *Загурский Л.П.* Записка об исследовании... С. 9. Примечательно, что в 1877 г. у захваченных в плен или убитых инсургентов находили книги, отпечатанные методом П.К. Услара. См.: Кавказские алфавиты // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 14.

¹¹⁶ Значение сокращений нам выяснить не удалось.

¹¹⁷ Список генералам по старшинству. Исправлен по 1 марта 1864 года. СПб.: Военная типография, 1864. С. 605; Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е апреля 1874 года. СПб.: Военная типография, 1874. С. 479; Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е сентября 1874 года. СПб.: Военная типография, 1874. С. 486; Список генералам по старшинству. Исправлено по 15-е февраля 1875 года. СПб.: Военная типография, 1875. С. 486.

¹¹⁸ *Загурский Л.П.* Пётр Карлович Услар... С. VI-VII.

мнение». Сам Л.П. Загурский считал, что П.К. Услар представлял собой «счастливое сочетание лучших свойств германского и славянского гениев: обладая неутомимостью и постоянством в труде и пытливостью ума, составляющими светлые стороны германской нации, покойный Услар умел оживить самый неинтересный, по-видимому, предмет... Изложение отличается в высшей степени ясностью, точностью и рельефностью; далее, если справедливо изречение “le stile c’est l’homme”¹¹⁹, то о слоге Услара следует сказать, что он принадлежит русскому человеку»¹²⁰.

Его труды были отлитографированы в небольшом количестве экземпляров и стали библиографической редкостью, некоторые вообще оставались в рукописях¹²¹. Европейская наука знала о деятельности П.К. Услара только по отчётам академика А.А. Шифнера, издававшимся на немецком языке¹²².

Уже в последние годы жизни П.К. Услара начатое им дело застопорилось. Сама система образования требовала средств. «Вообще публика отнеслась к делу, начатому Усларом, довольно равнодушно. Один лишь КОИРГО поддерживал доброе дело», решив издать труд учёного о табасаранском языке¹²³.

Нельзя согласиться с утверждением советского учёного, который писал, что «только бездарные дилетанты, интриганы, орудовавшие тогда в академических учреждениях, в КОИРГО, преследовали П.К. Услара за то, что он был одарённым, талантливым, упорным, трудолюбивым, скромным учёным. Они завидовали его славе. В числе их был высокопоставленный царский чиновник, небезызвестный Бартоломей. Даже после кончины П.К. Услара они сделали всё, чтобы бросить тень на память о нём»¹²⁴.

В этом высказывании неправда всё, кроме отношений с И.А. Бартоломеем. В КОИРГО состояли далеко не интриганы и дилетанты – там было много хороших учёных, исследователей и администраторов, способствовавших развитию кавказоведения. Отдел не преследовал П.К. Услара, а напротив, всячески способствовал его работам. Да и сам И.А. Бартоломей не был высокопоставленным чиновником. Он, конечно, был знатного происхождения и имел чин генерал-майора с 1858 года. Но и П.К. Услар был в том же чине, правда, с 1862 года. Как и П.К. Услар, И.А. Бартоломей никакой должности не занимал, состоя при Кавказской армии. Об их взаимоотношениях на деловой почве нами было сказано выше. Характерно, что после смерти П.К. Услара Кавказское горское управление совместно с КОИРГО начали настойчиво искать пути увековечения исследователя и издания его трудов¹²⁵. А инициатором поисков стал КОИРГО. Поскольку глава Горского управления В.А. Франкини был его членом, то он поддержал инициативу и использовал свои полномочия для помощи в деле. По заданию Кавказского горского управления рукописи, оставшиеся после смерти П.К. Ус-

¹¹⁹ «Стиль – это человек».

¹²⁰ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. IV.

¹²¹ Дирр А.М. Кавказское языковедение, его история и будущие задачи // ИКОИРГО. 1904. Т. 17. № 4. С. 372. Литографированы были: в 1862 г. «Абхазский язык» и «Чеченский язык», в 1864 г. – «Аварский язык», в 1865 г. – «Казикумыкский (лакский) язык», в 1867 г. – «Хюркилинский (даргинский) язык», в 1871 г. – «Кюринский (лезгинский) язык». Завершённые труды П.К. Услар направлял в Императорскую Академию наук, где академик А.А. Шифнер не только выступал на заседаниях Историко-филологического отделения Академии с докладами о завершённых трудах П.К. Услара, но и печатал эти доклады в «Мемуарах» Академии на немецком языке (См.: Алиева А. Пётр Карлович Услар – основоположник кавказской фольклористики // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. Вып. 1. С. 391-392).

¹²² Дешериев Ю.Д. Значение научного наследия П.К. Услара... С. 107.

¹²³ Об издании в последние годы лингвистических трудов Услара и об изменении его алфавитов // Приложение ИКОИРГО. 1890. Т. 10. С. 5.

¹²⁴ Дешериев Ю.Д. Значение научного наследия П.К. Услара... С. 115.

¹²⁵ ИКОИРГО. 1875. Т. 4. № 1. С. 49.

лара, были собраны воедино. Для этого в деревню Курово был командирован чиновник Управления, которому дочь покойного Нина Петровна Благово передала бумаги, оставшиеся после смерти отца. Наиболее существенными из трудов были посчитаны работа по древнейшей истории Кавказа и исследование табасаранского языка. На заседании Распорядительного комитета КОИРГО было принято решение ходатайствовать перед кавказским наместником об ассигновании на издание труда П.К. Услара по истории Кавказа в течение двух лет по 1 500 рублей¹²⁶.

Самым активным пропагандистом работ П.К. Услара и необходимости их издания, а позже, когда возникли проблемы с правильностью издания, – печати их в соответствии с авторской концепцией, выступил правитель дел Отдела Л.П. Загурский. Он стал первым биографом П.К. Услара, во многом по его инициативе началось издание работ учёного. Готовя биографию покойного, Л.П. Загурский, помимо личных впечатлений, использовал все известные ему труды П.К. Услара, его бумаги, которые остались после смерти, и те, которые прислал А.П. Берже, изучил материалы, связанные с П.К. Усларом и хранившиеся в местных архивах, собрал сведения от лиц, знавших учёного, служивших с ним в Тифлисе, Темир-Хан-Шуре и Кутаисе. Он даже поместил в газетах объявление с просьбой к лицам, знавшим П.К. Услара, дать о нём сведения. Правда, последняя просьба «осталась без последствий». Много информации предоставила младшая дочь П.К. Услара – Н.П. Благово¹²⁷.

В 1877 году на просьбу о выделении субсидии от кавказского наместника поступил отказ. Поэтому на заседании Распорядительного комитета 18 марта 1877 года было решено избрать комиссию для обсуждения вопроса об издании труда П.К. Услара по истории Кавказа¹²⁸. В 1879 году издать труд по истории Кавказа согласилось Кавказское горское управление при участии КОИРГО. Отдел должен был предоставить статью о П.К. Усларе и его трудах в качестве предисловия к работе, а также заплатить за бумагу для 600 экземпляров. Все экземпляры должны были поступить в распоряжение КОИРГО¹²⁹.

Работа «Древнейшие сказания о Кавказе» была опубликована совместно КОИРГО и Кавказским горским управлением в сборнике, издаваемом последним, в 1881 году¹³⁰. Труд о табасаранском языке предполагался к изданию¹³¹, но из-за отсутствия средств, а затем из-за утери так и не был издан.

После почти пяти лет ходатайств покровитель КОИРГО великий князь Михаил Николаевич поручил продолжение лингвистических исследований П.К. Услара Л.П. Загурскому¹³². В 1880-1881 гг. Л.П. Загурский занимался изучением языков северо-западной части Дагестана. По возвращении из этой поездки в 1881 году он на археологическом съезде, проходившем в Тифлисе, поделился результатами своих исследований и прочёл «Заметку об исследовании кавказских языков»¹³³. К тому времени уже был издан труд П.К. Услара «Древнейшие сказания о Кавказе» с приложением его биографии. Пользуясь возможностью, члены КОИРГО обратились к делегатам съезда о содействии в продолжении исследований учёного.

¹²⁶ ИКОИРГО. 1878. Т. 5. № 3. С. 183.

¹²⁷ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. VIII.

¹²⁸ ИКОИРГО. 1878. Т. 5. № 4. С. 257.

¹²⁹ ИКОИРГО. 1880. Т. 6. № 2. С. 259.

¹³⁰ Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // ЗКОИРГО. 1881. Кн. 12. LXXXIII+581 с.; Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1886. Вып. 10. LXXXIII с.+581 с.

¹³¹ Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар... С. VIII.

¹³² Загурский Л.П. Записка об исследовании кавказско-горских языков // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. С. 12.

¹³³ Загурский Л.П. Заметка об исследовании кавказских языков. М.: В Синодальной типографии, 1880. 23 с.

В кулуарах съезда этот вопрос обсуждался активно. Был сделан общий вывод о том, что «труды Услара... представляют... единственное и вполне целесообразное руководство для учителей будущих горских школ, что на основании их могут быть составлены удобно буквари и книги для первоначального обучения горцев, и что, пока не будут отпечатаны труды Услара, то о целесообразном устройстве горских школ не может быть и речи»¹³⁴. Поэтому делегаты съезда пришли к выводу о необходимости отпечатать труды П.К. Услара и возложить на человека, который этим займётся, составление букварей и книг для начального чтения для горцев. Ему же планировалось на первых порах поручить изучение черкесского языка и составление руководства для черкесских и кабардинских школ¹³⁵.

Для того, чтобы такой человек мог работать без помех, было решено просить министра народного просвещения об учреждении при Кавказском учебном округе новой должности¹³⁶. К тому времени значительный вклад в разработку горских языков внёс ещё один учёный – академик А.А. Шифнер. Он составил латинский вариант алфавита, провёл сравнительное исследование фонетических систем горских языков, исследовал особенности изображения их звуков в арабском, грузинском, русско-горском и латинско-горском алфавитах. Он сделал «фонетические, лексические и грамматические сближения в исследованных восточно-горских языках, рассмотрел последние во взаимной связи. Эти сближения предоставили возможность уяснить многие особенности горских языков, бывшие прежде неразгаданными». А.А. Шифнер исследовал цовский и удинский языки, а Л.П. Загурский – андийский¹³⁷. «Главное достоинство кавказско-горских алфавитов Шифнера, – отмечал Л.П. Загурский, – это их необыкновенная последовательность»¹³⁸. По плану, предложенному на археологическом съезде, предполагалось отвести не менее четырёх лет для подготовки руководств, а за это время обучить учителей для горских школ¹³⁹.

Через два года дело в свои руки взял начальник гражданского управления на Кавказе и действительный член КОИРГО Дмитрий Семёнович Старосельский. Он направил министру народного просвещения докладную записку с целью принятия мер для издания и продолжения трудов П.К. Услара. От министра представление поступило в Государственный совет. Тот вынес положительное решение, утверждённое императором 28 мая 1885 года. Положено было ежегодно отчислять, начиная с 1 января 1886 года, по 2% из специальных сумм кавказских средних и низших учебных заведений (около 7 000 руб. ежегодно) на покрытие расходов по напечатанию и продолжению трудов П.К. Услара¹⁴⁰. В результате, на протяжении 10 лет (1887–1896) в серии «Этнография Кавказа. Языкознание» были опубликованы работы П.К. Услара, посвящённые абхазскому, чеченскому, аварскому, лакскому, хюркилинскому (даргинскому) и кюринскому (лезгинскому) языкам.

Но дело издания работ П.К. Услара приняло неожиданный оборот. Для того, чтобы издать работы, необходимо было их найти. Е.Г. Вейденбаум отыскал «цельный экземпляр трудов Услара, который он и представил г. попечителю Кавказского учебного округа. Послед-

¹³⁴ Загурский Л.П. Записка об исследовании кавказско-горских языков... С. 13.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Библиографическая заметка. П.К. Услар. Этнография Кавказа. Абхазский язык. С приложением статей: 1) О распространении грамотности между горцами, 2) Предположение об устройстве горских школ, 3) О составлении азбук кавказских языков, 4) Заметка о черкесском языке, 5) Об языке убыхов, 6) Грамматический очерк сванетского языка. Тифлис, 1887. // Приложение ИКОИРГО. 1887. Вып. 9. С. 2.

¹³⁷ Загурский Л.П. Записка об исследовании кавказско-горских языков. С. 13-14.

¹³⁸ Кавказские алфавиты // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 16.

¹³⁹ Загурский Л.П. Записка об исследовании кавказско-горских языков. С. 14.

¹⁴⁰ Загурский Л.П. Записка об исследовании кавказско-горских языков. С. 14-15; Об издании в последние годы лингвистических трудов Услара и об изменении его алфавитов // Приложение к ИКОИРГО. 1890. Т. 10. С. 6.

ний возложил тогда по смыслу постановления от 28 мая 1885 г. отпечатание их на г. Завадского, занявшего учрежденную должность 3-го окружного инспектора»¹⁴¹.

«Издателем и продолжателем исследований Услара назначено было лицо, недавно прибывшее на Кавказ и совершенно не ознакомленное с исследованиями кавказско-горских языков» – Михаил Ромуальдович Завадский¹⁴². Он окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета, занимался педагогической деятельностью, но опыта в филологии кавказских языков не имел. Его языковедческие заслуги состояли в том, что он защитил магистерскую диссертацию «Сказание об истории филологических наук», а в 1880 году издал учебник по русскому языку для 3-го класса средних учебных заведений¹⁴³. В июле 1886 года он был назначен на должность 3-го окружного инспектора Кавказского учебного округа, но ничего не сделал для издания работ П.К. Услара, а ведь именно для этого формально и была создана его должность.

16 января 1887 года состоялось общее собрание КОИРГО, где было высказано опасение, что труды П.К. Услара не будут изданы. Был зачитан отрывок ещё не изданной «Записки об исследовании кавказско-горских языков», в котором указывалось, что труды П.К. Услара должен был издавать назначенный в 1885 году 3-й окружной инспектор. Присутствовавший на собрании окружной инспектор Короваев принялся отстаивать точку зрения, что это представление ошибочно. После собрания 17 и 19 января председательствующий в Отделе получил два письма от попечителя Кавказского учебного округа¹⁴⁴.

Вмешательство КОИРГО возымело действие. В конце 1886 года М.Р. Завадский приступил к работе и издал работу П.К. Услара «Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык с приложениями»¹⁴⁵. В предисловии к работе М.Р. Завадский указывал, что «все эти книги¹⁴⁶ напечатаны были писанным шрифтом, который, однако, оказался не вполне удобным при издании обширных исследований барона Услара. Писанный шрифт, наряду с печатным, пестрит книгу и значительно (почти вдвое) увеличивает стоимость издания без всякой пользы для дела. Так как для издания, предпринятого теперь Управлением округа, предстояла, во всяком случае, отливка нового шрифта, то предпочтено было заказать не писанный, а печатный. Услар, сколько нам известно, не говорит о необходимости сохранения принятых им начертаний, а выражает только желание удержать число знаков... что мы в точности и выполнили. Применяясь к буквам, принятым проф. Вс. Миллером в его Осетинских этюдах, в издаваемом исследовании об абхазском языке мы придали писанным буквам Услара следуюшую печатную форму»¹⁴⁷.

¹⁴¹ Об издании в последние годы лингвистических трудов Услара... С. 7.

¹⁴² Там же. С. 6.

¹⁴³ *Колчинский Э.И.* Семья. Дедушка Михаил Ромулович Завадский // Кирилл Михайлович Завадский. 1910–1977. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 25–29; *Чернищенко Л.А.* Педагогічна діяльність та спадщина М.Р. Завадського: Дисертації ... канд. пед. наук: 13.00.01. Кіровоград: РВЦ КДПУ ім. В. Винниченка, 1998. 179 с.

¹⁴⁴ Об издании в последние годы лингвистических трудов Услара и об изменении его алфавитов // Приложение к ИКОИРГО. 1890. Т. 10. С. 6.

¹⁴⁵ ИКОИРГО. 1889. Т. 10. № 1. С. 27; *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык с приложениями. Тифлис: Тип. Канц. градонач. гражд. частью на Кавказе, 1887. [2]+XVIII+196+120 с. Детальный критический разбор этого издания см.: Библиографическая заметка. *П.К. Услар.* Этнография Кавказа. Абхазский язык. С приложением статей: 1) О распространении грамотности между горцами, 2) Предположение об устройстве горских школ, 3) О составлении азбук кавказских языков, 4) Заметка о черкесском языке, 5) Об языке убыхов, 6) Грамматический очерк сванетского языка. Тифлис, 1887. // Приложение ИКОИРГО. 1887. Т. 9. 12 с.

¹⁴⁶ Речь шла о перечисленных им перед этой фразой учебных книгах, изданных под руководством П.К. Услара или им самим и И.А. Бартоломеем.

¹⁴⁷ *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. С. VIII–IX.

Всеволод Фёдорович Миллер был с декабря 1884 года экстраординарным профессором Московского университета по кафедре сравнительного языкознания и санскритского языка, а с февраля 1887 года – ординарным профессором. В.Ф. Миллер совершил пять поездок в Осетию в 1879–1886 гг., результатом которых стало издание «Осетинских этюдов», которые составили его диссертацию на степень доктора. Её он защитил в феврале 1883 года. Кроме того, В.Ф. Миллер в 1884–1897 гг. был хранителем Дашковского этнографического музея в Москве¹⁴⁸. Он детально исследовал осетинский язык, дополнив А.М. Шёгрена, но пойдя другим путём. Его алфавит имел очень много надбуквенных знаков. Свой алфавит он составил не для населения, а для учёных, поэтому с педагогической точки зрения такой алфавит был неудачным¹⁴⁹. Таким образом, М.Р. Завадский ввёл в публикации П.К. Услара свой алфавит, смешав алфавиты П.К. Услара и В.Ф. Миллера. У второго он взял 12 начертаний, а у первого – девять, но из них пять букв изменил. Кроме того, девять начертаний М.Р. Завадский придумал сам¹⁵⁰.

Как отмечал Л.П. Загурский, помимо пёстрости текстов, которые тяжело было читать, «осетинский язык, в сравнении с абхазским, беден звуками, и в алфавите В.Ф. Миллера составитель новейшего алфавита не мог приискать начертаний для многих звуков. Тогда он прибегнул к противоположной транскрипции – транскрипции Услара, сохранив совершенно условные начертания... Здесь нет системы, нет и основания в способе изображения данных звуков»¹⁵¹. Некоторые начертания были придуманы М.Р. Завадским¹⁵². Кроме того, несмотря на то, что уже давно имелся усларовский шрифт, он отлил новый по своим образцам¹⁵³.

Во многих местах публикатор проявил своё невежество и незнание особенностей языка¹⁵⁴. Издавая труд П.К. Услара, М.Р. Завадский не указал на новейшие исследования по абхазской антропофонике, оставил неисправленными и описки в труде барона. «Составитель новейшего алфавита, как видно из отпечатанной им монографии, не только не ознакомился с трудами Услара и др. кавказских лингвистов, но даже с существующими горскими алфавитами. Теперь пока искажён абхазский алфавит. При печатании трудов Услара, относящихся к другим горским языкам, представляющим обилие кавказских аффрикат и совершенно оригинальные звуки, составителю новейшего алфавита придётся прибегать к новым надбуквенным и подбуквенным знакам, или же к созиданию своеобразных начертаний... Выйдет страшная путаница. Таким образом, отпечатанные труды Услара сделаются непригодными не только для школ, но и для сравнительного изучения кавказско-горских языков»¹⁵⁵.

В 1888 году тот же издатель опубликовал новую работу П.К. Услара с приложениями¹⁵⁶. Оценка работы, сделанная Л.П. Загурским, была такой же невысокой, как и оценка первой.

¹⁴⁸ Калоев Б.А. В.Ф. Миллер – кавказовед. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1963. 203 с.; Миллер В.Ф. *Язык осетин*. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 191 с.; Миллер В.Ф. *Осетинские этюды*. М.: Тип. Ф.Б. Миллера, 1881. Ч. 1: Осетинские тексты. 162 с.; Ч. 2: Исследования. М.: Тип. А. Иванова, 1882. VII, 301, II с.

¹⁴⁹ Кавказские алфавиты // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 16-17.

¹⁵⁰ Об издании в последние годы лингвистических трудов Услара и об изменении его алфавитов // Приложение к ИКОИРГО. 1890. Т. 10. С. 7.

¹⁵¹ Кавказские алфавиты // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 18-19.

¹⁵² Там же. С. 19-32.

¹⁵³ Кавказские алфавиты // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 22.

¹⁵⁴ Об издании в последние годы лингвистических трудов Услара и об изменении его алфавитов // Приложение к ИКОИРГО. 1890. Т. 10. С. 8-9.

¹⁵⁵ Кавказские алфавиты // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. № 2. С. 23.

¹⁵⁶ Библиографическая заметка. Барон П.К. Услар. Этнография Кавказа. Чеченский язык. С приложением: 1) писем П.К. Услара и статей его: а) Кое-что о словесных произведениях горцев, б) Об исследовании кавказских языков и с) Нечто об азбуках кавказских горцев; 2) соч. А. Шифнера

Подбор писем, по его мнению, был бессвязным, отсутствовали необходимые для читателей пояснения. В книге содержались очевидные для специалиста ошибки. Например, М.Р. Завадский «не уяснил себе», что чеченский и цовский (тушский) языки составляли разные, хотя и родственные языки. Сокращённый перевод труда А.А. Шифнера был сделан непрофессионально, с изменениями и переделками. «Приняв в соображение всё вышеизложенное, – резюмировал рецензент, – следует вынести заключение, что из всех монографий, вошедших в состав разбираемой книги, имеет значение только труд Услара о чеченском языке. Но и он не может остаться в том виде, в каком напечатан, уже и потому, что издатель позволил себе сделать изменения в алфавите Услара».

Кроме того, вследствие возникших недоразумений между П.К. Усларом и А.А. Шифнером относительно написания некоторых букв, «следовало бы при содействии знатоков чеченского языка и лиц, компетентных в деле исследования кавказско-горских языков, решить вопрос, кто прав в данном случае»¹⁵⁷. На чеченском языке была издана только одна книга – букварь И.А. Бартоломея. Но последний «принялся за составление списка слов и рассказов, не вникнув в свойства языка. Он заставлял диктовать горцев горские слова и фразы, не подвергая их грамматическому разбору». Это привело его к множеству ошибок.

Резюмируя издание первых двух трудов П.К. Услара, Л.П. Загурский отмечал, что они должны были служить руководством для учителей будущих горских школ. Однако приложения к работам барона не соответствовали цели издания. В первом томе многие статьи П.К. Услара были напечатаны в сокращённом или «порезанном» виде. «Для учителей нужны были не беглые заметки, а обстоятельно составленные руководства»¹⁵⁸. В обоих томах составитель произвольно обращался не только с алфавитами П.К. Услара, но и с другими – А.А. Шифнера, академика А.Н. Грена¹⁵⁹; придумывал собственные варианты изображения звуков. Последнее привело к созданию им «первой серии новейших алфавитов» при издании 1-го тома и замене их «второй серией новейших алфавитов» после публикации 2-го. Это вносило существенную путаницу и вредило образованию¹⁶⁰.

«Издатели литографированных трудов Услара, – резюмировал рецензент, – должны примириться с положением, ими же созданным. Вместо того, чтобы обдумать надлежащим образом дело, они зря принялись за него; результаты получились такие, каких и следовало ожидать; издания их вышли неудачными. Приходится сызнова начинать дело и сделать то, что не было сделано с лишком 2 года с половиною тому назад, т. е. обратиться за советом к компетентным лицам. Впредь до решения их нужно было бы приостановить печатание монографии Услара об аварском языке, а то и её, по всей вероятности, постигнет участь двух первых выпусков»¹⁶¹. В результате до обсуждения компетентными лицами проблемы кавказ-

Tschetschenzische Studien в переводе с немецкого языка и 3) чеченских пословиц и рассказов о Насреддине из букваря И. Бартоломея. Тифлис, 1888 // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. С. 13-19.

¹⁵⁷ Библиографическая заметка. *Барон П.К. Услар*. Этнография Кавказа. Чеченский язык. С приложением: 1) писем П.К. Услара и статей его: а) Кое-что о словесных произведениях горцев, б) Об исследовании кавказских языков и с) Нечто об азбуках кавказских горцев; 2) соч. А. Шифнера Tschetschenzische Studien в переводе с немецкого языка и 3) чеченских пословиц и рассказов о Насреддине из букваря И. Бартоломея. Тифлис, 1888 // Приложение к ИКОИРГО. 1887. Т. 9. С. 19; *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языковедение. II. Чеченский язык, Тифлис: Тип. Канц. градонач. гражд. частью на Кавказе, 1888. 52+246+117 с.

¹⁵⁸ Библиографическая заметка. *Барон П.К. Услар*... С. 20.

¹⁵⁹ См. о нём: *Кузнецова Р.Ш.* А.Н. Грен: восстановленные страницы научной биографии // Проблемы и исследования археологии, этнологии и зарубежной истории: сборник научных трудов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 74-95.

¹⁶⁰ Библиографическая заметка. *Барон П.К. Услар*... С. 22-24.

¹⁶¹ Там же. С. 24.

ских алфавитов было решено приостановить издание труда П.К. Услара по табасаранскому языку, которым занимался КОИРГО¹⁶².

18 июня 1888 года общее собрание Отдела решило разослать записку Л.П. Загурского «Кавказские алфавиты» и две библиографические заметки об изданных трудах П.К. Услара. Это было исполнено¹⁶³. Комиссия, составленная КОИРГО, «отозвалась весьма неодобрительно о трудах г. Завадского, который не счёл нужным явиться в заседание 18 июня»¹⁶⁴.

Первым был ответ от редакции газеты «Новое обозрение», которая в № 1557 от 25 июня 1888 года поместила передовицу под названием «Кавказские алфавиты». В ней заявлялось, что образованию горских народов в 1880-х гг. стала угрожать опасность со времени видоизменения образцовой осетинской азбуки профессором Московского университета В.Ф. Миллером. Шёгреновскую азбуку ему вытеснить не удалось, но зато он создал себе подражателей. Речь шла о М.Р. Завадском.

В № 1558 были помещены «Прения о кавказских алфавитах на заседании КОИРГО 18 июня 1888 года». Прения обнаружили, что М.Р. Завадский свои труды сохранял в тайне, а после отпечатания рассылал их влиятельным лицам и в редакции столичных газет. «В Тифлисе же их можно было приобрести только через несколько недель по выходе их в свет и по появлении о них лестного отзыва в газетах лиц, по всей вероятности, не заглядывавших даже в издания г. Завадского». Заключение редакции было следующим: «Из напечатанного выше отчёта о прениях... усматривается, что дело об алфавитах для кавказских горцев принимает серьёзный оборот и приобретает значение государственного вопроса: предстоит теперь именно решить – должно ли кавказское горское миллионное население вступить на путь образования и войти в семью русского народа, или погрузиться во мрак невежества? ...По нашему мнению, лучшим средством для решения вопроса было бы устройство прений в каком-нибудь учёном учреждении или обществе. Мы согласны с мнением, высказанным в заседании Отдела 18 июня, что газетная полемика может затянуть дело уже ввиду того, что лица, сознающие свою слабость, будут усердно “отписываться”, а в это время будет идти своим порядком дальнейшее печатание трудов Услара изменённым алфавитом»¹⁶⁵.

Дискуссия по поводу двух первых изданий трудов П.К. Услара, которую начал Л.П. Загурский, действительно развернулась в прессе. В реферате, посвящённом кавказским алфавитам и зачитанном на заседании КОИРГО 18 июня 1888 года, Л.П. Загурский резко критиковал администрацию Кавказского учебного округа за бездействие в деле издания лингвистических трудов П.К. Услара и обучения горцев грамоте по его алфавитам. В № 1562 «Нового обозрения» за 1888 год Л.П. Загурский под инициалами Л.З. поместил передовую статью «Ещё один вариант новейшего кавказско-горского алфавита», написанную по поводу изданной М.Р. Завадским книги П.К. Услара «Чеченский язык». Как отмечал её автор, «Завадский, не поняв того, что на него возложено было отпечатание литографированных трудов Услара как руководств для учителей горских школ, и желая, так сказать, “отличиться”, вздумал изменить образцовые алфавиты Услара и придать своим чисто корректурным занятиям вид учёных исследований (!). Результатом этого стремления были две значительного объёма странные книги, большая часть которых составляет просто-напросто балласт. Варианты алфавита не могут никоим образом быть применены к делу. На печатание означенных книг затрачена совершенно напрасно весьма почтенная сумма денег». Автор статьи считал, что

¹⁶² Там же.

¹⁶³ ИКОИРГО. 1889. Т. 10. № 1. С. 27.

¹⁶⁴ Об издании в последние годы лингвистических трудов Услара и об изменении его алфавитов // Приложение к ИКОИРГО. 1890. Т. 10. С. 17.

¹⁶⁵ Там же. С. 17-18.

единственным способом исправления ситуации является издание двух трудов П.К. Услара без изменений и добавлений¹⁶⁶.

30 июня и 3 июля 1888 года в № 52 и 53 газеты «Северный Кавказ» была опубликована заметка «К вопросу о кавказских алфавитах». Дав общую характеристику истории составления алфавитов для населения Кавказа, её автор также критиковал М.Р. Завадского за путаницу, которую он своими изменениями внёс в дело местного образования. Это было тем более опасно, что на горских языках уже около 40 лет издавались книги различного содержания, и менять что-то в алфавитах означало отбросить всю систему грамотности края на несколько десятилетий назад¹⁶⁷. В № 67 от 21 августа 1888 года в этой же газете появилась заметка «Ещё о новейших кавказских алфавитах», повторявшая прошлые выводы¹⁶⁸. Затем в № 1568 «Нового обозрения» Л.П. Загурский разобрал работу об абхазском языке.

В ответ на статьи Л.П. Загурского появились передовицы в газете «Кавказ» от 1¹⁶⁹ и 8¹⁷⁰ августа 1888 года. При чтении материалов из газеты «Кавказ» создаётся впечатление, что общались между собой люди с разными пониманиями о том, что они делают и должны делать. С одной стороны – учёный, филолог, педагог, который ратует за образование горцев, в том числе и на их родном языке. С другой – чиновник, администратор, для которого практическое значение, показатели и единообразие важнее местных особенностей и индивидуального подхода. Поэтому один настаивает на точной публикации трудов П.К. Услара с целью, чтобы они стали основой для образования горцев. Другой рассматривает эти труды как своего рода исторические памятники, которые могут представлять ценность только как этап в развитии кавказской лингвистики, но практического значения не имеют.

Оппонент (или оппоненты, так как статьи были анонимные) не ответил ни на один из ключевых вопросов, которые ставил Л.П. Загурский: зачем внесены изменения в алфавиты, будут ли работы П.К. Услара использоваться в школах для обучения по ним местного населения? Напротив, отвечая Л.П. Загурскому, его оппонент акцентировал внимание на вторичном, раздувая его до главного. При этом использовалось передёргивание фактов, прикрытие авторитетом академиков, завуалированные и прямые личные оскорбления Л.П. Загурского и стремление принизить его профессиональные качества, нападки на КОИРГО, которое, якобы, занимается не своими делами.

Как справедливо отмечал Л.П. Загурский, в статье содержалось немало неточностей, а главное – она не касалась собственно предмета дискуссии, т. е. спора об алфавитах, а содержала в себе личностную критику¹⁷¹. Причина этого заключалась в том, что Л.П. Загурский задел ведомственные интересы учебного ведомства на Кавказе, а также, возможно, в том, что у издателя трудов П.К. Услара были хорошие покровители, тем более, что он сам служил по указанному ведомству. Вторая передовица «Кавказа» «По поводу кавказских алфавитов» почти полностью была посвящена критике позиции Л.П. Загурского, который, по мнению автора, не имел права заставлять печатать труды П.К. Услара без изменений: «Галилей, Кеплер, Ньютон подвергались критике и анализу; если их гениальные мысли и труды подвергались дополнениям и поправкам, то более чем странно требовать, что бы никто не смел изменять или не признавать верным того, что сказано или сделано г. Усларом»¹⁷². Кри-

¹⁶⁶ Об издании в последние годы лингвистических трудов Услара и об изменении его алфавитов // Приложение к ИКОИРГО. 1890. Т. 10. С. 19-20.

¹⁶⁷ Там же. С. 21-22.

¹⁶⁸ Там же. С. 22.

¹⁶⁹ Кавказ. 1888. 2 августа. № 203. С. 1-2.

¹⁷⁰ Кавказ. 1888. 9 августа. № 209. С. 1-2.

¹⁷¹ Об издании в последние годы лингвистических трудов Услара и об изменении его алфавитов // Приложение к ИКОИРГО. 1890. Т. 10. С. 23.

¹⁷² Там же.

тиковал аноним и вмешательство КОИРГО, которое, по его мнению, не имело права вмешиваться в дела кавказской администрации. Очевидно было, что автор статей не являлся специалистом в области кавказской лингвистики и хотел опорочить справедливую критику в адрес М.Р. Загурского путём перемещения дискуссии в межличностное русло со ссылками на авторитеты, которые на самом деле не имели к рассматриваемой проблеме никакого отношения. «Вообще, – отмечалось в ответе на эту статью, – указанная заметка излагает дело в извращённом виде. Она например, утверждает, что Отдел не хотел дозволить лицам, занимающимся изданием трудов Услара, высказать своё мнение о последних! Но можно ли так извращать истину?! Ведь, строго говоря, собственно для них назначено было заседание 18 июня 1888 года. Членам Отдела весьма желательно было бы выслушать их мнение. С этою целью Отделом издана была особая брошюра “Кавказские алфавиты”. Но, увы, лица, занимающиеся изданием трудов Услара, в заседании не явились; не решались они и вступать в прения, которые кончились бы не в их пользу»¹⁷³.

Главное обвинение Л.П. Загурского к издателю – почему тот, не имея специального образования и подготовки, решил внести изменения в алфавиты П.К. Услара, стал смешивать его алфавиты с алфавитами других авторов и придумывать свои – остался без ответа. Автор публикаций в газете «Кавказ» отделался только общими фразами о том, что П.К. Услар только начал исследование языков, поэтому последующие исследователи имеют право его дополнять и исправлять. Причины вмешательства М.Р. Завадского в тексты П.К. Услара, по нашему мнению, оппонент Л.П. Загурского указал в своих публикациях. «Неужели автор реферата о *кавказских алфавитах*, – писал он, – не знает, что *тесное сближение горцев* возможно только при распространении в среде их государственного языка и общерусского образования, которое одно может ослабить мусульманский фанатизм и содействовать установлению солидарности экономических интересов всего населения? Что создание отдельной письменности, грамотности и литературы для исчезающих, в силу неотразимых политических причин, многочисленных мелких племён Кавказа имеет великое значение только для науки, а никак не для практической государственной деятельности, которая направляется к соединению, к уравнению, к ассимиляции всех многоязычных подданных государства, а не к разъединению их искусственным созданием различных особенностей для каждого отдельного племени? Из приведенных фактов видно, что *военное ведомство*, признавая, что *более тесное сближение горцев с русскими составляет самое действительное средство окончательного умиротворения края*, передало вопрос об изучении горских языков и наречий Академии наук, которая и руководит ныне этой научною работою, – а сам продолжает, по-прежнему, свою неустанную работу по умиротворению края посредством военно-учебных заведений и школ, одинаково доступных как для русских, так и для туземцев, конечно, содействующих более сближению горцев с русскими, чем *кавказские алфавиты*, составленные г. Усларом»¹⁷⁴.

В другой статье, цитируя Л.П. Загурского, его оппонент сделал многоговорящее примечание, цитируя правителя дел КОИРГО: «г. Завадский, не поняв того, что на него возложено было издание литографированных трудов г. Услара как руководства для учителей горских школ (?), и желая таким образом “отличиться”, вздумал изменить образцовые алфавиты Услара и пуститься в научные исследования»¹⁷⁵. Знак вопроса в скобочках, поставленные в цитате автором статьи, свидетельствует о том, что Л.П. Загурский был прав: ни М.Р. Завадский, ни его руководство не рассматривали работы П.К. Услара как руководство для практического обучения. Для них это были своеобразные музейные экспонаты, не имеющие практической ценности. Идея «*централизма*», необходимость полного соответ-

¹⁷³ Там же. С. 26.

¹⁷⁴ Кавказ. 1888. 2 августа. № 203. С. 2.

¹⁷⁵ Кавказ. 1888. 9 августа. № 209. С. 1.

ствия всех этнических школ единому типу учебных заведений, принятых в государстве, и полная «глухота» к этническим особенностям организации образования ознаменовали в последней четверти XIX века поворот к жёсткому курсу на унификацию школы во всей империи и на Кавказе, в частности.

Главное место в образовании должен был занимать государственный язык. Государство считало существование всех иных, кроме собственных министерских, типов школ крайне нежелательным¹⁷⁶. В 1873 году система образования Кавказского края окончательно слилась с российской. Преподавание на русском языке велось в 86,7% школ, на двух – русском и родном – в 13,3% школ¹⁷⁷. Постепенно первоначальные школы исчезли и были заменены общими, в которых преподавали люди, в большинстве своём даже не знавшие местных языков. «В настоящее время, – писал Л.П. Загурский, – находится на Кавказе несколько школ, называемых горскими. Называются они так потому, что в них обучаются горцы; они ничем не отличаются от прочих школ»¹⁷⁸. Исчезли и временные школы, открытые с целью распространения грамотности для горцев на их родных языках. Официальная переписка в Дагестане снова стала вестись на арабском. Издание букварей и книг приостановилось¹⁷⁹. Поэтому неудивительно, что труды П.К. Услара оказались невостребованными. На этом фоне понятной выглядит и позиция М.Р. Завадского.

Одновременно появились статьи и в центральных изданиях. Первой была анонимная публикация в газете «Русские ведомости». Как удалось установить, принадлежала она профессору В.Ф. Миллеру. Он критиковал Л.П. Загурского, забывая при этом, что все три его работы были рассмотрены и одобрены КОИРГО¹⁸⁰.

Затем было получено отношение от 29 ноября 1888 года от Восточной комиссии при Императорском Московском археологическом обществе¹⁸¹. Оно было зачитано на заседании Распорядительного комитета 17 января 1889 года. Общие выводы московских коллег сводились к тому, что труды П.К. Услара должны быть напечатаны изобретённой им азбукой. Но в научных трудах, по их мнению, сохранять усларовские азбуки было необязательно. Относительно издания этой азбукой букварей и книг Комиссия высказала мнение, что если традиция печати не потеряна, то необходимо сохранить издание усларовскими алфавитами. Если же традиция издания прервалась, то «не лишне было бы подвергнуть усларову азбуку, раньше издания по ней букварей, пересмотру в деталях и, быть может, такой пересмотр привёл бы к каким-нибудь практическим последствиям». В целом, вопрос об издании букварей усларовской азбукой следовало бы отделить от вопроса об издании этой азбукой трудов П.К. Услара.

Прения в Комитете по поводу отношения привели к выводу о том, что «исполнение совета Комиссии повело бы к созданию множества алфавитов, вследствие чего ещё больше усложнилось бы дело»¹⁸². По мнению членов КОИРГО, «заметка составлена как бы в защиту г. Завадского»¹⁸³.

24 февраля 1889 года поступил ответ неперменного секретаря Императорской Академии наук относительно «усларовского вопроса», который был зачитан на заседании Распорядительного комитета 28 апреля 1889 года¹⁸⁴. На заседании Историко-филологического отделе-

¹⁷⁶ *Ткаченко Д.С.* Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX века (на материалах Северо-Кавказского региона): Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2006. С. 38-39.

¹⁷⁷ *Зайцева Н.С.* Становление горской системы образования на Северо-Западном Кавказе // Молодой учёный. 2016. № 8 (112). С. 810.

¹⁷⁸ *Загурский Л.П.* Записка об исследовании кавказско-горских языков... С. 12.

¹⁷⁹ *Каймаразов Г.Ш.* П.К. Услар об образовании и воспитании дагестанских горцев... С. 145.

¹⁸⁰ ИКОИРГО. 1889. Т. 10. № 1. С. 27-28.

¹⁸¹ Там же. С. 28-34.

¹⁸² Там же. С. 82.

¹⁸³ Там же. С. 38.

¹⁸⁴ Там же. С. 71-72.

ния Академии было вынесено решение, что, поскольку в нём нет специалистов по горским наречиям, то Отделение считает себя некомпетентным. Было рекомендовано обратиться в Восточный факультет Петербургского университета¹⁸⁵. На том же заседании были даны задания Л.П. Загурскому, отправлявшемуся на два месяца в отпуск, в котором он планировал посетить обе столицы. Комитет поручил ему посоветоваться с компетентными лицами относительно «усларовского вопроса», а также заказать вырезку матриц для посмертного труда П.К. Услара о табасаранском языке, «которых не могут выполнить удовлетворительно здешние словолитейные мастера»¹⁸⁶.

По возвращении на заседании Распорядительного комитета 20 октября 1889 года Л.П. Загурский сделал доклад о своей поездке. В Петербурге он имел аудиенцию у министра народного просвещения графа И.Д. Делянова, которому в краткой записке изложил суть «усларовского вопроса». Министр препроводил привезённые Л.П. Загурским записки профессору Московского университета В.Ф. Миллеру¹⁸⁷. Беседовал относительно «усларовского вопроса» с профессорами В.Ф. Миллером, И.П. Минаевым, А.А. Цагарели, с членами Императорской академии наук В.В. Радловым, К.Г. Залеманом. Министр выдал Л.П. Загурскому доставленную в Министерство записку профессора В.Ф. Миллера о брошюрах, отправленных бывшим председательствующим в Отделе В.Н. Троицким. Правитель дел сделал оценку записке, которая, по его мнению, представила дела в искажённом виде.

В частности, профессор считал, что труды П.К. Услара не могут и не должны служить пособием для учителей в горских школах. «Приняв положение, высказанное г. Миллером, за истину, следовало бы признать непригодными для педагогического дела все существующие грамматики, все руководства и пособия по языкознанию», – замечал Л.П. Загурский¹⁸⁸. В частности, В.Ф. Миллер утверждал, что труды П.К. Услара издавались не с педагогической целью, что не соответствовало действительности¹⁸⁹. В целом, профессор пытался защитить издателя трудов покойного и несправедливо оценивал деятельность как самого П.К. Услара, так и Л.П. Загурского¹⁹⁰.

Переговорил Л.П. Загурский и со словолитным мастером Леманом относительно отливки некоторых начертаний для труда П.К. Услара о табасаранском языке¹⁹¹.

28 октября 1889 года был получен ответ от факультета восточных языков Петербургского университета, куда Отдел обратился по рекомендации Академии, за подписью его декана В. Васильева. В нём указывалось, что труды П.К. Услара следует печатать только теми знаками, которые он применял, без всякого изменения. «Равно полезно удерживать этот алфавит и во всех учебниках и пособиях, которые печатаются на исследованных Усларом языках для народов, говорящих этими языками, так как алфавит Услара применяется к горским языкам Кавказа вот уже четверть века, и на нём выросло целое поколение молодёжи, которое будет духовно разобщено с грядущим поколением в случае изменении усвоенной ими азбуки»¹⁹². Алфавит для народа и школы, таким образом, рекомендовалось не менять. Такое же мнение было высказано и относительно шенгрёновского алфавита для осетинского языка. «Исследование других языков Кавказа, – указывалось в письме, – равно издание очерков же исследованных языков, следует поручать с крайней осмотрительностью и только лицам с хо-

¹⁸⁵ ИКОИРГО. 1889. Т. 10. № 1. С. 88.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же. С. 38.

¹⁸⁸ Там же. С. 45-46.

¹⁸⁹ Там же. С. 46.

¹⁹⁰ Там же. С. 52-70.

¹⁹¹ Там же. С. 90.

¹⁹² Там же. С. 72.

рошим теоретическим, филологическим и лингвистическим образованием, доказавшим своими трудами основательное знакомство с кавказскими языками»¹⁹³.

Общий вывод о причинах разгоревшейся дискуссии был сделан Л.П. Загурским в 1889 году. «Главная причина неудач при издании литографированных трудов Услара, – писал он, – заключается в том, что за дело принялось лицо, не ознакомленное с кавказско-горскими языками... оно даже не знало, что было сделано по исследованию горских языков, и принялось за труд безо всякого плана. Эти обстоятельства были причиною того, что оно не хотело послушаться благоразумных советов, данных членами КОИРГО, и продолжало вести дело по-своему. Является критика изданий. Тогда г. Завадский (издатель) обращается к г. Миллеру с просьбой защитить его. Г. Миллер берёт под своё покровительство г. Завадского»¹⁹⁴. В результате, «в старину у нас было только 2 алфавита, очень сродных между собою; теперь имеется около дюжины разнообразных алфавитов»¹⁹⁵.

Дискуссия, разгоревшаяся вокруг издания трудов П.К. Услара, стоила Л.П. Загурскому много нервов и места преподавателя. Но, судя по всему, всё же оказала влияние на М.Р. Завадского. По крайней мере, изданная в феврале 1889 года работа по аварскому языку включала в себя азбуку ученика П.К. Услара поручика Айдемира Чиркеевского, составленную под его руководством, и букварь П.К. Услара, напечатанные с сохранением для всех букв формы, предложенной в «Азбуке» А. Чиркеевского¹⁹⁶.

Смерть Л.П. Загурского 24 апреля 1891 года положила конец дискуссии. Последним его трудом стала работа «Об издании в последние годы лингвистических трудов Услара и об изменении его алфавитов», которая вышла в свет в 1890 году и подвела промежуточный, как тогда казалось, итог¹⁹⁷. О том, как издавались остальные работы П.К. Услара, нам, к сожалению, ничего не известно. Исключение составило исследование по табасаранскому языку.

После смерти П.К. Услара изучение кавказских языков замедлилось. Печатались отдельные лингвистические материалы в «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа», в «Записках КОИРГО». Были изданы кабардинская грамматика и русско-кабардинский словарь действительным членом Отдела Л.Г. Лопатинским, лазская грамматика Аджариана на французском языке, мингрельские зарисовки А. Цагарели и другие небольшие работы. Была опубликована работа члена КОИРГО Р.Ф. фон Эркерта «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes». «Появление этой книги, – отмечал А.М. Дирр, – считалось в своё время научным событием; её многие хвалили вначале, но скоро обнаружилась и реакция. Дело в том, что материалы, собранные Эркертом, крайне ненадёжны, что и неудивительно, если принять во внимание способ, которого Эрkert придерживался при собирании своих материалов»¹⁹⁸. Он разослал списки слов и фраз лицам, большинство которых занимало разные административные и военные должности на Кавказе, с просьбою перевести слова и фразы на туземные языки. «Нельзя сомневаться в добросовестности тех, кому Эрkert поручил эту работу: они, конечно, сделали всё, что могли; но Эрkert должен был знать, что только специалист или знаток подлежащего языка может собрать надёжные лингвистические сведения; те люди, к которым он обращался, не были ни специалистами, ни, за редким исключением, знатоками языков... что ни русская, ни арабская азбука не позволяют записывать кавказские

¹⁹³ Там же. С. 73.

¹⁹⁴ ИКОИРГО. 1889. Т. 10. № 1. С. 74.

¹⁹⁵ Там же. С. 76.

¹⁹⁶ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1889. С. VII.

¹⁹⁷ Загурский Л.П. Об издании в последние годы лингвистических трудов Услара и об изменении его алфавитов. Тифлис: Тип. Канц. градонач. гражд. частью на Кавказе, 1890. 92 с.

¹⁹⁸ ИКОИРГО. Т. 16. № 4. С. 68-72.

слова хотя бы с некоторой точностью; что туземец, которому, напр., окружной начальник предлагает перевести фразу через посредство своего переводчика, плохо понимающего, чего именно от него хотят, кое-как, наугад переведёт данную фразу, не заботясь о точности перевода; он должен был вообще знать, что его способ собиранья не целесообразен. Конечно, книга Эркerta имеет всё-таки свои достоинства: она дала нам общий взгляд на кавказские языки, понятие об их взаимном родстве и некоторые сведения о наречиях, о которых мы не знали ровно ничего, кроме факта, что они существуют. Но этим и исчерпывается значение книги Эркerta»¹⁹⁹.

Подводя итоги длительного изучения кавказских языков, автор статьи в «Известиях КОИРГО» отмечал: «Разработка всех этих богатств (языков. – О.Г.) потребует ещё немало энергии. Много уже сделано; много, очень много остаётся ещё сделать будущим исследователям»²⁰⁰.

После П.К. Услара Адольф Михайлович Дирр стал наиболее видным языковедом, изучавшим языки Кавказа²⁰¹. Будучи преподавателем Темир-Хан-Шурина реального училища, А. Дирр создал грамматические очерки большинства дагестанских языков: удинского, табасаранского, андийского, агульского, цахурского. К этим же работам относятся и «Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы». Из России он уехал в 1913 году, в КОИРГО не состоял, но активно с ним сотрудничал²⁰².

А. Дирр делил все языки Кавказа на две группы: имеющие родственные языки вне Кавказа и не имеющие («настоящие кавказские языки», эндемические). Языки первой группы принадлежали к индо-европейской²⁰³, урало-алтайской (монгольской)²⁰⁴ и семитской²⁰⁵ языковым семьям. Эндемические языки делились на три группы: юго-западную (картвельскую)²⁰⁶, западно-горскую (абхазо-убыхо-черкесскую), восточно-горскую²⁰⁷. Сравнительно хорошо были изучены неэндемические языки Кавказа, особенно армянский и иранские. «Это потому, что один из них принадлежит к числу литературных языков, а другие стоят в тесной связи с персидским языком, так что наши ориенталисты-иранисты, конечно, усердно занимались ими»²⁰⁸. Талышский был известен неполностью из краткого грамматического очерка П.Ф. Рисса²⁰⁹. Слабо был изучен татский язык, ещё хуже – язык закавказских цыган. «Ещё больше оставляет желать наше знание тюрко-татарских наречий Кавказа. Нет у нас порядочной грамматики даже для *lingua franca* Закавказья – для азербайджанского наречия; нет у нас хороших материалов для ногайского, карачаевского и горно-татарских наречий», – констатировал А.М. Дирр²¹⁰.

¹⁹⁹ Дирр А.М. Кавказское языковедение, его история и будущие задачи // ИКОИРГО. 1904. Т. 17. № 4. С. 372-373.

²⁰⁰ Там же. С. 370.

²⁰¹ Öhrig B. Adolf Dirr (1867–1930): Ein Kaukasusforscher am Münchner Völkerkundemuseum // Münchner Beiträge zur Völkerkunde. Jahrbuch des Staatlichen Museums für Völkerkunde. München. 2000. В. 6. S. 199-234.

²⁰² Асланова Н.Д. Из истории изучения... С. 7.

²⁰³ Иранская ветвь: татский, талышский, курдский, осетинский, персидский. Также армянский, греческий и язык закавказских цыган.

²⁰⁴ Калмыцкий, тюрко-татарские наречия: азербайджанское, кумыкское, ногайское, тухменское, карачаевское и наречия горных татар Терской области.

²⁰⁵ Айсоры Эриванской и Тифлисской губерний и Карсской области, еврей-арамейцы.

²⁰⁶ Грузинский, лазско-мингрельский, сванский.

²⁰⁷ Языки народов Дагестана и чеченский. Дирр А.М. Кавказское языковедение... С. 369.

²⁰⁸ Там же. С. 370.

²⁰⁹ Рисс П.Ф. О талышцах, их образе жизни и языке // ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 1-72.

²¹⁰ Дирр А.М. Кавказское языковедение... С. 370.

По указанным причинам к будущим задачам кавказской лингвистики после почти столетнего её существования автор статьи по-прежнему относил необходимость «познакомить науку с неисследованными языками Кавказа вообще. Это будет громадная работа, так как до сих пор довольно мало было сделано»²¹¹. Грамматик мингрельского и сванского языков не было, не было текстов на лазском языке, не хватало материалов для грузинской диалектологии, полных словарей лазского, мингрельского и сванского. Подлинные абхазские тексты, за исключением нескольких единиц, отсутствовали. Черкесский язык в рассматриваемое время изучал член Отдела Л.Г. Лопатинский, который составлял полную грамматику и словарь. Датский учёный Бенедиктсен предоставил тексты на убыхском языке, собранные им в окрестностях Измида в Малой Азии. Из наречий чеченского только одно было исследовано П.К. Усларом. А.А. Шифнер изучил тушинское наречие. Аварский был хорошо разработан П.К. Усларом, но А.М. Дирр считал, что неплохо было бы провести сравнительный анализ его двух наречий. Из двух наречий кюринского языка П.К. Усларом было изучено только одно, второе же оказалось неразработанным.

Сам А.М. Дирр изучал табасаранский и агульский языки, а также собрал богатые материалы для исследования арчинского языка кюринской группы. Из удинского языка хорошо известно было также только одно наречие. А.М. Дирр собирал материалы для изучения и других языков кюринской группы. Лакский был изучен П.К. Усларом. 12 наречий Андийского округа были вообще не исследованы. В 1903–1904 гг. А.М. Дирр собирал материалы для их разработки, подготовил краткую грамматику андийского языка²¹². «Таким образом, что касается эндемических языков Кавказа, и особенно восточной их группы, т. е. чечено-дагестанской, то многие из них ещё не исследованы; особенно скудны наши сведения об их наречиях и поднаречиях», – резюмировал А.М. Дирр²¹³.

По остальным языкам Кавказа также требовалось собирать тексты, составлять грамматики и словари, особенно по главным тюркским языкам, изучать армянские диалекты, талышинский язык и язык закавказских цыган. «Когда будут у нас сырые материалы в достаточном количестве, тогда можно будет перейти к другим, более высоким задачам». Первой из них исследователь ставил выяснение того, в каких отношениях состоят между собой языки картвельской группы. Решение её должно было привести к восстановлению картвельского праязыка. Второй задачей он ставил выяснение генетических связей языков восточно-кавказской группы. Здесь он хотел реконструировать лезгинский праязык, а также праязык, из которого возникли языки абхазо-черкесской группы²¹⁴.

Именно с А.М. Дирром было связано продолжение истории с изданием работ П.П. Услара в начале XX века. На тот момент А.М. Дирр был преподавателем немецкого языка в одной из тифлиских гимназий. Он не являлся действительным членом КОИРГО, но был специалистом по кавказским языкам, к которому Отдел обращался за консультациями. После того, как Плеганская представила в Отдел бумаги покойного Л.П. Загурского, именно к А.М. Дирру обратился летом 1910 года Распорядительный комитет КОИРГО с просьбой разобрататься с рукописью П.К. Услара по грамматике табасаранского языка, которая считалась бесследно пропавшей²¹⁵. Над табасаранским языком П.К. Услар работал последние годы своей жизни, с 1870 до 1875 года. После смерти П.К. Услара все рукописи его архива попали к правителю дел КОИРГО Л.П. Загурскому.

²¹¹ Там же. С. 373.

²¹² Там же. С. 373-375.

²¹³ Там же. С. 375.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ ИКОИРГО. 1911–1912. Т. 21. № 2. С. 68-69; Магомедов А. П.К. Услар – исследователь дагестанских языков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. С. 30-33.

По его данным, собрав в Дагестане материал по табасаранскому языку, П.К. Услар отправился на родину для обработки и литографирования труда. Из пометки на рукописи можно заключить, что обработка была закончена в январе 1875 года. П.К. Услар успел отлитографировать лишь заглавный лист и алфавит. Развившаяся болезнь сделала невозможным продолжение работы. 8 июня 1875 года П. Услара не стало, и дочь покойного отослала рукописи отца академику А.А. Шифнеру. Вместе с этим трудом были отправлены и все лингвистические и нелингвистические заметки и даже черновые бумаги П.К. Услара. О дальнейшей истории рукописей П.К. Услара Л.П. Загурский писал следующее: «Шифнер не мог в это время приняться за рассмотрение посмертного труда Услара; покойный академик передал его незадолго до своей смерти чиновнику Кавказского горского управления, отправленному за бумагами, оставшимися после покойного Услара. Кавказское горское управление передало бумаги, полученные от Шифнера, в наш Отдел. На них была надпись: “Табасаранский язык”. “Табасаранский язык” представлял огромную связку самых разнородных по содержанию заметок, сложенных без всякого порядка. Рассортировавши их, я сделал из них три связки: в одну вошли черновые заметки о тех языках, очерки которых уже отлитографированы, а также выписки из разных сочинений и письма; другую связку образовали ценные лингвистические и нелингвистические заметки, ещё не изданные, а третью составили бумаги, относящиеся к табасаранскому языку»²¹⁶. Труд решено было издать на средства КОИРГО. Но сначала затянувшаяся дискуссия о кавказских алфавитах, затем отсутствие денег на издание в кассе Отдела затянули процесс. Не имея средств на издание труда, КОИРГО обращался за помощью в Русское Географическое общество, в Академию наук и в Министерство народного просвещения, но всюду получил отказ. Рукопись так и не была издана и в 1900-х годах считалась бесследно исчезнувшей»²¹⁷.

Результаты исследования были доложены А.М. Дирром на общем собрании Отдела 3 февраля 1911 года²¹⁸. Рукопись состояла из нескольких частей: 25 страниц грамматических заметок под названием «Материалы», все перечёркнутые и с большим количеством правок на полях; не оконченный грамматический очерк в 60 страниц; грамматика с правкой в 174 страницы; хрестоматия в 40 страниц; сборник табасаранских слов в 246 страниц. Автор доклада указал, что материалы, собранные и изданные в 25-м выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа» им самим под названием «Грамматический очерк табасаранского языка»²¹⁹, не имеют разногласий с материалами П.К. Услара, а хрестоматия последнего была намного богаче²²⁰. В собрании А.М. Дирр заявил, что поскольку к тому времени он уже опубликовал свою работу по табасаранскому языку, найденная работа П.К. Услара уже не имела прежнего значения. Поэтому он предложил издать её лишь частично, так как материалы, собранные бароном, были обширнее, нежели собранные А.М. Дирром²²¹. Изданное, по мнению А.М. Дирра, должно было дополнять его собственную работу²²².

²¹⁶ Загурский Л.П. Записки об очерке табасаранского языка, посмертном труде Услара // ИКОИРГО. 1882. Т. 7. № 2. С. 331; Магометов А.А. Неизданная монография П.К. Услара о табасаранском языке // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 69.

²¹⁷ Магометов А.А. Неизданная монография П.К. Услара о табасаранском языке. С. 70. Дирр А.М. Грамматический очерк табасаранского языка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 35. С. II.

²¹⁸ Дирр А.М. Неизданный труд барона Услара о табасаранском языке // ИКОИРГО. 1901–1912. Т. 21. № 1. С. 41.

²¹⁹ Дирр А.М. Грамматический очерк табасаранского языка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1905. Вып. 35. 247 с.

²²⁰ Дирр А.М. Неизданный труд барона Услара... С. 42.

²²¹ В основу работы П.К. Услара был положен говор аула Ханаг. К своему грамматическому очерку П.К. Услар приложил хрестоматию с пословицами, рассказами и баснями и «Сборник табасаранских

После такой оценки КОИРГО не стал заниматься изданием рукописи. Во время революции 1917 года и гражданской войны она вновь была утрачена и обнаружена в архиве профессора А.Н. Генко в Ленинграде. В 1949 году (после смерти А.Н. Генко) она была передана в Ленинградское отделение Института языка и мышления АН СССР, откуда поступила в библиотеку Института языкознания АН СССР в Москве²²³. В 1954 году история рукописи и её содержание были описаны советским исследователем А.А. Магометовым²²⁴, а издание её состоялось в 1979 году²²⁵.

Ю.Д. Дешериев и А.А. Магометов дали точное определение вклада П.К. Услара в кавказское языкознание:

«1. Впервые в истории кавказского языкознания был в основном правильно выявлен фонемный состав абхазского, чеченского, аварского, лакского, даргинского, лезгинского и табасаранского языков. Наука о языке впервые получила почти полное представление о звуковом составе открытой П.К. Усларом новой семьи языков...

2. Была разработана транскрипция звуков или алфавит на русской графической основе. Каждый самостоятельный звук получил особое обозначение.

3. П.К. Услар дал предварительную артикуляционную и акустическую характеристику всех звуков, выявленных им в кавказских языках, сопоставляя их там, где это возможно, со звуками в русском, арабском, армянском, западноевропейских и других языках.

4. П.К. Услар дал характеристику почти всех основных особенностей так называемых специфически кавказских звуков. Эта характеристика впоследствии лишь дополнялась и уточнялась»²²⁶.

5. Кроме того, П.К. Услар в письме к А.П. Берже от 10 февраля 1864 года на основе своих исследований выделил кавказские языки как самостоятельную семью языков, а также пришёл к догадке, что на Кавказе есть и языки других семейств²²⁷.

Конечно, в освещении грамматического строя горских кавказских языков П.К. Услар допустил ряд ошибок и неточностей, что является нормальным для всякого, кто начинает дело. Тем не менее, «никто из учёных, занимавшихся исследованием кавказских языков, не сделал так много для науки, как Услар, труды которого, вдобавок, по обстоятельности их выполнения, оставляют далеко за собой прежние труды по кавказской лингвистике, превосходя даже солидный труд Шёгрена об осетинском языке», – констатировал Л.П. Загурский²²⁸. После П.К. Услара до советского периода «в дагестанской лингвистике мы имеем только труды А. Дирра, по методу повторяющие П. Услара, но значительно уступающие трудам последнего», – отмечал исследователь творчества выдающегося лингвиста²²⁹.

слов» (табасаранско-русский словник), в котором содержалось 1 566 слов. См.: *Загиров В.М., Сафаралиев Н.Э., Агабеков Ж.А.* К проблеме изучения диалектов табасаранского языка: история вопроса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (56). Ч. 2. С. 84.

²²² ИКОИРГО. 1911–1912. Т. 21. № 4. С. 305.

²²³ *Магометов А.А.* Неизданная монография П. К. Услара о табасаранском языке // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 69-70.

²²⁴ Там же. С. 68-76.

²²⁵ *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 1071 с.

²²⁶ *Дешериев Ю.Д.* Значение научного наследия П.К. Услара для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1956. № 3. С. 113

²²⁷ *Халидов А.И.* Языки и народы Кавказа: вопросы истории и типологии, социо-, этно- и эколингвистики. Махачкала: АЛЕФ, 2019. С. 73.

²²⁸ *Загурский Л.П.* Пётр Карлович Услар... С. LI.

²²⁹ *Магометов А.* П.К. Услар – исследователь дагестанских языков. С. 7.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-1-52-81

А.В. Хренков

РУССКИЙ ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ – БРИТАНСКИЙ АГЕНТ?

Африканские путешествия Василия Юнкера

Предисловие

Писать очерк о Василии Васильевиче Юнкере оказалось непросто. Во-первых, пришлось столкнуться со скудостью биографических материалов о его жизни за пределами африканских путешествий, которые он сам описал весьма подробно. Во-вторых, после прочтения дневниковых записей Юнкера, из которых, собственно, и состоит его книга «Путешествия по Африке», у меня возникли затруднения с оценкой его деятельности в Африке, по крайней мере, с точки зрения дня сегодняшнего. Однако я решил отбросить сомнения и всё же попытаться сделать это, стараясь быть максимально объективным.

Начнем с констатации того, что В.В. Юнкер изначально не готовил себя к изучению далёких и неизвестных европейцам «диких» африканских племён, а стал путешественником по Африке достаточно спонтанно. Окончив петербургскую немецкую гимназию, он отправился изучать медицину – сначала в Дерптском (Тартуском), а затем в Гёттингенском университете. Получил диплом врача, но врачебной практикой, однако, заниматься не пожелал. Более всего ему хотелось путешествовать по миру, а позднее, хотя и довольно скоро, его увлекла экзотика дальних стран, труднодоступных и ещё не исследованных европейцами.

В.В. Юнкера принято считать не только путешественником, но и учёным. И действительно, по итогу своих трудов, по обилию собранного этнографического материала он этого вполне заслуживает. Однако он никогда не преподавал в университетах, не читал студентам лекций и не добивался для себя каких-либо учёных степеней или академических званий.

Начинал он как путешественник-любитель, но постепенно, из любви к своему делу, сделался профессионалом, причём профессионалом такого уровня, с которым в итоге стали считаться признанные научные авторитеты из числа мировых светил в области географии, антропологии и африканистики, тогда только зарождавшейся. Юнкер оказался в ряду её родоначальников и уж точно первым мэтром африканистики в России, чему способствовали сделанные им в ходе его путешествий географические и этнографические открытия.

Есть и ещё одна особенность, которая выделяет Юнкера из плеяды прочих российских путешественников. Та, что он не имел никакого отношения к российским официальным структурам, занимающимся географическими и этнографическими исследованиями или же организацией путешествий. Ни к Императорскому Русскому географическому обществу, ни к Академии наук, ни к Военно-учённому комитету Военного министерства, ни к какому-либо иному обществу, даже и существовавшему на общественных началах, вроде московского «Общества любителей естествознания»¹.

Мне не удалось отыскать свидетельств того, что какая-либо государственная или общественная организация принимала участие в финансировании его африканских экспедиций или хотя бы помогла научным оборудованием, приборами, оружием или походным снаряжени-

¹ «Общество любителей естествознания», позже «Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии» – общественная и научная организация, основанная в 1863 году при Московском университете, объединявшая антропологов, этнографов и естествоведов.

ем, как обычно практиковалось при организации прочих экспедиций наших соотечественников, даже и предпринимавшихся по частной инициативе. Абсолютно все свои экспедиции В.В. Юнкер финансировал сам, оборудование, приборы и всё прочее экспедиционное имущество приобретал на собственные средства.

Что же касается Императорского Русского географического общества, то оно лишь постфактум, по мере признания в Европе значимости научных исследований В.В. Юнкера и ценности собранных им в Африке этнографических коллекций, признало его заслуги, приняло его в число своих почётных членов (но отнюдь не действительных)² и стало предоставлять трибуну для его научных докладов.

Добавим также, что в ходе своих путешествий Юнкер никогда не принимал на себя и не выполнял никаких поручений российского правительства, ни явных, ни секретных, в отличие от большинства других русских путешественников, в том числе и тех, о которых говорится в этой статье. Направление и продолжительность своих путешествий он также определял, ни с кем не согласуясь и ни перед кем не отчитываясь.

В значительно большей степени он взаимодействовал (по необходимости) с западноевропейскими колониальными структурами, уже существовавшими на Африканском материке, поскольку от них зависело, содействовать его путешествиям или помешать им. При этом с колониальными администрациями, в частности, с британской, Юнкер контактировал напрямую, в личном качестве, не прибегая к посредничеству российских дипломатических агентов за рубежом.

Позволю высказать предположение, что его исследовательским успехам, притом в колониальных владениях, подконтрольных Британии, способствовала не только его финансовая независимость от российского правительства, но и то, что он не был этническим русским. Из его дневников и переписки складывается стойкое впечатление, что чиновники колониальных администраций воспринимали его не как представителя России, а скорее как своего, т.е. западноевропейца.

Будь иначе, едва ли генерал Чарльз Гордон, всесильный Гордон-паша, генерал-губернатор англо-египетского Судана, предписал бы своим подчиненным на местах оказывать «доктору Юнкеру» всевозможное содействие при его поездке на юг Судана, которую он сам же и предложил ему совершить. А ведь Юнкер путешествовал по Африке в те самые годы XIX века, когда отношения России и Англии обострились до крайности и «Большая игра» между ними была в самом разгаре.

Позволим себе пару слов о политических и гуманитарных воззрениях В.В. Юнкера. Можно не сомневаться в том, что Юнкер считал европейскую колонизацию Африки благом для её народов. Он лишь выступал за более мягкие, более гуманные методы колонизации. Но то, что колонизация – объективная необходимость, что она несёт с собой культуру и прогресс народам континента – в этом он был искренне убеждён.

Юнкер смотрел на племена Африки, особенно на самые отсталые и «дикие», как на элемент экзотики, которую надо успеть запечатлеть. Ему было важно зафиксировать их моментальное, сегодняшнее цивилизационное состояние, успеть описать их обычаи, представления и образ жизни прежде, чем они неизбежно исчезнут под внешним влиянием.

В.В. Юнкер не был свободен от расовых предрассудков. Он не только не считал туземцев Центральной Африки ментально и интеллектуально стоящими на одной ступени с европейцами, но и сами африканские племена дифференцировал на более и менее интеллектуально развитые, связывая такую градацию не с соответствующим уровнем их материальной и ду-

² Правом почётного членства ИРГО удостоивало, как правило, крупных иностранных учёных и путешественников. Юнкер удостоился этого почётного звания в 1887 году, по возвращении из своего второго и последнего путешествия по Африке. До этого он, по нашим сведениям (которые нуждаются в уточнении), действительным членом ИРГО не состоял и наград Общества не получал.

ховной культуры, а с врождённой якобы интеллектуальной одарённостью (или её отсутствием), которая естественным образом возвышает представителей одних африканских племён над другими.

Исследовательскую деятельность по Африке Юнкер начинал довольно традиционно и даже банально – как собиратель экзотических артефактов, коллекционер «дикарских» атрибутов быта, одежды, украшений, орудий труда и оружия. Но, начав с коллекционирования, впоследствии он занялся более глубокими и серьёзными научными исследованиями. Его тщательно составленные карты, подробные описания африканских племён, территорий их расселения, их быта, численности, с упоминанием имён всех вождей и их родственных связей, их отношений с соседями и прочими деталями объективно служили колониальным интересам Британии и находившегося от неё в фактической вассальной зависимости Египта. И не случайно за свои научные исследования он был удостоен золотой медали британского Королевского географического общества, при том, что от ИРГО не имел, кажется, никаких наград, даже малой серебряной медали.

То, что для Юнкера представлялось чистой наукой, для египетских чиновников и их британских менторов, помогавших учёному в его экспедициях, было колониальной политикой, с её главным принципом «разделяй и властвуй», которую Каир и Лондон проводили в суданских экваториальных провинциях. В конечном итоге Юнкер сам это осознал и позже горько сожалел о том, что невольно стал причиной гибели ряда выдающихся африканских вождей, которых он заверял в том (сам в это веря), что колониальные власти и в самом деле будут защищать интересы коренных африканцев, положат конец грабежам и набегам арабских работников.

В.В. Юнкер по праву считается первым российским исследователем Африки южнее Сахары. Но была ли его научно-исследовательская деятельность в Африке хоть чем-нибудь полезна самой России (кроме, естественно, научного престижа и пополнения музейных коллекций), была ли она хоть в минимальной степени связана с внешнеполитическими интересами Российской империи? При всем старании мы не найдём таких фактов и примеров. Напротив, его деятельность, скорее, помогала продвигать дело западноевропейской колонизации Чёрного континента. Это прекрасно понимали англо-египетские власти, а потому охотно и деятельно помогали Юнкеру в его африканских путешествиях.

Я вовсе не намерен упрекать Юнкера в отсутствии у него «российского патриотизма». Замечу лишь, что в 1870-1880-х годах у России ещё не было никакой конкретной «африканской политики». К Африке как континенту Россия начала проявлять интерес лишь с начала 1890-х годов, да и этот интерес был не прямой, а косвенный, даже третьестепенный. Свою «африканскую политику» Санкт-Петербург рассматривал лишь как инструмент влияния на действия других колониальных держав, имевших серьёзные интересы в Африке, в частности, как средство ослабить там позиции Англии, оттянуть её внимание и ресурсы от Центральной Азии, где интересы двух империй, Российской и Британской, сталкивались напрямую. Но в такой парадигме эта политика оформилась только в последнем десятилетии XIX века.

Глава I. Рождение интереса к Африке и первая экспедиция Юнкера

Будущий знаменитый путешественник родился в Москве в апреле 1840 года в семье немецкого банкира Вильгельма (на русский лад – Василия) Юнкера. Позже семья переехала в Петербург, где размещался ещё один филиал банкирской фирмы. Несмотря на российское подданство, воспитание детей и жизненный уклад семьи были, по-видимому, традиционно немецкими. По окончании Петропавловской гимназии в Петербурге В.В. Юнкер отправился обучаться медицине в Дерптский (Тартуский) университет, а затем перебрался на учебу в Германию, в знаменитый университет Гёттингена.

Получив диплом доктора медицины, заниматься врачебной практикой Юнкер, однако, не захотел. Не пожелал он пойти и по стопам отца – заняться банковским делом. Со студенческих лет он начал проявлять большой интерес к путешествиям.

Своё первое большое путешествие Юнкер совершил в 1869 году, причём совсем не в Африку, а в Исландию. Возможно, под влиянием только что вышедшего тогда романа Жюль Верна «Путешествие к центру земли», а, возможно, готовился тогда стать исследователем полярных стран, как другой знаменитый российский немец – Фердинанд Врангель, проживавший в последние годы жизни как раз в Дерпте, так что Юнкер вполне мог быть с ним знаком.

Однако именно в 1869 году произошло важное мировое событие – открылся для судоходства Суэцкий канал. Взоры европейцев тут же повернулись на юг, к Северо-Восточной Африке. Открытие прямого прохода из Средиземного моря в Индийский океан придало новый импульс «схватке за Африку», немедленно развернувшейся между ведущими колониальными державами.

Юнкер с этого времени также начинает мечтать о путешествиях в пока ещё мало изученную европейцами Африку. Понимая, что ему не хватает профессиональных знаний и опыта, он в 1873 году отправляется в Тунис, чтобы волонтёром участвовать в экспедиции знаменитого немецкого историка Теодора Моммзена, отыскивавшего там античные древности. Оказавшись в Тунисе, Юнкер довольно быстро выучился арабскому языку и освоил технику картографирования. Для совершенствования знаний в картографии и топографии он в 1874–1875 гг. прошёл дополнительное обучение и практику у известного берлинского географа Генриха Киперта.

В 1875 году Юнкер принял участие в I Международном географическом конгрессе в Париже, где познакомился со многими европейскими путешественниками, в том числе с теми, кто уже побывал в Африке, в частности, с доктором Георгом Швейнфуртом³, которого впоследствии называл своим наставником.

Осенью того же года Юнкер планирует предпринять свою первую длительную экспедицию. Целью её он избирает Дарфур – ещё недавно независимый султанат, ставший в 1874 году новой провинцией Египта.

Однако с экспедицией в Дарфур дело не задалось. Власти не спешили пускать туда иностранцев, к тому же в недавно завоёванной провинции царил голод, и было очень неспокойно. Не желая терять время в ожидании разрешения, Юнкер совершил поездку по Суэцкому каналу и Красному морю и, высадившись в порту Суакин, пробрался оттуда по реке Барака, а затем с верблюжьим караваном до Хартума, первым из европейцев пройдя этим маршрутом.

Оказавшись в Хартуме, Юнкер в августе 1876 года воспользовался возможностью совершить поездку на пароходе вверх по Белому Нилу, тем более, что разрешения на посещение Дарфура пока не было. Не получил он его и через месяц, когда пароход «Ссафия» вернулся в Хартум. Приходилось думать об изменении плана путешествия. Только что окончившееся плавание по верховьям Белого Нила и его притокам породило желание познакомиться с этим регионом более основательно, и Юнкер отправился к сэру Чарльзу Джорджу Гордону, генерал-губернатору Судана, надеясь получить у него позволение совершить путешествие в недавно присоединённую Экваториальную провинцию.

По-видимому, Юнкеру удалось произвести достаточно благоприятное впечатление на генерала Гордона, возможно, даже внушить известную симпатию, поскольку Гордон-паша не только разрешил Юнкеру и его помощнику препаратору Коппу отправиться в это путешествие, но и обеспечил его собственноручным письмом ко всем начальникам правительствен-

³ Георг Швейнфурт (1836–1925) – немецкий учёный и путешественник, уроженец Риги. Член Берлинской академии наук.

ных и торговых станций с предписанием предоставлять Юнкеру носильщиков и провиант, а также оказывать ему надлежащий приём и необходимое содействие⁴.

В начале ноября 1876 года пароход «Исмаилия», на котором Юнкер и Копп отправились вверх по Нилу, причалил к пристани станции Ладо, укрепленного поселения египтян у впадения в Белый Нил его притока Бахр-эль-Газаль. Выше по течению Нил был уже несудоходен, и отсюда Юнкер, предъявив Юсуф-эфенди, главному чиновнику здешней администрации, письмо Гордон-паши в удостоверение своих прав и полномочий, вскоре отправился вглубь Африки с караваном египтян, следовавшим в южные области для сбора дани с туземного населения⁵.

С точки зрения безопасности и чисто бытовой путешествовать в сопровождении большого каравана, идущего под охраной вооружённых солдат, было вполне комфортно. Не надо было заботиться о продовольствии, так как египетские начальники, выполняя указание Гордон-паши, регулярно обеспечивали Юнкера и членов его экспедиции⁶ съестными припасами и выделяли носильщиков для переноски грузов. Перед каждой ночёвкой носильщики обязаны были соорудить «белому господину» отдельную и притом достаточно просторную африканскую хижину (тукуль); палаткой он принципиально не пользовался.

Если с практической точки зрения всё обстояло вполне благополучно, то в моральном отношении Юнкер поначалу чувствовал себя не слишком комфортно. Экспедиция, отправленная для сбора дани, то и дело превращалась в карательную (если дань не удавалось получить полностью) или в мародёрско-грабительскую (если каравану начинало не хватать продовольствия). Судя по записям в дневниках, эта особенность экспедиции поначалу очень возмущала и угнетала Юнкера, но постепенно он с этим свыкся, хотя и понимал, что изучать быт туземцев в таких условиях весьма проблематично: ведь при первых признаках приближения каравана туземцы бросали хижины и прятались в лесах.

Юнкеру, пусть и в качестве пассивного наблюдателя, но волей-неволей пришлось принимать участие в «газве» – грабительских набегах на туземное население, целью которых была реквизиция зерна и скота. Впрочем, наблюдателя не совсем уж и стороннего, ведь он и сам был их бенефициаром, поскольку отнятое у африканцев продовольствие он получал от египтян даром. Да он и сам открыто признаёт, что «газве» обогатили его коллекции.

Данный факт, вероятно, надо пояснить. Дело в том, что с самого начала путешествия Юнкер начал собирать этнографическую коллекцию. Комплектуя её, он, как человек состоятельный и гуманный, предпочитал приобретать вещи путём обмена или покупки. Однако далеко не всегда ему удавалось уговорить туземцев продать или обменять ту или иную заинтересовавшую его вещь. В таких случаях, поддавшись страсти коллекционера, он (по его собственному признанию), уже не стесняясь, скупал подобные предметы у солдат, отлично понимая, что, скорее всего, они были силой отняты у туземцев в разорённых и сожжённых нубо-арабами⁷ африканских селениях или даже сняты с трупов.

Исследователю, путешествовавшему вместе с колонизаторами, работоторговцами, грабителями и насильниками и к тому же пользующемуся их помощью, гостеприимством и защитой, поневоле приходилось закрывать глаза на подобные вещи и принимать сложившиеся «правила игры», несмотря на личное отвращение к подобной практике. Сам он искренне

⁴ Юнкер В.В. Путешествия по Африке (1877–1878 и 1879–1886). Сокращённое издание в переводе с немецкого М.А. Райт-Кангун под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Б.И. Шаревской. ОГИЗ. Государственное издательство географической литературы. М., 1949. С. 40.

⁵ Дань с туземцев в то время взималась главным образом слоновой костью и продовольствием.

⁶ В составе экспедиции, помимо Коппа, было ещё пятеро нанятых в Хартуме слуг.

⁷ Термин, используемый В.В. Юнкером для суданских арабов на египетской административной и военной службе. Он называет их также донколанцами, поскольку изначально большая их часть была родом из окрестностей Донголы, расположенной в Нубийской пустыне на севере Судана.

считал, что туземцев можно было бы сделать более благожелательно настроенными к центральному правительству, если «отказаться от той хищнической и разбойной системы, которая позорит продвижение в стране истоков Нила арабской культуры под египетским флагом»⁸.

С вооружённым караваном сборщиков слоновой кости (не гнушавшихся, несмотря на формальный запрет, и захватом рабов) Юнкер проник вглубь Центральной Африки, исследовал область рек Роль, Тондж, Джур и верховья реки Кибби, которая, несколько раз меняя по пути к устью своё название, оказывается рекой Убанги – крупнейшим правым притоком Конго. Впрочем, тогда ещё Юнкер (и никто другой из европейских исследователей) этого не знал.

Во время первого путешествия Юнкер посетил области Макарака, Митту и Калика, названные так по имени проживавших там племён, дал довольно подробные их описания и собрал богатую этнографическую коллекцию. Несмотря на то, что часть её была утрачена или попорчена при пересылке, тем не менее, даже то, что удалось в сохранности доставить в Петербург, составило весьма значительное собрание (341 предмет), переданное Юнкером в дар Российской академии наук. Эта коллекция и по сей день считается в Музее антропологии и этнографии РАН одной из наиболее ценных.

Основные трудности начались у путешественника тогда, когда караван прибыл в конечный пункт в область Макарака, и Юнкер стал предпринимать самостоятельные исследовательские вылазки из сооружённых египтянами станций, называемых зерибами (засеками, острожками). Вот тут у него тотчас начали возникать проблемы с носильщиками, с проводниками, да и с личной безопасностью тоже. С этими трудностями Юнкеру пришлось привыкать справляться самостоятельно, набираться терпения и учиться ладить с туземцами и их вождями, зачастую весьма подозрительными и капризными.

Путешествие изобиловало многочисленными драматическими эпизодами и даже трагедиями. Так, Юнкера потрясла необычайно высокая смертность среди туземцев-носильщиков, вызываемая скудной кормёжкой, болезнями и непосильной подчас ношей, которую им приходилось тащить под приглядом жестоких надсмотрщиков. А также совершенно варварское отношение правительственных солдат к местному населению, которое зачастую оставалось обобранным до последнего зёрнышка. Нелегко в тяжелых климатических условиях Экваториальной Африки пришлось и самим путешественникам. Неизменными спутниками странствий по джунглям Африки были в то время тропическая лихорадка, малярия, дизентерия. От дизентерии, принявшей особо тяжёлую форму, скончался в затерянной в джунглях туземной деревушке в июле 1877 года спутник и помощник Юнкера немецкий зоолог Копп.

Тем не менее, первое пребывание Юнкера в Экваториальной Африке, продолжавшееся около полутора лет (до весны 1878 года), дало ему очень много в смысле опыта. Кроме того, была собрана обширная и разнообразная этнографическая коллекция.

Хотя мы не рассматриваем здесь подробно внешнеполитический фон путешествий Юнкера, но всё же не можем обойти вниманием тот любопытный факт, что, будучи российским подданным, Юнкер беспрепятственно путешествовал по колониальным владениям англо-египетского Судана во время начавшейся русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и данное обстоятельство его никаким негативом не затронуло. Он, как и раньше, продолжал пользоваться помощью и покровительством как со стороны местных египетских чиновников, так и со стороны Гордон-паши. И это при том, что Египет, являвшийся номинально вассалом Турции, уже разорвал дипломатические отношения с Россией, объявил ей войну и даже направил в помощь туркам 12-тысячный египетский корпус.

Объяснить этот парадокс можно, вероятно, отчасти тем, что египетские власти, похоже, не считали Юнкера русским, а местная британская администрация в лице Гордон-паши

⁸ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 35.

(Лондон в той войне был, как обычно, на стороне турок) хотя и знала об истинном подданстве Юнкера, не усматривала для себя опасности в его деятельности. Напротив, она, кажется, имела намерение использовать его исследования себе на пользу.

В Петербург из своего путешествия Юнкер благополучно вернулся осенью 1878 года, уже после окончания военных действий между Россией и Османской империей и подписания мирного договора.

Глава II. Вторая экспедиция в Африку

Нового путешествия в Центральную Африку Юнкер, по его собственным словам, предпринимать не планировал, но восторженный приём на родине, признание его научных заслуг Российской академией наук, где ему было предложено сделать сообщение о своём путешествии, и последующее общение с русскими и зарубежными учеными-географами побудили его переменить своё намерение.

В сентябре следующего года Юнкер начал готовиться к новому путешествию в Африку. 16 октября 1879 года он сошёл с трапа парохода в Александрии, собираясь продолжить ранее начатые исследования экваториальных областей Чёрного континента и планируя на этот раз более длительную экспедицию. Своим компаньоном и помощником по сбору естественнаучных коллекций он, по совету коллег, согласился взять немецкого зоолога и таксидермиста Фридриха Бондорфа.

Новое путешествие вглубь Африки Юнкер планировал начать, как и в прошлый раз, из Ладо. Однако гигантские заторы из плавучих водорослей и густых зарослей папируса не позволили пароходу на этот раз пройти к Ладо. Пришлось выгрузиться на берег раньше, начав сухопутное путешествие от станции Мешре-эр-Рек в провинции Бахр-эль-Газаль.

Губернатором этой южносуданской провинции был в то время Джесси-паша⁹, очередной администратор-европеец, поставленный на этот пост генералом Гордоном. С этим итальянцем Юнкер сразу нашел общий язык и в дальнейшем пользовался полным его покровительством. Местные египетские начальники, беря пример с губернатора, также не отказывали путешественнику в посильной помощи, особенно необходимой при найме носильщиков, поскольку туземцы всячески старались уклониться этой повинности.

13 марта 1880 года, сформировав караван из 105 носильщиков, экспедиция Юнкера выступила к станции Джур-Гатгас, первой на намеченном им маршруте. На этот раз он имел намерение путешествовать иначе, чем в первый раз, а именно полностью самостоятельно, без сопровождения солдат, которые грабили по пути туземное население и сильно мешали Юнкера налаживать дружеские отношения с местными вождями. Однако на первых порах ему пришлось столкнуться с серьёзными трудностями по поддержанию дисциплины среди слуг, особенно это касалось носильщиков, которые ранее подчинялись ему беспрекословно из страха перед солдатами. «Понадобились недели труда и терпения, – писал Юнкер, – пока при изменившихся условиях <...> установился порядок <...> и каждый из моих людей усвоил порученную ему работу»¹⁰.

Отправляясь в своё второе путешествие по Африке, Юнкер представить себе не мог, что вернуться в Россию ему будет суждено лишь по истечении долгих семи лет. Спустя годы он писал: «Хорошо, что в <...> первый вечер путешествия <...> передо мной не могла поднять-

⁹ Джесси-паша (Ромоло Гесси) (1831–1881) – итальянский офицер, один из сподвижников Дж. Гарибальди в 1859–1860 гг. Добровольцем участвовал в Крымской войне на стороне англичан. С середины 1870-х он перебрался в Египет и стал одним из подручных генерала Гордона. В 1878 году Гордон назначил его губернатором провинции Бахр-эль-Газаль. Р. Гесси скончался в Хартуме в 1881 году.

¹⁰ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 158.

ся завеса, скрывающая будущее, иначе трудности, лишения и страдания, которые меня ожидали в ближайшие семь лет, лишили бы меня мужества и бодрости»¹¹.

23 марта 1880 года экспедиция достигла зерибы Джур-Гаттас, где в тот момент находился и Джесси-паша. Отсюда Юнкер намеревался двинуться на юг, в район расселения племенного объединения ньям-ньяма, куда власть египетской администрации пока не распространялись. Ближайшей его целью было путешествие к князю Ндоруме, вождю большого племени азанде и ряда более мелких подчинённых ему племён. К Ндоруме, по просьбе Юнкера, отправили посольство с подарками и письмом Джесси-паши, в котором извещалось о желании европейского путешественника посетить владения князя и содержались заверения в самых мирных и дружественных его намерениях¹².

Князь некоторое время колебался, опасаясь подвоха, но, в конце концов, дал согласие принять у себя европейца и разрешить ему проход в свои владения.

Отправляясь к этому могущественному вождю, не признающему над собой власть суданской администрации, Юнкер категорически отказался от вооружённой охраны и от присутствия арабов среди своих слуг. Он и в дальнейшем нанимал слуг исключительно из представителей местных африканских племён. В этом отношении второе путешествие Юнкера кардинально отличалось от экспедиций британского путешественника Генри Стенли, который не рисковал путешествовать по Центральной Африке без сопровождения многочисленного эскорта, вооружённого до зубов самым современным огнестрельным оружием.

Глава III. Во владениях князя Ндорумы

27 апреля 1880 года Юнкер прибыл в приграничную зерибу Дем-Бекир, где застал Ф. Бондорфа и отправленный с ним ранее багаж. Здесь им надлежало ожидать послов Ндорумы. Неожиданно пришло известие, что вместо послов прибудет сам князь. Для встречи высокого гостя Юнкер одел слуг в «праздничное платье», нарядив туземцев в русские ситцевые рубахи и штаны. Эту простую крестьянскую одежду путешественник взял с собой в изрядном количестве «для подарков». Князю и его свите был устроен торжественный приём, подано обильное угощение и, в соответствии с местными традициями, преподнесены подарки.

Ндорума впервые в жизни увидел европейца и, естественно, проявил к нему острый интерес. Произведённое впечатление оказалось благоприятным, и первоначальные опасения вождя быстро развеялись. По словам Юнкера, он покинул Дем-Бекир «совершенно успокоенный <...> и в высшей степени довольный своим путешествием к нам»¹³. Расставаясь, он пообещал путешественникам распорядиться о подготовке для них жилья в своих владениях.

В Дем-Бекире к багажу экспедиции, и без того громоздкому¹⁴, добавилось ещё 45 нош дурры¹⁵ и муки. Это продовольствие Юнкер закупил у Джесси-паши впрок, чтобы не быть туземцам в тягость и хотя бы в первое время питаться из собственных запасов. В итоге набралось в общей сложности 225 мест багажа и потребовало почти такого же количества носильщиков, что грозило стать вскоре серьёзной проблемой.

7 мая 1880 года экспедиция покинула Дем-Бекир и походным порядком большим караваном двинулась на юг. Обширная область к югу от Дем-Бекира была ранее известна европейцам только по рассказам арабских торговцев. Таким образом, Юнкеру предстояло стать её первооткрывателем.

¹¹ Юнкер В.В. Путешествия по Африке.

¹² Там же. С. 161.

¹³ Там же. С. 168.

¹⁴ Юнкер формировал запасы экспедиции в расчёте примерно на пару лет автономного пребывания вдали от цивилизации.

¹⁵ Дурра – один из сортов сорго.

16 мая, после девятидневного похода по диким и безлюдным местам, путешественники достигли границы владений Ндорумы и остановились в селении вождя Йисса – вассала Ндорумы¹⁶. Здесь Юнкер отпустил сопровождавших его солдат обратно в Дем-Бекир, объяснив изумлённым таким поступком туземцам, что он не хочет быть им в тягость при таком большом числе сопровождающих и что правительственные солдаты «не должны есть хлеб азанде»¹⁷. Столь непривычное для туземцев поведение чужестранца произвело на них самое благоприятное впечатление. Но ещё больше их изумило его заявление о том, что он доверяет охрану своей жизни им, азанде. Юнкер, таким образом, решил рискнуть и положиться на обещание Ндорумы, что в его владениях он будет в полной безопасности. Он также надеялся, что туземцы проявят должное гостеприимство и носильщики по-прежнему будут нести свой груз дальше, но уже добровольно, без страха перед египетскими солдатами.

Однако благодушно настроенного Юнкера ожидало большое разочарование. Скоро он убедился, что был излишне оптимистичен в своих ожиданиях, и отношения с носильщиками ему теперь придется кардинально менять. Их покорность и услужливость держались, как выяснилось, лишь на страхе перед солдатами. Теперь, когда страх исчез, дисциплина резко упала, а услужливость сошла на нет. «Если раньше, – писал Юнкер, – я бывал в отдельных случаях строг с носильщиками, то теперь должен был быть терпеливым, снисходительным и мягким, для того, чтобы они от недовольства не убежали от меня. Я разрешал им отдыхать, когда они того хотели <...> – короче, я показал себя во многих отношениях более снисходительным»¹⁸.

Щедрым на обещания, но отнюдь не на дела, оказался и вождь азанде. У границы его владений Юнкеру пришлось простоять несколько дней из-за отсутствия носильщиков. Когда, наконец, носильщики объявились и путешественники прибыли в селение, бывшее резиденцией Ндорумы, выяснилось, что обещанные им жилища не только не приготовлены, но даже и строительство их ещё не начиналось.

Пришлось Юнкеру лично озаботиться постройкой жилья и складов для хранения продовольствия и багажа экспедиции. При этом он задумал устроить не только помещения для жилья и работы, но и собственную маленькую зерницу, т.е. обнести лагерь экспедиции прочным тыном, чтобы защититься как от нападения ночных хищников, так и от чересчур навязчивого любопытства обитателей селения.

Юнкер обратился к Ндоруме с просьбой выделить ему в помощь людей и стройматериалы, подкрепив просьбу щедрыми дарами. Но, несмотря на розданные вождю и его приближенным подарки, назначенные люди либо не являлись вовсе, либо отлынивали от работы. Дело не двигалось, и путешественнику пришлось долго ночевать на открытом воздухе, под наскоро сооружённым навесом от дождя.

Исчерпав всякое терпение и убедившись, что напоминания и уговоры не действуют, Юнкер на очередном приёме у князя весьма жёстко и недвусмысленно адресовал ему упрек в лицемерии и нарушении им данного слова, не испугавшись ни возможного ответного гнева могущественного вождя, ни присутствия его многочисленной свиты. «Я дал ему почувствовать, – описывал он этот эпизод, – моё негодование по поводу позорного поведения его людей... Я сказал ему, что он день за днем даёт мне пустые обещания, что слова его – сплошная ложь». К этому Юнкер добавил, что жалеет уже о том, что отпустил солдат, поскольку-де только чувство страха может заставить его людей работать. Наконец, уже прямо припугнул, что если ничего не изменится, он предпримет соответствующие шаги, и князь, и его подданные «будут позже горько раскаиваться в своём поведении»¹⁹.

¹⁶ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 180.

¹⁷ Там же. С. 183.

¹⁸ Там же. С. 182.

¹⁹ Там же. С. 190.

Ндорума был явно ошарашен таким дерзким напором. Он не только не выказал гнева, но, по-видимому, не на шутку струхнул, поскольку на следующий день на постройку лагеря явилось значительное число людей. Через несколько дней, однако, «трудоу энтузиазм» туземцев иссяк, и работы вновь замерли.

В конце концов, такое положение надоело самому Ндоруме, ведь перед лицом чужеземца страдал его авторитет вождя. И однажды утром он повелел бить в большой боевой барабан сигнал общего боевого сбора. В кратчайшее время на призыв прибыли вооружённые воины. Когда они узнали, в чём истинная причина сбора, то сначала долго смеялись, оценив шутку, но потом, к удовольствию Юнкера, «мирно сложили свои копыя и щиты... и всё воинство благоволило стать на работу»²⁰.

Сооружение частоккола вокруг лагеря было, наконец, завершено. Желая сделать его более неприступным, Юнкер велел увить тын колючим кустарником, чтобы максимально затруднить путь хищникам. Сия предосторожность была отнюдь не лишней, поскольку поблизости от селения обнаружился леопард-людоед, и прежде чем ночного хищника удалось убить, несколько женщин и детей успели стать его жертвами.

Когда хижины были построены и сооружена ограда вокруг лагеря, Юнкер решил разбить там ещё и огород, в котором они с Бондорфом высадили как местные, так и европейские огородные культуры. Свою маленькую станцию, в которой предполагалось задержаться на достаточно продолжительное время, Юнкер назвал «Лакрима»²¹, в память о том, как тяжело далась ему её постройка.

Из своей хижины, построенной по африканскому образцу, Юнкер постарался создать максимально удобное для работы жильё. Из досок, закупленных в Александрии, сделал стеллажи, подвесив их к стропилам крыши, чтобы уберечь разложенные на них вещи от крыс и термитов. В его жилище умещались покрытый ковром ангареб²² с противомоскитной сеткой, складная походная кровать, плетёный гамак на подставках, стол, два складных кресла, ванна с умывальными принадлежностями и десятки других нужных предметов. На рабочем столе разместились книги, лежали письменные и чертёжные принадлежности²³.

Помимо этого, Юнкер привёз с собой в Африку изрядный запас предметов, которые на первый, и даже на второй взгляд, были в путешествии совершенно лишними. В их числе – картины, музыкальные инструменты, заводные музыкальные шкатулки, шарманки, губные гармошки и даже детские игрушки. Однако, как вскоре выяснилось, эти предметы весьма помогали ему устанавливать живой, дружеский контакт с африканцами.

Слухи о том, что у князя Ндорумы гостит белый господин, который прибыл без конвоя, притом ведёт себя миролюбиво, не посягая ни на собственность негров, ни на их свободу, скоро разнеслись по соседним племенам. К нему стали приходиться послы от соседей с приглашением посетить и их тоже. Как скоро выяснил Юнкер, туземцы надеялись, что его присутствие обеспечит им защиту от грабительских набегов солдат-нубийцев²⁴.

Такие приглашения давали Юнкеру неплохую возможность посетить, описать и картографировать обширные территории, населённые племенами азанде, мангбатту, абармбо и другими, выходящие далеко за пределы владений Ндорумы. Кроме того, сохраняя главную базу в «Лакрима», отсюда можно было совершать поездки по разным направлениям и при этом не тащить с собой всё имущество экспедиции, а значит, и ограничить число носильщиков.

²⁰ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 191.

²¹ «Лакрима» в переводе с латинского означает «слеза».

²² Легкая суданская лежанка, представляющая собой деревянную раму, переплетённую кожаными ремнями и поставленную на ножки.

²³ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 193-194.

²⁴ Там же. С. 197.

Но неожиданно возникло препятствие, помешавшее Юнкеру немедленно реализовать этот план – Ндорума не желал отпускать от себя путешественника, поскольку его проживание в резиденции возвышало статус князя над соседними вождями. Кроме того, Ндорума уже и сам верил в то, что проживание у него в гостях европейца является наилучшей гарантией от нападения нубо-арабов, и не желал ни её лишиться, ни переуступить соседям.

Стремясь помешать отъезду Юнкера, Ндорума придумывал различные благовидные предложения, по которым следовало бы отложить отъезд на время. Истоцив таковые, он, уже не мудрствуя лукаво, стал прибегать к методу «пассивного сопротивления», то есть просто отказывал путешественнику в носильщиках. В конце концов, Юнкеру надоели эти выходки, и он в жёсткой форме предупредил князя через его приближенных, что если они повторятся, он уйдет со станции налегке только со своими слугами, приведёт носильщиков от пригласившего его князя Земио²⁵ и покинет Ндоруму навсегда, а затем известит Джесси-пашу о его самоуправстве.

Родственники князя были так напуганы этой угрозой, что «ещё до захода солнца привели носильщиков». 10 августа 1880 года Юнкер покинул резиденцию Ндорумы после двух месяцев пребывания у вождя азанде. Станция «Лакрима», к взаимному удовольствию Юнкера и Ндорумы, была, впрочем, сохранена как постоянная база. В ней остался Бондорф, который после отъезда начальника экспедиции должен был охранять её склады и заниматься изготовлением чучел для зоологической коллекции.

Глава IV. Соус из термитов

В своих дневниках Юнкер значительное внимание уделяет проблеме питания в удалённых от цивилизации местностях Экваториальной Африки. Взятых с собой в экспедицию продовольственных припасов (круп, муки, сахара, консервов) было, естественно, недостаточно на долгие месяцы путешествия, продлившегося в итоге на годы. Обычно, в соответствии с африканскими традициями, о пропитании живущего у него гостя обязан заботиться сам хозяин. При этом он должен обеспечить продовольствием не только гостя, но и сопровождающих его людей и слуг.

Однако Юнкер старался не злоупотреблять данным обычаем, особенно если ему приходилось задерживаться где-то надолго. Да и далеко не всегда количество и качество предоставляемой хозяином провизии отвечало реальным потребностям и вкусовым привычкам гостивших у него путешественников. Тем не менее, ввиду неуклонного сокращения собственных продовольственных запасов, хотя и расходуемых Юнкером весьма бережно и рачительно, ему приходилось выходить из положения за счёт местных ресурсов. Когда Юнкер жил у Ндорумы, собственных запасов продовольствия у него было ещё достаточно. Однако даже и тогда он, соблюдая экономию, начинал вносить в меню местные продукты и приучал свой желудок к переходу исключительно на африканскую пищу.

Наш путешественник старался делать это постепенно и вполне в том преуспел. Не без гордости он писал позже: «Я быстро привык к простой <...> пище <...> особенно же к хлебу (кисра, абре и лугма), приготовлявшемуся исключительно служанками по арабскому способу и под моим постоянным надзором. Хлеб этот многие годы оставался моим главным продуктом питания. Благодаря этому я сохранял своё здоровье или восстанавливал <...> силы после тяжёлых физических страданий»²⁶.

²⁵ Земио – вождь азанде, уполномоченный администрацией провинции для сбора слоновой кости и дани с полунезависимых африканских племен. Пользовался особым доверием и покровительством Джесси-паши, выполнял его поручения, имея при себе вооружённый огнестрельным оружием отряд нерегулярной пехоты, составленной из нубийцев и туземцев.

²⁶ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 202.

Сырую воду он избегал пить даже при сильной жажде. «Чай, горячий ли, тёплый или холодный, – вспоминал он, – был для меня в течение следующих лет во всех моих путешествиях самым необходимым и дорогим напитком. В дни путешествий я выпивал шесть стаканов слабого чая, воду же пил редко, а после утомительных походов утолял всегда чувство голода, выпивая первый стакан с добавлением мёда, немного лимонной кислоты в кристаллах и абре (сухая кисра). Во время долгих лет путешествия я не болел ни катаром кишечника, ни дизентерией». И тут же даёт совет будущим путешественникам по Африке: «...Считаю возможным рекомендовать питьё слабого чая, что делает почти совсем излишним употребление сырой, всегда меняющейся и плохой воды с её тифозными и дизентерийными бактериями»²⁷.

Может показаться странным, но хуже всего обстояло дело с мясом. Крупный рогатый скот в Экваториальной Африке туземцы не разводили, да он и не приживался здесь из-за мухи цеце. Козы были очень редки и считались дорогим подарком. У ряда племен, например, у мэдже, их даже обменивали на жён (женщин) в соотношении один к одному, «так как женщина и коза у них равноценны»²⁸. Добывать мясо охотой оказалось в здешних условиях очень непросто, так как даже раненное животное (чаще всего небольшая антилопа) часто успевало скрыться от охотника в густой, выше человеческого роста траве или в тропических зарослях. Добыча же более крупной дичи, вроде буйвола, была сопряжена с огромной опасностью для самого охотника. И Юнкер признаёт, что он бывал счастлив, если удавалось подстрелить за день хотя бы несколько голубей для супа.

Выращиваемое африканцами и употреблявшееся в качестве основной пищи местное зерно (дурра, телебун²⁹, реже маис) было, как правило, грубым и неочищенным, а получаемая из него мука низкого качества. Приходилось прибегать к разного рода ухищрениям для улучшения её вкусовых качеств. «Я заставлял [своих служанок] готовить из тёмных горьких зёрен телебуна белоснежную муку тонкого помола, нравившуюся мне так же, как и пшеничная мука. Я велел также очищать от шелухи маис и дробить его до величины рисовых зёрен. И в этом виде он очень похож на рис и годами заменял мне последний. Для выполнения этого я, конечно, нуждался в терпеливых женских руках, здесь лучший повар был бы бесполезен»³⁰. Не случайно во время африканских путешествий Юнкера почти всегда сопровождали туземные женщины-служанки, реже одна, а чаще две, главной обязанностью которых было вручную дробить и размалывать местное грубое зерно и печь из него лепешки.

Из-за недостатка мяса и вообще белковой пищи Юнкеру пришлось пойти на пищевые эксперименты, далекие от вкусов европейцев. Так, он обратил внимание, что большой популярностью у африканцев пользовались термиты. Как-то раз Ндорума прислал ему в дар 25 пакетов вяленых термитов. Оказалось, что туземцы готовили из них особый соус, который добавляли в кашу. Преодолев изначальное отвращение, Юнкер попробовал употреблять их в пищу. Результат превзошел ожидание. «Кушанье из термитов, – писал путешественник, – <...> было хорошим пробным камнем для приучения себя к местной пище <...> Термиты <...> очень жирны, их растирают и варят в воде <...> как дополнительный продукт питания к мучной каше. Без этого блюда туземец крайне неохотно ест мучную кашу, тогда как самый простой соус из термитов, приготовленный на воде с небольшим количеством соли и листьев тыквы <...> его удовлетворяет <...> Разваренные в каше термиты напоминают мясной фарш; мы ели их частично с кисра, частично смешанными с рисом. Я их запекал вместо

²⁷ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 204.

²⁸ Там же. С. 393.

²⁹ Телебун – дагусса или пальчатое просо – зерновая культура, распространенная в Северной Африке и Индии. Из неё получают муку, крупу и делают пиво. Юнкер описывает телебун как «разновидность плохого зерна с твёрдой толстой шелухой, из которой получают очень кислые лепешки кисра».

³⁰ Там же. С. 202.

мяса в паштет и велел подавать с битыми яйцами, как термитный омлет <...> Несколько капель английского соуса и немного пряностей усиливали приятный вкус»³¹.

Позже Юнкер попробовал употреблять в пищу и саранчу, и она также показалось ему весьма неплохим блюдом. Он признал, что в жареном виде эти насекомые, очищенные от крыльев и ножек, оказались очень вкусны и «выглядели как рыбки или креветки»³².

Глава V. Путешествие с вождем Земио

21 августа 1880 года Юнкер прибыл во временную резиденцию вождя азанде Земио, поставленного египетской администрацией надзирать за исправным поступлением слоновой кости от подконтрольных вождей пограничных территорий³³.

Зная о дружеском расположении к Юнкеру губернатора провинции, Земио приготовил путешественнику торжественный приём. Сопровождавшие Земио войска встречали гостя в парадном строю – нубийские солдаты с ружьями на плечо, туземцы азанде, соплеменники Земио, – с копьями и щитами. Два знамени вождя (его собственное и египетского правительства) были склонены «в знак приветствия».

Земио с самого начала произвёл на Юнкера приятное впечатление, и в дальнейшем это мнение о нём не изменилось. Между вождём и путешественником установилась симпатия, которая сохранялась на протяжении всего их довольно продолжительного общения. Взаимопонимание облегчалось и тем, что Земио знал арабский, и Юнкер мог общаться с ним без переводчика.

Весьма предупредительное отношение Земио к путешественнику было, впрочем, не совсем бескорыстным. Сбор слоновой кости с подвластных племён всегда был делом хлопотным и нервным, чреватым жёсткими конфликтами (отсюда и вооружённый отряд, сопровождавший Земио). Вожди полунезависимых пограничных племён старались, естественно, уклониться от уплаты дани под любыми предлогами или хотя бы уменьшить требуемую с них квоту. Но Земио надлежало должным образом выполнить данное ему поручение, чтобы не утратить доверия правительства и собственного привилегированного положения. Вождь азанде рассчитывал, что присутствие в отряде «друга губернатора» помогает исполнению данного ему поручения.

Несмотря на известные недостатки, в совместном с Земио путешествии были для Юнкера и большие плюсы. Не надо было больше заботиться о носильщиках и продовольствии – всё это вождь азанде брал на себя. Со своей стороны, и Юнкер оказался не менее полезен предводителю отряда.

«Земио скоро понял, – пишет Юнкер, – что, сопровождая меня в моём путешествии, он приобретает среди местных вождей уважение и особую честь, могущие быть ему полезными для его целей». И Юнкеру приходилось соглашаться на навязанную ему роль, действуя, по его собственным словам, в зависимости от обстоятельств «не только в качестве примирителя, но одновременно и законодателя и судьи»³⁴.

Выгоды от такого совместного путешествия оказались, впрочем, взаимными. «Вследствие этого, – честно признает Юнкер, – я охотно был готов содействовать его интересам, а этим самым – косвенно и интересам правительства <...> Я старался убедить вождей в мирных намерениях правительства <...> и напоминал им об их обязанностях как вождей-вассалов оказывать требуемые правительством услуги, особенно в отношении слоновой кости»³⁵.

³¹ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 203.

³² Там же. С. 272.

³³ Там же. С. 217.

³⁴ Там же. С. 222.

³⁵ Там же. С. 223.

То есть, называя вещи своими словами, Юнкер не только косвенно, но и напрямую помогал представителям колониальной администрации утверждать свою власть в ещё не занятых экваториальных районах Судана и выкачивать оттуда ценнейшие природные ресурсы. Впрочем, соглашаясь на подобную «дипломатическую» миссию, Юнкер действовал не столько из корыстных, сколько из гуманных соображений. Он понимал, что в случае его отказа от сотрудничества намеченная цель всё равно будет достигнута, но с большими жертвами среди туземного населения.

Вместе с тем он, как мог, старался предотвращать крайности в действиях людей Земио при «заготовке продуктов питания» (т. е. наиболее откровенный грабёж туземцев), хотя и признавал, что «подобные самоуправства при длительном пребывании солдат на одном месте почти неизбежны»³⁶.

Их совместное путешествие закончилось на берегу Уэле. На земли, расположенные по ту сторону реки, власть правительства не распространялась, соваться туда Земио было незачем, да и попросту опасно. Зато Юнкеру было крайне желательно там оказаться, ему хотелось обследовать обширную территорию, управляемую могущественным вождём племени мангбатту Мамбангой.

За реку отправили послов, Юнкер надеялся получить согласие вождя на свой визит в его владения. Вскоре выяснилось, что Мамбанга совершенно не против приезда к нему европейца и даже сам прислал к Юнкеру носильщиков.

Земио проводил путешественника до границ владений мангбатту, но пограничную реку не пересекал, поскольку Мамбанга считался «враждебным по отношению к правительству, так как он до сих пор держал свою страну закрытой для экспедиций арабов»³⁷.

Глава VI. В гостях у князя Мамбанги

20 сентября 1880 года произошла первая встреча путешественника с князем, а на следующий день в резиденции Мамбанги Юнкеру была устроена пышная встреча, на которую собрались сотни туземцев, причём не только мужчин, но и женщин.

По своему поведению мангбатту, по словам Юнкера, заметно отличались от соседних с ними африканских племен. Женщины пользовались у них большими привилегиями и не робели перед чужаком. С одной стороны, это свидетельствовало о более развитом обществе, а с другой – доставляло массу неудобств гостю. Порой представительницы слабого пола становились просто назойливыми в своём любопытстве. Юнкер успел это почувствовать уже в первый день прибытия. Он тщетно просил стражников Мамбанги избавить его от навязчивых посетителей, но те разошлись лишь поздно вечером, а едва забрезжил рассвет, как его хижина снова была осаждена зрителями.

Ещё одно неприятное явление, с которым столкнулся Юнкер у Мамбанги – вымогательство. При первом знакомстве с князем путешественник, по традиции, вручил ему подарки (дорогой кинжал, ткани, ножницы и русский крестьянский костюм, который вождю особенно понравился). При каждом новом посещении князя он непременно что-нибудь добавлял к прежним подаркам: пёстрые ткани, бусы и даже пистоны к ружьям старого образца, которые имелись у вождя. Однако Мамбанге этого казалось мало. Он настойчиво просил, а затем уже и требовал у Юнкера его скорострельное ружьё. Ружей у Юнкера было всего два, и оба были нужны ему для охоты и самозащиты ввиду предстоящих путешествий по диким и небезопасным местам. Он честно сообщил об этом Мамбанге, но князь, подзуживаемый приближёнными, продолжал настаивать, а затем попытался запугивать путешественника.

³⁶ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 224.

³⁷ Там же. С. 238.

Но Юнкер был человеком не робкого десятка, умевшим постоять за себя и при необходимости найти нужные слова. Он тут же вернул Мамбанге полученный от него в дар трумбаш (кривой туземный кинжал) и заявил, что возвратит и остальные подарки. Пусть князь их забирает обратно, если полагает, что это даёт ему право требовать ружьё. Если князь так понимает дружбу, то оставаться у него он больше не намерен и немедленно возвращается к Земио³⁸.

Резкая отповедь произвела должное впечатление. Мамбанга сразу присмирел, стал уговаривать гостя оставить трумбаш у себя, обещал больше не говорить о ружье и просил не уезжать к Земио. И действительно, к вопросу о ружье он больше не возвращался.

Несмотря на то, что досадный инцидент был улажен, Юнкер всё же чувствовал себя у мангбату некомфортно. Работа его продвигались медленно из-за назойливости посетителей и любопытных зрителей, мешавших проводить исследования. Остаться наедине удавалось лишь на два-три часа в день. Большую же часть дня приходилось проводить на посиделках в мбангу³⁹ князя или принимать у себя гостей, по преимуществу незваных. Вскоре обнаружилось и ещё одно неприятное явление – у Юнкера начались кражи вещей, сначала редкие и мелкие, а затем всё более частые и наглые.

Между тем приближалось время отъезда. И тут повторилось уже знакомое: Мамбанга, как прежде Ндорума, не захотел отпускать Юнкера. Причем в своём нежелании он оказался ещё более упорен, чем первый. Причина была сходной: Мамбанга опасался нападения со стороны египтян; утверждал, что ему грозит опасность, и ожидал скорой войны между ним и Земио. Он заявлял, что отпустит «брата губернатора», коим считал Юнкера, только после того, как тот заставит Земио уйти от его границ. А Земио не уходил от Уэле именно потому, что ждал возвращения путешественника. Наконец, уступив просьбе Юнкера, Земио ушёл, но князь нарушил своё слово и всё же отказался отпускать путешественника.

Оказавшись в тупике из-за упрямства Мамбанги и его страха, Юнкер решил сыграть на последнем и, в свою очередь, начал шантажировать вождя. Он пригрозил, что застрелится, если князь будет продолжать удерживать его силой. «К тому же я заявил, – вспоминал он позже, – что брат мой, паша, как было договорено, по избранному роду смерти узнает, что меня к этому побудило недостойное обращение Мамбанги со мной»⁴⁰. Юнкер, конечно, рисковал, идя на такой блеф, но, уже зная о местных суевериях по поводу самоубийств⁴¹, возможно, и не слишком сильно. Его расчёт оправдался – поражённый таким заявлением князь испугался уже не на шутку и решил не задерживать путешественника. Больше того, он пообещал, что сделает всё, чтобы тот «добрался невредимым до правительственной станции».

Глава VII. Возвращение в «Лакриму»

18 октября Юнкер благополучно добрался до станции Тангази, но задержался там ненадолго, поскольку не поладил с её арабским начальником. Тот крайне ревниво относился к поездкам Юнкера в соседние туземные племена и всячески старался помешать его контактам с их вождями, поскольку опасался, что они расскажут Юнкеру о его многочисленных злоупотреблениях, а путешественник сообщит о них Джесси-паше.

³⁸ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 245.

³⁹ Мбангу имеет два значения – как общее собрание воинов, а также как особое место для совещаний князя с советниками.

⁴⁰ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 254.

⁴¹ По свидетельству Юнкера, случаи самоубийства у мангбату крайне редкое явление. Самоубийцы внушают им ужас, потому что, по местному суевию, «никто не может умереть естественной смертью, но в смерти каждого человека виновен кто-либо другой, которого оракул... скоро выявит» (Там же. С. 254).

Из Тангази Юнкер в конце октября 1880 года отправился в новое путешествие, посещая по пути небольшие туземные племена и знакомясь с их жизнью и бытом. Это полностью автономное путешествие оказалось для него физически очень трудным. Юнкера преследовали тяжёлые приступы тропической лихорадки и постоянные проблемы с носильщиками. По целым неделям членам экспедиции приходилось довольствоваться самой скудной пищей и даже голодать, когда экспедиция продвигалась по территориям, разорённым междоусобными войнами или грабительскими набегами нубо-арабов. Именно во время этого путешествия Юнкеру пришлось впервые отведать жареной саранчи. Но даже в таких условиях Юнкер категорически запрещал слугам грабить поля туземцев и отнимать у них остатки зерна.

3 декабря 1880 года Юнкер после четырёхмесячного отсутствия возвратился на базу «Лакрима». Ожидавший его Ф. Бондорф был здоров, а на станции всё в полном порядке. Однако прилегающие к базе районы были уже изучены, и Юнкер начал планировать перенести её на юго-запад, во владения князя Бакангаи, отсюда можно было изучать страну, населённую племенами амади. Но пока, почти весь декабрь 1880 года, путешественник оставался в «Лакриме», наслаждаясь бытовым комфортом. Он отдыхал от тяжёлого похода, занимаясь приведением в порядок и упаковкой собранных во время путешествия этнографических коллекций.

К рождеству более сотни упакованных тюков стояли готовыми к отправке. За прошедший год багаж экспедиции уменьшился: часть провианта и других припасов была съедена или использована, и хотя добавились тюки с этнографическими и зоологическими коллекциями, но носильщиков теперь требовалось вдвое меньше. Первая партия экспедиционного груза была отправлена из «Лакримы» с Бондорфом, вторую сопровождал надёжный слуга Юнкера Фараг'Алла, с последней партией багажа покинул станцию 2 января 1881 года сам начальник экспедиции. Ндорума на сей раз не пытался препятствовать его отъезду, и они расстались по-дружески.

Глава VIII. В паутине туземных интриг

С дороги Юнкер получил от Бондорфа сообщение, что нынешняя обстановка во владениях Бакангаи беспокойна. В связи с этим Юнкер от создания там постоянной базы отказался, решив двинуться напрямик к амади, делая по пути короткие остановки в селениях других туземных вождей, чтобы сменить носильщиков и пополнить запасы продовольствия.

В конце января он достиг границ территории амади и на несколько дней остановился в округе, управляемом их вождём Мазинде. Принадлежавшие племенам амади земли были, по мнению Юнкера, очень выгодно расположены, обильно орошались реками и имели плодородные почвы. По этой же причине они возбуждали зависть соседних племен и периодически подвергались нападениям с их стороны.

3 февраля 1881 года экспедиция двинулась вглубь страны амади. Продвигаться вперёд удавалось крайне медленно из-за постоянных проблем с носильщиками, соглашавшимися нести груз только до границ владений своего вождя, а затем надо было искать и нанимать новых. Желая подробнее исследовать водную систему главной водной артерии региона – реки Уэле, Юнкер старался держаться вблизи её русла. Это привело его, в конце концов, во владения ещё одного вождя азанде, которого, как и князя мангбатту, тоже звали Мамбанга. Чтобы отличать одного от другого, Юнкер в дневниках именуется последнего Мамбанга-Занде⁴².

В его селении путешественник планировал сделать остановку всего на несколько дней и никак не подозревал, что задержится тут на целых два месяца, став едва ли не пленником хозяина.

Сначала Мамбанга-Занде пытался удерживать у себя путешественника предостережениями и ложными слухами о том, что соседние племена абармбе собираются ограбить его по

⁴² Азанде – множ. число; занде – единственное число того же слова.

пути к Бакангаи, затем, что его намерены отравить. Юнкер признавался, что Мамбанге удалось заронить в его душе опасения, что против экспедиции действительно замышляется что-то злое. Не подозревая, что такие слухи инспирируются самим вождём, Юнкер решил дожидаться прибытия Бондорфа, чтобы отправиться в новое путешествие совместно с ним и иметь, таким образом, больше шансов предотвратить или отбить нападение.

Чтобы Юнкер не мог проверить подлинность распускаемых им слухов, Мамбанга делал всё, чтобы не допустить прямых контактов путешественника с вождями абармбо, амезима и других своих соседей, которых, в свою очередь, пугал тем, что вслед за Юнкером сюда должны прибыть правительственные солдаты. Их абармбо очень боялись и заочно ненавидели белого пришельца.

В конце февраля 1881 года прибыл Бондорф, и Юнкер стал готовиться к походу. В начале марта он решил отправить к Бакангаи двух своих слуг, Дзумбе и Белала, чтобы предупредить князя о скором прибытии, однако абармбо и амезима, настроенные против Юнкера, не пропустили их через свою территорию. Тогда начальник экспедиции, не подозревавший о коварных интригах Мамбанги-Занде, обратился к нему с просьбой дать ему носильщиков и договориться с абармбо, чтобы те пропустили экспедицию через свою территорию. Но его старания оказались напрасными. Теперь только Юнкер начал догадываться, что за всем этим кроется нежелание Мамбанги-Занде отпускать его.

Между тем, экспедиция стала испытывать недостаток в продовольствии. Мамбанга-Занде снабжал своих гостей скудно, а их собственные попытки приобрести продовольствие на месте терпели неудачу, так как туземцы, не имея представления о реальной стоимости продуктов, выставляли столь несообразные требования, что возмущённые слуги возвращались с пустыми руками⁴³.

В такой ситуации путешественникам оставалось надеяться только на помощь с севера, но дожидаться прихода правительственных войск можно было долго. К счастью, Юнкер знал, что вблизи от тех мест должен вскоре пройти со своими людьми князь Саса, родной дядя Земио. С этим влиятельным вождём, тесно сотрудничавшим, как и его племянник, с египетской администрацией, путешественник был знаком, познакомился у Ндорумы. Через слугу он нашёл возможность сообщить Сасе о своём незавидном положении.

В томительном ожидании прошел месяц. Наконец, 10 апреля 1881 года слуги принесли весть, что Саса прибыл к реке Уэле.

Известие это обрадовало не только Юнкера, но и Мамбангу-Занде, правда, по разным причинам. Первый рассчитывал на скорое освобождение из «плена», последний – что Саса начнет войну с абармбо, разобьёт их, и тогда он, Мамбанга, сможет, наконец, подчинить своих соседей и сделать их вассалами.

Юнкер, однако, нашёл возможность предостеречь Сасу от войны с абармбо и настоятельно советовал князю убедить их в отсутствии у него к ним враждебных намерений. «Наша дальнейшая судьба, – писал позже Юнкер, – зависела исключительно от спокойной и умной политики Сасы. Если он поступит опрометчиво и постарается переправиться со всеми людьми через реку, тогда можно было достоверно предположить, что абармбо обратят свою злобу против меня»⁴⁴.

Сам он через посланцев Сасы постарался убедить вождей абармбо, что люди князя пришли сюда не для войны с ними, а чтобы помочь ему перевезти назад, за реку, его имущество. Многоопытный Саса действовал, по счастью, осторожно и тактично, в итоге вожди абармбо разрешили ему отправить к Юнкеру тридцать носильщиков и даже предоставили свои лодки. Для начала носильщики Сасы привезли Юнкеру продовольствие, так как его люди уже почти голодали, а затем перевезли на другой берег Уэле первые тридцать тюков гру-

⁴³ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 300.

⁴⁴ Там же. С. 302.

за в сопровождении Бондорфа. В последующие дни были переправлены ещё две партии грузов. К 19 апреля 1881 года имущество экспедиции и все её участники были благополучно доставлены на другой берег. Таким образом, всё окончилось к взаимному удовольствию и без кровопролития. В проигрыше оказался один Мамбанга-Занде. Он, по словам Юнкера, имел «довольно жалкий вид, так как его гениальный план заставить абармбо с помощью Сасы платить себе дань потерпел крушение»⁴⁵.

Вырвавшись из устроенной ему ловушки, Юнкер щедро одарил Сасу за помощь и отправил с ним Бондорфа с большей частью экспедиционного груза и поручением устроить новую базу экспедиции. Сам же отправился на ближайшую правительственную станцию, намереваясь дожидаться там прихода Османа Бедауи⁴⁶ и под защитой его отряда всё-таки проникнуть в область Бакангаи, не исследованную ещё европейцами.

Напрасно прождав на станции почти месяц и не получив из Мешре-эр-Рек никаких известий об Османе Бедауи, Юнкер принял приглашение вождя амади Мазинде переехать к нему, чтобы подробнее изучить повседневную жизнь этого племени, сильно отличавшегося от своих соседей «по языку, обычаям и нравам»⁴⁷.

Впрочем, первые дни в гостях у Мазинде показались Юнкеру «монотонными и лишёнными всяких событий». Словно догадавшись об этом и желая доставить своему заскучавшему гостю развлечение, вождь решил предпринять разбойничий набег на соседнее племя абоддо. Набег увенчался успехом, причем основную добычу составили девушки и женщины с детьми, общим числом около двадцати душ. Мазинде, которого Юнкер называет «мой чёрный друг», поспешил похвастать перед гостем своим военным триумфом и поделился с ним добычей – одарил девушкой с необычно светлой кожей. Юнкер был обескуражен таким подарком, но «чтобы не разгневать своего благожелателя», оставил на время «подарок» у себя, передав девушку на попечение своей кухарки. Позднее, покидая селение Мазинде, он вернул эту рабыню вождю.

Но одним этим подарком дело не ограничилось. Удачный разбойничий набег был отпразднован в мбанге вождя танцами и шумным весельем, на которое был приглашён и путешественник. «Сознаюсь, – пишет Юнкер, – что и я позднее получил свою кровавую долю. Мазинде знал о моей страсти к коллекционированию, а также о том, что я хотел иметь черепа туземцев. Поэтому он приказал доставить мне несколько голов убитых при нападении абоддо, и они увеличили мою коллекцию типовых черепов»⁴⁸.

Не знаю, как на такое признание посмотрит уважаемый читатель, но лично у меня от него осадок остался неприятный. Можно, наверное, попытаться оправдать страсть к «охоте за черепами» интересами науки. Ведь известно, что и другой наш знаменитый путешественник, Николай Николаевич Миклухо-Маклай, тоже привёз с островов Океании несколько черепов тамошних аборигенов. Однако коллекцию Маклая составляли черепа давно умерших людей, взятые (или приобретённые) им с разрешения их родственников⁴⁹, Юнкеру же подарили отрубленные головы только что убитых при набеге туземцев-абоддо, которые он собственноручно очищал от плоти и препарировал для последующего хранения. Научная ценность подобных коллекций мне не вполне ясна, если, конечно, это не отголосок неких расовых теорий, попыток на основе строения черепа обосновать цивилизационную отсталость или умст-

⁴⁵ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 304.

⁴⁶ Осман Бедауи – нубиец на египетской службе. Занимал ответственный пост в администрации провинции Бахр-эль-Газаль.

⁴⁷ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 288.

⁴⁸ Там же. С. 310.

⁴⁹ Черепа Маклая были без нижней челюсти, так как последняя имела в верованиях папуасов некий сакральный смысл и свято сохранялась родственниками и потомками покойного. А вот сам череп особой ценности для них не представлял и мог быть уступлен Маклаю.

венную неполноценность коренного населения Африки. Такие теории, впрочем, вполне укладывались в русло тогдашней западноевропейской науки, если почитать труды «дорогого друга и наставника» Юнкера доктора Г. Швейнфурта или английского путешественника Г. Стенли.

Из слов Юнкера, которые я нарочно цитирую полностью и дословно, становится ясно, что кровавый подарок вождя был отнюдь не личной блажью «кровожадного дикаря», а любезным жестом в ответ на высказанное пожелание гостя «иметь черепа туземцев». Так что предоставим читателю право самому вынести суждение о столь экстравагантном виде лекционирования.

Что до самого Юнкера, то он отнёсся к такому подарку вполне буднично, добавив к сообщению о кровавом набеге следующий комментарий: «В больших и малых масштабах такие разбои производятся всеми людьми чёрной расы <...> Одновременно они доказывают, что похищение рабов практикуют не только нубийцы и арабы, но что похищение людей и домашнее рабство с древних времен коренится у чёрного населения»⁵⁰.

Юнкер оставался у Мазинде до середины августа 1881 года, пока не узнал, что поездка Османа Бедауи в этом году не состоится. Пришлось срочно перекраивать свои планы, тем более, что предводитель другой правительственной экспедиции, Гауаш-эфенди, узнав, что Юнкер находится у амади, направил к нему посланцев с просьбой помочь привести к покорности племени мангбатту, управляемые Мамбангой, тем Мамбангой, у которого Юнкер останавливался в сентябре-октябре 1880 года и с которым, после первоначальных недоразумений, у него установились вполне приятельские отношения.

Сначала Юнкер хотел уклониться от подобного посредничества, но позже всё-таки решил принять предложение египетского офицера. Впрочем, когда путешественник явился на станцию Гауаш-эфенди (9 сентября 1881 года), выяснилось, что первые стычки между правительственными войсками и воинами мангбатту уже состоялись, и Мамбанга был в них разбит. Однако князь всё ещё сохранял значительные силы и даже предпринял нападение на станцию, поставленную у границ его владений.

Не желая рисковать своими солдатами, гоняясь за князем мангбатту, Гауаш-эфенди уговорил Юнкера попытаться убедить вождя подчиниться правительству добровольно. Юнкер согласился, и притом отправился в лагерь мангбатту без всякой охраны, рискуя быть убитым, что в очередной раз подтвердило его несомненную личную храбрость и самообладание.

Первоначально переговоры пошли хорошо, Юнкер с Мамбангой обо всём договорились и даже, по настоянию князя, побратались, совершив соответствующий туземный ритуал. Но едва Юнкер покинул его резиденцию, как прежние страхи и недоверие к нубо-арабам вновь овладели князем, и он отказался явиться на встречу с Гауаш-эфенди, опасаясь, что на станции его ждёт западня. Он скрылся в джунглях, и военные действия возобновились. Это была крупная дипломатическая неудача Юнкера, которая его удручила, хотя позже он признавал, что недоверие Мамбанги поддерживалось «частыми обманами и вероломством нубо-арабов», а потому попытки «сломить его малодушие за несколько часов» были пустым занятием⁵¹.

Зато несомненным успехом увенчалось недавнее трёхмесячное общение Юнкера с вождем амади, который под влиянием его советов, доводов и увещаний явился в середине октября 1881 года к Гауаш-эфенди с изъявлением покорности и готовности стать вассалом правительства. Явился не с пустыми руками, а принес три слоновых клыка и изрядный запас провизии. А вскоре Мазинде принялся агитировать и вождей абармбо последовать его примеру. Свообразные ораторские приемы этого туземного вождя частенько забавляли нашего путешественника, но всё же он был горд успехами своей дипломатии. «Было прямо весело, –

⁵⁰ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 310.

⁵¹ Там же. С. 329.

писал он, – и при его картинном образе изложения часто просто комично слушать, как он <...> на большом праздничном собрании абармбо старался в длинных речах объяснить их обязанности по отношению к «Хокума» (т.е. правительству. – А.Х.). Я слышал слово в слово свои собственные предостережения, которые столь часто вдалбливал ему, но уже из его уст»⁵².

В конце ноября на станцию Гауаш-эфенди подошел ещё один отряд правительственных войск во главе с Багит-беём. Объединив силы, они совместно выступили против Мамбанги. Юнкер присоединился к ним, отчасти вынужденно, поскольку лишь египтяне могли теперь обеспечить его носильщиками. Но он ещё не оставлял надежды вновь повидаться с князем мангбату и убедить его сдаться на милость победителей и тем сохранить свою жизнь и власть над племенем. Но такого случая путешественнику больше не представилось.

Зато другой случай вкупе с неплохим знанием практической астрономии позволили Юнкеру поразить воображение не только туземцев, но даже египтян своим точным предсказанием лунного затмения, случившегося 4 декабря 1881 года. Все они были просто изумлены его всеведением.

В результате похода против мангбату пострадало и множество непричастных к ним племён, через территорию которых в погоне за Мамбангой проходили правительственные войска. Солдаты вели себя, как вандалы: опустошали поля, грабили хижины, сжигали запасы зерна, которые не могли унести с собой. «Грабежи и разбой солдат не совсем способствовали впечатлению миролюбивости экспедиции, – сокрушался Юнкер, – но таков уж образ действий арабов, дающих неграм почувствовать свою силу и унижающих их, куда куда нужда и голод не заставят их подчиниться»⁵³. Участвовать в этих грабежах поневоле приходилось и слугам самого путешественника, чтобы не остаться голодными, ибо в походе «каждый спешил как можно быстрее запастись нужным провиантом, потому что глупец и лентяй, – признавался он, – всегда получают жалкие остатки»⁵⁴.

Не достигнув своей цели, поход вскоре был прерван – вновь назначенный губернатор провинции срочно вызвал Гауаш-эфенди к себе. «Вследствие внезапного отзыва экспедиции, – заявлял Юнкер, – <...> осталось совершенно невыполненным то, что должно было компенсировать нанесённый туземцам ущерб, а именно: упорядочение отношений и упрочение мира. Это <...> оказалось неисполненным и в дальнейшем»⁵⁵. Такое заявление путешественника вызывает сегодня лишь улыбку, но, похоже, у Юнкера тогда ещё сохранялись иллюзии, что у чиновников египетской администрации и предводителей её военно-карательных отрядов действительно могли быть намерения что-то там туземцам компенсировать.

Глава IX. На берегах Бомоканди

Когда войска были отозваны назад, Юнкер решил продолжить путешествие самостоятельно и всё-таки пробраться в земли князя Бакангаи, предварительно отправив к нему гонцов. 27 декабря 1881 года Юнкер достиг реки Бомоканди, крупного притока Уэле, описав и нанеся на карту её русло на значительном протяжении⁵⁶.

Князь Бакангаи, узнав о приближении экспедиции к его владениям, выслал навстречу ей гонцов и носильщиков, которым было поручено проводить путешественника до его резиденции. Однако, придя туда, Юнкер был крайне разочарован приёмом, в особенности же парой жалких грязных хижин, которые Бакангаи отвёл гостю и его слугам под жильё. Юнкер ус-

⁵² Юнкер В.В. Путешествия по Африке. 340.

⁵³ Там же. С. 353.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 354.

⁵⁶ Там же. С. 356.

мотрел в этом высокомерие и чванство туземного вождя и решил продемонстрировать ему, что и сам, когда требуется, неплохо умеет изобразить из себя надменного прусского юнкера⁵⁷ (извиняюсь за каламбур). Путешественник категорически отказался вселяться в отведённые ему тукули и велел разбить лагерь экспедиции на поляне, сложив багаж под деревом.

Когда явился Бакангаи, Юнкер встретил его, сидя на походном стуле и не подумав встать. Князю ничего не оставалось, как тоже усесться на табурет в некотором отдалении. Несколько минут прошли в томительном молчании, ни одна из сторон не желала первой начинать беседу. Когда князь решил, наконец, прервать затянувшуюся паузу, обратившись не к путешественнику, а к своим подданным, Юнкер перебил его и заявил, что «ему, неограниченному повелителю», не подобает приходить к этим полуразрушенным хижинам, потому что дома, которые вождь отвёл ему под жилье, «плохи даже для слуг», а посему он предпочитает расположиться под деревом, чем жить в них⁵⁸.

Бакангаи явно смутил подобный реприманд, он тут же заявил, что не знал о плохом состоянии домов, и немедленно распорядился о постройке просторного жилища, которое было готово тем же вечером. Днём позже были сооружены хижины для слуг и навес от солнца, где путешественник мог работать днём. Отношения, таким образом, удалось наладить, и Юнкер мог начать исследования.

Бакангаи был, по мнению Юнкера, одной из самых интересных фигур, встреченных им в Центральной Африке. Несмотря на первоначальный афронт, а может быть, именно благодаря ему, между ними вскоре установились самые дружеские и доверительные отношения. Доверительные настолько, что князь, не смущаясь, приглашал путешественника в закрытую для всех часть резиденции, где жили его многочисленные жёны. В отличие от большинства известных Юнкеру африканских вождей, Бакангаи был, очевидно, не столь ревнив и щепетилен в подобных вопросах, поскольку по собственной инициативе привёл гостя «на эту арену его чувственных наслаждений» и даже предложил «по возможности принять в них участие»⁵⁹.

Из записей путешественника нельзя уяснить, насколько широко тот позволил себе воспользоваться любезным приглашением вождя. Но, похоже, ограничился совместным распитием с хозяином и его жёнами великолепного тамошнего пива – мериссы. «Этот приготовленный из телебунового солода напиток, – писал он, – был превосходен, нигде я не пил лучшего пива, чем у Бакангаи <...> Ничего удивительного, что я вдоволь насладился преподнесённым мне женской рукой напитком, затем даже похитил <...> с согласия властелина, если и не одну из малособлазнительных красавиц, то прекрасный, с изящной ручкой, сосуд из тыквы»⁶⁰.

Бакангаи оказался отменно гостеприимен и, не скупясь, снабжал гостя и его слуг разнообразной провизией. В свою очередь, Юнкер охотно одаривал князя различными предметами из своих подарочных запасов. В отличие от некоторых других туземных вождей, Бакангаи держал себя с достоинством, не вымогая подарков и «не предъявляя никаких нахальных требований»⁶¹.

Путешественник гостил у князя больше двух недель, с 29 декабря по 14 января, встретил Новый 1882 год и изрядно пополнил, благодаря щедрости вождя, свою этнографическую коллекцию. Особенно хорош был, по его признанию, «сплетённый из ротанга щит азанде с

⁵⁷ Юнкер – (здесь) крупный помещик-землевладелец в Германии, главным образом в Пруссии. Иногда этот термин употребляется и в ином значении – как синоним надменного германского аристократа.

⁵⁸ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 359.

⁵⁹ Там же. С. 362.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 361.

двумя прикрепленными к нему метательными ножами»⁶². От Бакангаи Юнкер направился в резиденцию его старшего брата, князя Канна, вождя сурового, одержимого многочисленными суевериями и табу, и далеко не столь гостеприимного и любознательного, как его брат. Посетить его владения путешественнику, однако, было крайне интересно, поскольку они были расположены как раз вдоль реки Бомоканди, бассейн которой, почти неизученный, Юнкер стремился описать возможно полнее. Попутно ему удалось обнаружить и нанести на карту водораздел рек Бомоканди и Уэле, принадлежащих бассейну Конго.

16 февраля 1882 года Юнкер вернулся для отдыха на станцию Тангази, но передышка была недолгой. Уже 25 февраля он вновь покинул Тангази, направившись к самой южной из станций – Кубби. Задержавшись там на два дня, Юнкер двинулся дальше на юг и 12 марта 1882 года достиг самой южной точки своего путешествия (2°30' сев. ш.), сделав остановку в селении племени мангбалле⁶³. Вождь (или старейшина) племени по имени Мадьегбэ оказал гостю любезный приём, щедро обеспечив съестными припасами и удивив Юнкера опрятностью и благоустроенным видом селения. Здесь, на тщательно утоптанной площадке, окружённой масличными пальмами, путешественнику довелось наблюдать игру туземцев в мяч, изготовленный из застывшего сока лианы-ландольфии, превращающийся на открытом воздухе в тёмно-коричневый каучук. Составив подробную карту пройденного маршрута⁶⁴, Юнкер в последней декаде марта 1882 года вернулся на станцию Кубби.

Глава X. К реке Непоко

После краткого отдыха он 6 апреля 1882 года выступил в очередной поход, на сей раз вместе с отрядом туземного вождя Гамбари, управляющего от имени египетского правительства областью племён абангба и момфу. Вождь отправлялся для сбора дани с подданных, а целью путешественника было исследование и картографирование района, лежащего к югу от Бомоканди вплоть до реки Непоко⁶⁵.

В этом походе Юнкер сделал важное географическое открытие. Был обнаружен водораздел двух крупнейших притоков Конго – Уэле и Арувими, пройдена и нанесена на карту возвышенность, разделявшая их притоки, которыми были, соответственно, Бомоканди и Непоко.

Запас продовольствия, взятый им с собой при расставании с Бондорфом, давно закончился, и Юнкеру пришлось перейти на местную, по преимуществу вегетарианскую пищу. Лишь изредка удавалось добыть десяток-другой яиц или сушёную рыбу. А очень часто он, по его собственному признанию, по целым неделям не имел во рту ничего, кроме грубых лепешек кисра и жидкого мёда. Поэтому когда Гамбари прислал ему в подарок одну из коз, полученных в качестве дани, путешественник не удержался от искушения и вдоволь наелся её мяса. Но за чревоугодие последовала, увы, неизбежная расплата, его желудок «уже отвык от такой роскоши, как мясо <...> и удовольствие повлекло за собой многодневное искупление»⁶⁶.

Вдобавок обострились кожные болезни – ноги и руки покрылись язвами. Идти пешком он мог лишь с большим трудом и где только можно, передвигался верхом на осле, а ручки и бо- лота приходилось преодолевать на руках носильщиков.

Несмотря на жестокие физические страдания и недостаток пищи, 6 мая 1882 года Юнкер достиг, первым из европейцев, реки Непоко, исполнив тем самым собственное заветное желание. С одной стороны, он мог быть счастлив – его мечта исполнилась, но, с другой, имен-

⁶² Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 364.

⁶³ Там же. С. 377.

⁶⁴ Впоследствии копию карты он передал британскому путешественнику Генри Стенли.

⁶⁵ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 381.

⁶⁶ Там же. С. 383.

но на берегах этой реки он осознал, что не может более продолжать путешествие вглубь материка.

«Вчера я с тяжёлым сердцем понял, – записал он в дневнике, – что Непоко – конец моего дальнейшего продвижения. Было бы безумием питать надежды на дальнейшее продвижение, так как я, даже для путешественника по Африке, нахожусь на грани нищенства <...> Со всех сторон, за что ни возьмись, мне не хватает самых нужных вещей <...> Моё питание на протяжении всего прошлого года состояло почти исключительно из продуктов этой страны, оно было очень однообразно и часто плохо приготовлено, и, хотя мой желудок переносил эту диету сравнительно хорошо, всё же пищеварение оказалось нарушенным. Большой организм потерял способность сопротивляться болезни, и уже одно это требовало возвращения домой»⁶⁷.

Однако сил оставалось столь мало, что даже обратный путь казался непосильным. «Мне делается страшно при мысли о длинном обратном пути, – заносит он в дневник в те дни, – и моё состояние лишает меня всякой уверенности»⁶⁸.

Совершенно обессиленный и разбитый болезнью, Юнкер на обратном пути сделал остановку у князя мангбатту Санга Момбеле, предполагая отдохнуть несколько дней, подлечить кровоточащие язвы и двинуться дальше. Но, как не раз уже случалось за время его африканских путешествий, «пребывание у Сангу, рассчитанное на несколько дней, хитростью князя намеренно было превращено в своего рода дружественный плен»⁶⁹, продлившийся до 23 июня 1882 года.

Из «дружественного плена» его через полтора месяца выручил прибывший к Санге посланец Гамбари, и 12 июля Юнкер возвратился, наконец, на станцию Тангази, где отсутствовал больше четырёх с половиной месяцев. Почти месяц он оставался на станции, восстанавливая силы, залечивая язвы, приводя в порядок собранные коллекции и готовясь к отъезду в Европу.

Покидая Тангази [8 августа 1882 года], он записал в дневнике: «С тяжёлым сердцем я возвращаюсь на север. Хорошо сознаю, что ещё оставляю за собой много неразрешённых этнографических вопросов»⁷⁰.

Проведя в дороге более полутора месяцев, Юнкер 27 сентября 1882 года добрался, наконец, до зеробы Земио, Бондорф обустроил новую базу экспедиции. За это время самочувствие его несколько улучшилось, раны затянулись, здоровье окрепло. А когда он обнаружил на базе ещё весьма приличные запасы продовольствия, снаряжения и даже не до конца растраченный «подарочный фонд», то вновь воспрял духом. В нём всё сильнее стало зреть желание задержаться в Африке ещё на некоторое время, чтобы довести до конца хотя бы часть начатых исследований.

С одной стороны, работа, которую он намечал себе три года назад, была выполнена и даже перевыполнена. Её результатом являлись четыре тома дневников, обширная этнографическая коллекция, насчитывавшая более тридцати тюков и ящиков, и подробные карты, которые он составил за время путешествия и вёз с собой. «С известным удовлетворением, – констатировал он, – просмотрел я свои маршруты, которые, за небольшим исключением <...> до настоящего дня не имели пробелов. Я мог отныне подумать о возвращении домой, что [ещё недавно] казалось мне недостижимой мечтой и мерещилось в бессонные ночи на одинокой постели во время болезни и среди тяжких невзгод. Но сейчас всё обстояло иначе. Я чувствовал себя снова сравнительно хорошо, а на юге и на западе было ещё так много интересного для изучения. Я чувствовал, что должен использовать благоприятные условия, ес-

⁶⁷ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 390.

⁶⁸ Там же. С. 390.

⁶⁹ Там же. С. 389.

⁷⁰ Там же. С. 397.

ли не хочу увезти с собой, как последний плод моего африканского путешествия, упрёк самому себе»⁷¹.

Глава XI. Поход к Узле-Макуа

Продолжительный отдых, более калорийное и разнообразное питание восстановили силы Юнкера настолько, что он решил отложить возвращение на родину. Оценивая свой организм как врач, он счёл, что вполне в силах продержаться ещё несколько месяцев. «Я проверил состояние моего здоровья, – писал он. – <...> Взвесив свои возможности, я пришёл к заключению, что моё положение достаточно хорошо. Ящики для запасов были наполнены снова (моя бережливость оправдала себя), и я даже был в состоянии снова, в случае необходимости, проявлять щедрость. И так <...> я уже мечтал о новом путешествии в следующий сухой сезон и обдумывал новый маршрут...»⁷².

А вот Бондорф продолжать путешествия отказался, он жаждал вернуться в Европу. Юнкер решил воспользоваться данным обстоятельством, чтобы переслать с ним собранную этнографическую коллекцию.

Увы, этой богатейшей коллекции не суждено было доехать до России, ни даже до Хартума. Из-за махдистского восстания в Судане её не удалось даже вывести из Экватории, где она, вероятно, была разграблена или уничтожена. Бондорфу и самому лишь чудом удалось проскочить невредимым через охваченную восстанием страну, и ему тогда явно было не до коллекции.

13 ноября 1882 года, ещё находясь на базе у Земио, Юнкер получил письмо от Лептонбея⁷³. Новый губернатор писал, что желал бы лично познакомиться с путешественником, но не может прибыть из-за тревожной ситуации и полученного им приказа срочно набрать и направить в Фашоду несколько тысяч рекрутов. То были первые раскаты начинавшегося в Судане восстания под руководством Махди⁷⁴. В те дни ещё никто не мог себе представить, каких масштабов оно достигнет. Юнкера известие губернатора не особенно встревожило, волнения туземцев в Экватории стали уже рутинными, вспыхивали часто, но, как правило, быстро подавлялись. Поэтому он продолжал невозмутимо готовиться к новому путешествию на юг, в бассейн реки Узле-Макуа.

В начале декабря Лептон прислал Юнкеру новое письмо, в котором сообщал, что дорога к Мешре-эр-Рек, пункту отхода пароходов на Хартум, отрезана восставшими племенами динка, и восстановить сообщение по реке пока не удаётся. Находившийся там же Ф. Бондорф не мог двинуться с места, дожидаясь, пока наступит более благоприятная обстановка. Он сообщил, что ящики с коллекцией временно размещены им на хранение на складе управления⁷⁵.

В конце декабря 1882 года ситуация в южных провинциях Судана стала ещё более угрожающей. Лептон-бей сообщал, что вынужден стянуть для защиты административного центра отряды с самых отдалённых станций. Теперь, если бы Юнкер и захотел вернуться в Европу, то не смог бы этого сделать. Время было упущено.

⁷¹ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 401.

⁷² Там же.

⁷³ Фрэнк Лэптон (Лептон-бей) – британский морской офицер на службе египетского правительства, в 1881–1884 гг. – губернатор южносуданской провинции Бахр-эль-Газаль, сменивший на этом посту Джесси-пашу.

⁷⁴ Махдисты – последователи исламского лидера шейха Мухаммада Ахмада, объявившего себя Махди (мессией) и возглавившего восстание против британского и египетского владычества (1881–1899).

⁷⁵ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 403.

И тут, в довершение ко всему, путешественника постигла новая большая неприятность. Поблизости от станции, в саванне, возник степной пожар. Сильный ветер погнал огонь прямо на зерибу. Станцию, хотя и не полностью, кое-как удалось отстоять, однако склады с имуществом экспедиции сильно выгорели. «Было бы тяжело перечислять всё уничтоженное, – признавался Юнкер. – Если бы не хранилось так много в моей жилой хижине <...> то я был бы совершенно разорён»⁷⁶. В пожаре погибло немало ценного имущества, в том числе полторы тысячи патронов, почти весь запас консервов и дробы, а также полученный от Земио для будущего путешествия провиант. «Я стоял в стороне, – вспоминал Юнкер, – и с тяжёлым сердцем слушал взрывы 1500 патронов, длившиеся около четверти часа и напоминавшие отдалённую артиллерийскую стрельбу. <...> Часом позже на пожарище <...> оставались лишь обломки и пепел»⁷⁷.

Однако истинно немецкое упрямство и исследовательский азарт помогли ему философски отнестись к столь чувствительной потере и не поддаться унынию. Гибель большей части экспедиционных запасов не заставила отказаться от планов путешествия к Уэле-Макуа. Он во что бы то ни стало намеревался отправиться туда, чтобы как можно подробнее исследовать бассейн этой большой реки и, если удастся, установить, принадлежит ли она к бассейну Нила или Конго, или, как предполагал Г. Стенли, впадает в озеро Чад. В своей книге он так описывал владевшие им в те дни чувства: «Моя потеря ничего <...> не меняла, потому что у меня оставалось ещё достаточно, чтобы при усиленной экономии удовлетворить необходимые потребности. <...> В общем, у меня было хорошее настроение, так как впереди снова были чужие края и новые впечатления, и в конце концов каждый шаг приближал меня к концу путешествия»⁷⁸.

Знал бы он, как долго предстоит ему странствовать по Африке, прежде чем он окончит своё путешествие!

12 декабря 1882 года Юнкер покинул зерибу, взяв направление на юг. Путь до Уэле-Макуа занял примерно месяц. Дневниковые записи, сделанные им за время этого похода, отличаются, как обычно, дотошностью описания и обилием деталей. Пунктуально перечислены имена всех африканских вождей, с которыми ему довелось пообщаться, пусть даже кратко; указана их племенная принадлежность, родственные связи, границы владений, соседи и отношения с ними (враждебные, дружеские или нейтральные). В описании пройденного маршрута перечислены все перейдённые по пути реки, речки и даже ручьи. Почти всегда указана их ширина в шагах и глубина в футах, наличие или отсутствие мостов. Для сегодняшнего читателя это, говоря по правде, совершенно лишняя информация, к тому же давным-давно неактуальная. Полагаю, что все эти подробности не интересовали и тогдашнего читателя, современника Юнкера, если только он не собирался сам путешествовать по тем же местам, откуда только что вернулся автор.

С научной точки зрения его информация о туземных вождях, границах их владений, родственных связях и противоречиях с соседями являлась «скоропортящейся» – уже через год, максимум пять-десять, она переставала быть актуальной. Зато для британских колонизаторов и их тогдашних египетских вассалов собранные Юнкером сведения представляли собой просто кладёшь ценнейшей оперативной информации. Это было отменное подспорье для проникновения в страну и её последующего завоевания, а также для реализации излюбленной британской политики «разделяй и властвуй».

Не в этом ли разгадка, почему Гордон-паша и его суданские подчинённые не только не препятствовали Юнкеру в его путешествиях, а, напротив, охотно и совершенно бескорыстно оказывали ему разнообразную помощь, порой даже ссужали поиздержавшегося российского

⁷⁶ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 404.

⁷⁷ Там же. С. 404-405.

⁷⁸ Там же. С. 405.

путешественника деньгами, как это сделал, например, Джесси-паша, позволивший Юнкеру в апреле 1880 года пополнить экспедиционные запасы из складов управления в Дем-Солимане. А ведь ни Гордон, ни Джесси отнюдь не принадлежали к числу симпатизантов России. Напротив, их с полным правом следовало бы отнести к русофобам. И если генерал Гордон, сражавшийся с русскими ещё в Крымскую войну, был русофобом в силу национальной принадлежности и присяги, то итальянец Ромоло Гесси (Джесси) был русофобом по убеждению. Он добровольцем воевал против русских сначала в Крымскую кампанию, а затем под знаменами Шамиля на Кавказе. Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что дружеское расположение англо-египетских чиновников к Юнкеру не пострадало даже в период обострения русско-английских противоречий в Центральной Азии в начале 1880-х годов, которые едва не привели эти державы к прямому военному столкновению. Не стоит забывать, что и первое путешествие Юнкера по Судану пришлось на годы русско-турецкой войны, когда Египет и Британия выступали на стороне противника России.

Это может означать только одно – эти чиновники и администраторы считали деятельность русского (не по национальности, но по подданству) путешественника исключительно полезной для себя. И он, очевидно, вполне оправдал их ожидания. Не хочу сказать, что Юнкер являлся британским агентом в том смысле, что сознательно работал на Лондон. Таких данных у меня не имеется. Но по факту он оказался для них если и не агентом, то весьма ценным информатором⁷⁹. Добытые Юнкером сведения британцы использовали в своих интересах, и вряд ли Юнкер об этом не догадывался. Напротив, он, кажется, был даже рад оказать им дружескую услугу. Разве не на пользу англо-египетской администрации действовал он, убеждая туземных вождей добровольно покориться колонизаторам, а не вести против них войну? Разве не гордился он тем, что вождь амади не только сам покорился добровольно правительству под его влиянием, но и убеждал других вождей последовать его примеру, прибегая на свой лад к аргументам, которые приводил ему Юнкер?

Вернемся, однако, к походу Юнкера к Уэле-Макуа. 10 января 1883 года он успешно достиг берегов упомянутой реки и начал её описание. Подробно перечислил племена, жившие по обоим её берегам и на островах, их особенности и отличия друг от друга, пополнил свою этнографическую коллекцию новыми предметами. Больше всего его интересовала ещё не исследованная часть реки, в особенности, «нерешённый ещё вопрос, куда она впадает»⁸⁰. Внести конечную ясность в тогдашний спор географов Юнкеру, к сожалению, не удалось, но его предположение, что эта река – один из притоков именно Конго, а не Нила или озера Чад, оказалось совершенно верным, хотя на тот момент пока и не доказанным.

Возвращался назад Юнкер другой дорогой, пройдя значительно дальше на север, до самой Омбанги, откуда он получал последние письма Лептон-бея, однако губернатора там уже не застал. Тот срочно отбыл на север, где правительственные войска тщетно пытались подавить восстание динка. В одном из апрельских писем 1883 года Лептон писал: «Страна находится в тяжёлом состоянии вследствие восстания, распространившегося по всему Судану. Всё, что я могу сделать, это помешать арабам и джанге (динка) уничтожить нас всех...»⁸¹.

Глава XII. Рискованное возвращение

Понимая, что уехать сейчас в Европу через Судан вряд ли удастся, Юнкер в начале мая 1883 года вернулся в зерибу Земио, где оставался около полугода, занимаясь описанием нравов и обычаев азанде. В конце октября правительственным войскам удалось на некоторое

⁷⁹ Не случайно свою самую высокую научную награду – золотую медаль – Юнкер получил отнюдь не в России, а в Великобритании – от британского Королевского географического общества.

⁸⁰ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 422.

⁸¹ Там же. С. 429.

время отбросить восставших от Нила, появился небольшой шанс проскочить до Хартума. Им и воспользовался Ф. Бондорф. Но Юнкер, находившийся далеко от Нила, не успел. К тому же после первых обнадеживающих сообщений последовали известия совсем иного рода – о неожиданном разгроме и гибели одного из самых способных и решительных мудиров⁸² Лептон-бея Рафай-ага. Принимавшее всё более широкий размах восстание туземцев в провинции Бахр-эль-Газаль и неспособность губернатора взять ситуацию под контроль побудили Юнкера двинуться на восток, в район Ладо (провинция Экватория), где губернатором был хорошо известный ему ещё по первой экспедиции Эмин-бей⁸³.

В Ладо Юнкер оказался в январе 1884 года, рассчитывая оттуда добраться пароходом до Хартума. Однако пароходное сообщение по Нилу было уже полностью прекращено. Более того, 25 мая 1884 года пришло сообщение, что центр провинции Бахр-эль-Газаль захвачен махдистами, а Лептон-бей сдался. Уже из плена он написал Эмин-бею, что не берётся советовать, что ему делать. Сам Эмин-бей опасался вторжения мятежников со стороны области Бахр-эль-Газаль, но недооценил угрозу с севера. Между тем через полгода, в январе 1885 года, махдисты захватили Хартум, несмотря на то, что его оборонял сам генерал Гордон, убитый при штурме города. Восстание приняло такой размах, что правительство в Каире уже не могло с ним справиться.

Экваториальная провинция оказалась отрезанной не только от Египта, но, по сути, и от всего мира. Эмин-бей, получивший в утешение от египетского хедива титул паши, пытался, сколько мог, держаться в полукольце мятежников, но контролируемая им территория сокращалась, словно шагреновая кожа⁸⁴. В конце концов, ему пришлось перебраться из Ладо на станцию Воделаи⁸⁵, находившуюся у южной границы провинции.

Что до Юнкера, то, просидев с Эмин-пашой почти два года в Экватории в тщетном ожидании конца суданской смуты или хотя бы временного улучшения ситуации, он, в конце концов, решил не ждать «у моря погоды», а предпринять попытку вырваться из Центральной Африки южным маршрутом.

2 января 1886 года в сопровождении всего нескольких слуг он выступил из Воделаи и, удачно переправившись через озеро Альберт-Нианца на стареньком пароходе, доставленном сюда англичанами ещё в начале 1870-х, но до сих пор совершавшем время от времени одиночные рейсы, начал пробираться на восток, к побережью Индийского океана, через территорию современных Руанды и Бурунди.

Тот район Африки был ещё не колонизирован европейцами. В то время там полноправно и деспотично правили два могущественных вождя – Кабреги и Мванди, правители соперничавших друг с другом раннефеодальных государств Буниоро и Буганды, провозгласившие себя кабака (королями).

⁸² Мудир – (здесь) правитель области, округа в составе провинции, который одновременно являлся её администратором и военным начальником.

⁸³ Эмин-бей (1840–1892) – настоящее имя Эдуард Шнитцер, немецкий еврей-выкрест. Изучал в Германии медицину и естественные науки, позже переехал в Константинополь и перешёл на службу Османской империи, приняв ислам и изменив имя на Мухаммед эль-Эмин. В 1875 году переехал в Египет и фактически перешёл на службу англичан, став доверенным лицом генерала Гордона в администрации Экваториальной провинции под именем Эмин-эфенди. С 1878 года назначен хедивом губернатором Экваториальной провинции с пожалованием титула бея, а затем и (с 1888 года) паши. В 1890 году перешёл на службу Германии. Организовал экспедицию, целью которой было расширить колониальные владения Германии в Африке. Во время этой экспедиции был убит в 1892 году туземцами.

⁸⁴ Эмин-паша сумел продержаться на юге Судана до начала 1889 года, после чего покинул страну, бежав с небольшим отрядом на юг, где был спасён военной экспедицией Генри Стенли, шедшей ему навстречу.

⁸⁵ Воделаи – другое название Форт-Эмин – самая южная укрепленная станция в Экваториальной провинции Судана, выстроенная Эмин-беем. В настоящее время находится на территории Уганды.

Путешествовать европейцам по их территории было крайне опасно. Белых пришельцев там очень не жаловали, а нередко даже убивали безо всяких предисловий. Положение путешественника осложнялось ещё и тем, что оба короля отличались капризным и переменчивым характером, а у Юнкера практически не осталось при себе вещей, которые он мог бы преподнести этим правителям в качестве достойных их подарков. Ублажать самолюбие и непомерную гордыню «их величеств» путешественнику было практически нечем.

Пройти через их территорию, да ещё в тот момент, когда между двумя владыками вспыхнула не просто вражда, а самая настоящая война, когда каждый из них был склонен подозревать в европейце шпиона противной стороны – было исключительно рискованной затеей. Но дипломатическая ловкость, такт и недюжинная выдержка, помноженные на решимость и отчасти везение, позволили Юнкеру успешно проскочить между Сциллой и Харибдой африканской междоусобицы, хотя на это и потребовалось немало времени. Путешественнику было уже, конечно, не до обстоятельных научных исследований, потому что стояла задача просто выжить, добраться живым до побережья. Впрочем, это не помешало ему оставить нам любопытные, а местами даже забавные заметки о своём общении с двумя упомянутыми туземными королями.

14 июля 1886 года Юнкер успешно пересёк границу Буганды, вновь оказавшись в английских владениях. Седьмую годовщину с начала своего второго африканского путешествия он встретил на пароходе по пути в Суэц, где, как он узнал, его должен был встречать родной брат, ещё в 1885 году организовавший его поиски.

Вернувшись в Россию, Юнкер в апреле 1887 года сделал обширный доклад на заседании Русского географического общества, специально посвящённом его путешествию, и сразу принялся за обработку собранных материалов. Их набралось на три больших тома. Издавать их Юнкер решил первоначально на немецком языке, на котором вёл свои дневники, и переехал для подготовки издания в Вену. Работал быстро, словно предчувствовал, а может быть, и знал, что жить ему осталось недолго. Первый том обильно иллюстрированной и снабжённой подробными картами книги под названием «Reisen in Afrika» («Путешествия по Африке») вышел в 1889 году, второй – в 1890, третий в 1891 году. В конце того же года Юнкер вернулся в Петербург и начал переговоры о русском издании книги, однако издать её не успел. Он скончался в Петербурге от воспаления лёгких, осложнённого злокачественной саркомой, 1 февраля 1892 года на 52 году жизни.

Послесловие. В.В. Юнкер – британский агент?

После смерти путешественника его книга осталась не переведённой на русский. Зато англичане, которым она была весьма полезна для их колонизаторской деятельности в Центральной Африке, перевели и опубликовали все три тома без проволочек, практически сразу после выхода в свет немецкого издания⁸⁶.

Что же до Русского географического общества и Российской Академии наук, то они заинтересованности в публикации книги не проявили и средств на это не выделили, хотя известный петербургский книгоиздатель А.Ф. Девриен, кстати, муж сестры В.В. Юнкера, был готов издать её на самых льготных условиях. Но Африка лежала тогда вне сферы приоритетов российской научной общественности.

Так что абсолютно прав был Юнкер, публикуя книгу в Европе, где она могла быть оценена по достоинству самыми авторитетными специалистами по Африке. И она действительно была оценена. Ещё ранее, в 1887 году, вскоре после возвращения В.В. Юнкера из путешест-

⁸⁶ Огастес Генри Кин, британский журналист, этнолог и член Королевского географического общества, взялся за перевод книги Юнкера сразу после выхода первого тома немецкого издания. Английский перевод всего трёхтомника был опубликован в 1892 году.

вия, британское Королевское географическое общество удостоило российского путешественника за его исследования в Африке своей наивысшей награды – Золотой медали⁸⁷. В следующем году ему была вручена шведская медаль «Веги»⁸⁸, а также немецкая почётная медаль Карла Риттера⁸⁹. Заметим, что, кроме него, только двое русских путешественников – Н.М. Пржевальский и П.П. Семёнов-Тян-Шанский – имели все эти три награды, считавшиеся наиболее престижными для всякого землепроходца и географа.

На этом фоне бросается в глаза отсутствие у него наград Императорского Русского географического общества. Оно ограничилось лишь возведением Василия Васильевича в почётные члены, словно он был какой-нибудь иностранец. За открытия в Африке он не удостоился даже малой серебряной медали. Впрочем, после высшей награды Королевского географического общества подобная награда выглядела бы смехотворной и не сделала бы чести самому ИРГО. Возможно, в игнорировании Юнкера со стороны функционеров ИРГО проявилась скрытая досада на путешественника, который не стремился стать его членом, ни разу не обратился в Общество за какой-либо помощью, советом, рекомендациями и не предлагал услуг российскому военному ведомству, традиционно тесно связанному с ИРГО. Не секрет, что среди тогдашних членов Императорского Русского географического общества большинство составляли действующие или отставные офицеры русской армии, которые, помимо научных задач, часто выполняли и некоторые секретные поручения Военного министерства. Не исключено, что имело место и недовольство наших военных тем, что Юнкер в Африке слишком уж тесно сотрудничал с англичанами, за что был ими обласкан и награждён.

Вскоре после своей смерти В.В. Юнкер был в России надолго забыт. Лишь спустя пятьдесят с лишним лет, в 1949 году, труд путешественника был впервые переведён на русский язык молодой советской африканисткой Марией Райт, носившей в то время фамилию Райт-Кангун⁹⁰. В ряде интернет-публикаций приходилось читать, что санкцию на перевод книги дал якобы сам «вождь народов», услышав сетования советских учёных на недостаток в СССР материалов об Африке, в то время, когда Чёрный континент активно борется с колониализмом. Скорее всего, вряд ли, хотя прецеденты такого рода, когда вопрос о публикации решался по прямому указанию И.В. Сталина, действительно случались.

Перевод этого большого трёхтомного труда выполнен, увы, с очень значительными сокращениями (сокращено от половины до 2/3 авторского текста). В результате в книге оказалось довольно много логических нестыковок в канве описываемых событий, присутствует множество непонятно кому принадлежащих имён (то ли африканских вождей, то ли местных чиновников египетской администрации) и топографических названий, упоминаемых вне контекста и без комментариев.

Можно предполагать, что из текста книги были при переводе убраны также сюжеты, где тогдашние обычаи и нравы африканцев представлены в слишком уж негативном свете (в частности, в переводе книги вообще не упомянуто о фактах каннибализма, которые, если су-

⁸⁷ Высшая награда британского Королевского географического общества была учреждена в 1831 году и вручается до сих «за поощрение и популяризацию географической науки и открытий». Признаётся среди географов мира наиболее престижной профессиональной наградой.

⁸⁸ Медаль «Веги» учреждена в 1881 году Шведским обществом антропологии и географии. Торжественно вручается королем Швеции «выдающемуся мировому учёному в области географии» раз в два-три года. Награждение происходит 24 апреля (в день возвращения «Веги» – судна А. Норденшельда из плавания вокруг Евразии).

⁸⁹ Медаль Карла Риттера фон Фриша учреждена Немецким зоологическим обществом, одним из старейших в Германии, и вручается «наиболее выдающимся мировым учёным в области географии, зоологии и ботаники».

⁹⁰ Кангун Александр Исаевич – родной отец М. Райт. По её словам, перевод труда В.В. Юнкера был их совместным детищем; больше того, А.И. Кангун являлся в их тандеме ведущим, поскольку сама Райт знала немецкий язык, по её собственному признанию, довольно посредственно.

дять по книгам Генри Стенли, были тогда в Центральной Африке довольно широко распространены). Скорее всего, были подвергнуты сокращению и некоторые личные суждения Юнкера, шедшие слишком вразрез с марксистскими идеологемами, и те, в которых можно было усмотреть отголоски современных ему расистских теорий. В общем, имидж русского путешественника, и без того отличавшегося либеральными и гуманистическими взглядами на африканцев, переводчик, или его редакторы, постарались ещё немного подсветить.

Несмотря на это, первый русский перевод книги В. В. Юнкера, даже и в сокращённом виде, позволяет оценить масштабы проделанной путешественником исследовательской работы. Если говорить вкратце, её итоги сводятся к следующему:

- составлена большая четырёхлистная карта масштаба 1 : 750 000 обширного и ранее не исследованного района Центральной Африки площадью почти с Великобританию (копия её была передана Юнкером Г.М. Стенли);

- обозначены географические точки водораздела речных систем Нила и Конго с их притоками на протяжении порядка 1 200 км (тогда это было важно, в том числе и с политической точки зрения, поскольку приблизительно по этому водоразделу должна была пройти будущая граница британских и франко-бельгийских колониальных владений в Центральной Африке);

- описаны все племена, проживавшие на картографированной Юнкером территории, с указанием их названий, имён вождей и прочими подробностями, о которых уже говорилось выше;

- составлены словарики десяти африканских языков и наречий, в том числе азанде, мангбатту, абармбо, момфу и др.;

- собрана огромная этнографическая коллекция (к сожалению, все коллекции, собранные Юнкером во втором путешествии, погибли);

- открыто несколько видов насекомых, птиц и даже млекопитающих. В числе последних – африканский подвид шерстокрыла, ранее науке не известный.

Возвращаясь к русскому переводу книги Юнкера, следует подчеркнуть, что, несмотря на сокращения, основные наблюдения и выводы автора были в одностороннем русском издании сохранены. Главное, в нём сохранилось то, что отличает Юнкера от многих западных африканистов – его искренне сочувственное отношение к африканцам, со многими из которых у него сложились дружеские отношения. Именно поэтому ему было особенно больно узнавать, что некоторые из наиболее достойных и независимо мыслящих африканских вождей, бывших его друзьями, а порой даже кровными побратимами, были позже коварно убиты по приказу Эмин-паши, которого Юнкер также относил сначала к числу своих друзей и искренне верил, что тот намерен быть снисходительным к туземцам и использовать исключительно гуманные методы управления. Тем горше было для него разочарование.

В своей книге он позже напишет: «Должен сознаться, что это (известие об убийстве по приказу Эмин-паши вождя мангбатту Мамбанги. – А.Х.) меня больно задело, в особенности, когда я живо представил себе, как во время моего путешествия в Мангбатту всегда и везде обнадеживающе сообщал вождям о начале правления кроткого, снисходительного европейского губернатора. У меня было чувство, как будто я слышал, как мои чёрные друзья уличали меня задним числом во лжи, и мне это было больно»⁹¹.

А что же с вопросом, поставленным в заголовке? Ответ, по-моему, очевиден. Никаким агентом британского правительства Василий Васильевич Юнкер, конечно, не был. Однако, и это надо честно признать, его деятельность и собранные им подробные сведения о не изученном ранее центральноафриканском регионе косвенно способствовали укреплению позиций англичан на юге Судана, что впоследствии не позволило России воспользоваться политическим сближением с Эфиопией.

⁹¹ Юнкер В.В. Путешествия по Африке. С. 439.

ИСЛАМИСТСКАЯ УГРОЗА В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ МАГРИБИНЦЕВ XX–XXI ВВ.

Когда-то я писала о том, что забыть нельзя и помнить необходимо. Политический исламизм разнолик, хотя и одинаково жесток повсюду. Раньше все говорили о преступлениях ИГИЛа, о войне в Сирии, теперь – об израильско-палестинском конфликте... В Алжире кошмар гражданской войны случился в самом конце 80-х годов XX века. О причинах развязанной Фронтом Исламского Спасения (F.I.S.) – так называлась победившая тогда на выборах партия – этой не менее губительной для страны (по числу жертв) войны, чем борьба за Национальное Освобождение с французским колониализмом (1954–1962), было написано немало, но и не много. Внутренние причины противостояния алжирцев освещались осторожно, негромко, хотя длилась та кровавая схватка почти десятилетие, больше, чем война за Независимость. И унесла много сил у народа и его Армии, и выбила из культуры страны значительное число интеллигенции, и дестабилизировала образование, науку, экономику, социальные процессы.

Я не буду вспоминать здесь исследования политологов, то не моя задача. Но хочу только отметить, что эта гражданская война с радикальным исламом, дорого обошедшая стране, велась ей и её народом практически в одиночку, без привлечения «глобальных» сил. Потому, быть может, Алжир испытал ужасы терроризма, громившего в стране все достижения демократического развития, особенно остро, хотя и не столь «публично», переживая свои внутренние беды. Армия, полиция, антитеррористические бригады, мужество гражданского населения, хранившего верность идеалам Освобождения, – сломили, в конечном счёте, где-то в начале 2000-х годов звериный разгул мракобесия и так или иначе утихомирили страну. Хотя попытки вернуть её к «истокам», к «изначальному исламу», искоренить «влияние Запада», модернизацию образования и экономики, установить власть имамов и «эмиров», ввести женщин только в круг законов шариата, запретить их участие в социальной жизни и т.д. и т.п., – не прекращаются и по сей день. Лозунги «очищения» страны от «скверны» современного общества неизбывны. Такого рода «национализм» вызревал ещё в годы войны за независимость.

Пока не избудут и причины – внутривнутриполитические, экономические, социальные, демографические, порождающие кризисные формы национального бытия и вызывающие к жизни радикальные приступы религиозного сознания, именем Аллаха сеющие смуту, террор и угрожающие трансформировать само понятие Свободы в разгул насилия и кровавого беспредела... Если бы я не верила в то, что, как сказал ещё Стендаль, литература – это зеркало, стоящее на дороге жизни, – я не стала бы писать о том, что реально пережил Алжир. Но его писатели всегда отличались особым качеством почти документального реализма и одновременно высокой мерой художественной типизации явлений окружающего мира: слишком авторитетной была и своя, и европейская традиция литературного письма, слишком строга была школа, в которой учились алжирские художники писать картину мира («встреча цивилизаций» длилась больше столетия на алжирской земле, *несмотря* на колониализм, а возможно, и благодаря ему именно в плане культурном). А потому именно писатели в этой стране первыми откликнулись на реакцию общественного сознания, анализирующего происходящее либо готовящееся в стране, первыми фиксировали приметы перемен, меняющие облик социума, настроение народа. Первыми показывали начало «*беспорядка вещей*» (термин Р. Буджедры, «la désordre des choses»), сотрясающего основы того мира, который надо было либо

разрушить (так было в конце 40-х и начале 50-х гг., когда формировалось активно национальное самосознание в стране и готовилась антиколониальная война), либо сохранить, отстоять, ибо за него сражались миллионы алжирцев в годы Сопrotивления чужеземцам.

Приметы гражданской войны, начинавшейся с укрепления исламского радикализма (не без помощи соседних арабских стран, особенно Египта), приметы «*брatоубийственной войны*» были тоже незамедлительно воссозданы писателями, уже получившими мировое признание, переведёнными на многие языки мира и даже имевшими особые награды мирового литературного сообщества. И Рашид Буджедра, и Рашид Мимуни, и Ассия Джебар, и корифей алжирской словесности – Мохаммед Диб, и новый писательский отряд 80–90-х – А. Дজেмай, М. Бей, М. Моккеддем, и восходящая «звезда» алжирской литературы – Буалем Сансаль, и многие другие не могли не откликнуться, не сказать своего слова, не восстать, не осудить, не пробить сигнал тревоги, который должен был предупредить мир об опасности наступления эры террора¹.

Рашид Буджедра, уже в 1989 году назвав свой новый роман «Беспорядок вещей»², воспроизвёл атмосферу страха и отчаяния, воцарившуюся в стране, воссоздал картину народной растерянности, угроз обнаглевшего и распоясавшегося наступления тех, кто, воспользовавшись экономической неурядицей, растущей безработицей, направо и налево расстреливал «виноватых», резал горло тем, кто пытался как-то утихомирить волну поднявшегося гнева, беспощадно давил, уничтожал всё, что так или иначе было связано со стремлением к демократическим преобразованиям, к поискам возможностей выхода из серьёзного кризиса, потрясшего страну почти через три десятилетия её Независимости... Убивали всех, кто сопротивлялся исламским лозунгам F.I.S., обещавшего избавить страну от последствий «светского образования», либерализации, от университетских программ, «формирующих мозги на западный манер», прививающих вкус к науке, к прогрессу, к модернизации. Всё, что не в Коране, не в заповедях Пророка, не от имени Аллаха – всё от «воли Дьявола», а потому – истреблять всех, кто его «пособник»... В книге Р. Буджедры впервые в алжирской литературе был показан «человек раздавленный» (не «восставший» против рабства и гнёта колонизации, не «идущий по дороге отвоёванной Свободы» и «ищущий Путь к свету новой жизни»), как это было в литературе эпохи 50–70-х гг., но именно «раздавленный», выползавший из-под горы трупов во время бойни, устроенной террористами, превращённый ими в кровавое месиво). Этот образ снова появится в творчестве Р. Буджедры уже в начале 2000-х, когда писатель напишет роман «Похороны», где отметит приметы конца разгула террора, но и ещё раз напомнит о его злодеяниях³.

В 1992 году Р. Буджедра опубликует свой политический памфлет «F.I.S. de la Haine» («Фронт ненависти»⁴, где в звучании французской аббревиатуры «Фронта исламского спасения» слышалось слово «Fils» – сын...). И в этом «Сыне ненависти» писатель как бы сгустит все причины недовольства, расколовшего народ, все постепенно зревшие в стране внутренние противоречия. Долго, со времени окончания борьбы за независимость, тлевшую и разгоравшуюся борьбу за политическую власть внутри когорты лидеров правившей в стране партии ФНО, экономическую разруху, проблемы с безработицей, особенно среди молодёжи, демографический взрыв, резкое обнищание сельского населения, его исход в большие города, их перенаселённость, вызывавшую усиление эмиграции, и массу других причин, в том числе и культурную политику «тотальной арабизации», провоцировавшую недовольство берберов,

¹ О них см. подробно в наших работах: Прожогина С.В. От Сахары до Сены (М., 2002); Разлом миров (М., 2009); Алжирская сюита (М., 2014); Гендерные проблемы конфликтов (в соавт. с Н.Л. Крыловой, М., 2011); Путь к себе (в соавт. с Н.Л. Крыловой, М., 2013) и др.

² Boudjedra R. La desordre des choses. P., 1989.

³ Boudjedra R. Les funerailles. P., 2003.

⁴ Boudjedra R. F.I.S. de la Haine. P., 1992.

которых немало в этническом составе алжирцев. В итоге на очередных выборах в стране приходит к власти партия F.I.S., претендующая на спасение от кризисной ситуации «Именем Аллаха» и в радикальных идеологических и политических переменах обещающая избавление страны от растущего социального неравенства и разброда верующих в исламские ценности путём «возврата к истокам», к «исламскому фундаментализму», «не замутнённом» привнесением в страну других цивилизационных начал – ориентаций её на западное образование, науку, прогресс. Главным становится возврат к «истинным заповедям Пророка Мухаммеда» и свету откровения Аллаха в Священном Коране. Ваххабизм, расцветавший в Саудовской Аравии и на Ближнем Востоке, не мог не сыграть свою роль, и алжирские исламисты не без помощи и поддержки «извне» стали рьяно бороться за «чистоту религии» и повсюду насаждали только мусульманские школы, где работали нанятые «по контракту» египетские преподаватели, запрещавшие общеобразовательные предметы по истории и естествознанию; в университетах вводили запрет на обучение математике, физике, химии, юриспруденции и прочих дисциплин на французском языке, хотя учебников на арабском почти не существовало... Вообще запрет на французский язык достиг апогея, и в школах, где случалось исламистам ворваться на урок и услышать французскую речь, к примеру, на уроке литературы, педагогу могли перерезать горло... Случаи такой расправы были нередки и зафиксированы почти документально в книге новелл Ассии Джебар «Оран, мертвый язык»⁵.

Но если Р. Буджедра, как и многие другие, сосредоточил своё внимание и как художник, и как аналитик на реальных итогах и причинах вершившихся в стране событий (за что был обвинён исламскими интегритами в «предательстве», зачислен в список должных быть убитыми и был вынужден долго скрываться и жить в эмиграции), то его соотечественник Рашид Мимунни создает некое метафорическое полотно почти «исторической обречённости» Алжира на постоянные войны, нашествия, набеги, на постоянное вынужденное Соппротивление Злу, которое тяготеет над страной как «проклятие» (он так и назовет свой роман – «LaMalédiction». Р., 1992). И концентрацию этого Зла увидит в *братоубийственной войне*, которая буквально захлестнула Алжир в начале 90-х. В сюжете романа Р. Мимунни один из братьев, ставший исламистским «эмиром», убивает другого – врача, не захотевшего «делить» раненых на «своих» и «чужих» и просто спасающего людей от смерти, – безжалостным и беспощадным выстрелом в затылок... Избавляя страну, как он считает, «от предателя»...

Вообще расправы в стране с интеллигенцией, журналистами, врачами, педагогами, писателями, поэтами, кинематографистами, театральными деятелями, не поддержавшими воцарившиеся в Алжире «правила праведной исламской жизни», были под постоянным прицелом «интегритов» (использую этот термин именно в том смысле, в каком политический исламизм требовал «абсолютной чистоты» религии мусульман, освобождая её от поздних наслоений, и полного претворения в жизнь норм раннего ислама⁶). Они забрасывали свои жертвы письмами с угрозами, с нарисованными на них гробами и с вложенными в конверты кусочками мыла и белой ткани – для «омовения будущих покойников» и «саванов» для них... Таков был ритуал террористов, которые предварительно запугивали, а потом и приводили в действие свои угрозы. Сколько погибло известных в стране людей, сколько зарезанных, замученных, отравленных и убитых на глазах их детей и близких!.. Не стану перечислять все имена, среди которых близкие и мне великие – Тахара Джаута, Юсефа Себти и многие другие. Достаточно взять в руки страшную документальную книгу Ассии Джебар «Le blanc de l'Algérie», Р., 1995 («Белый траур Алжира» лучше перевести как «Саван Алжира»), чтобы исполниться жуткой правдой вершившегося в свободном и независимом Алжире «своего», религиозного разбоя, который разве что можно сравнить по количеству жертв с

⁵ *Djebar A. Oran, langue morte. Р., 1997.*

⁶ Об этом см., напр.: *Долгов Б. Алжир. Феномен исламского фундаментализма // Россия и мусульманский мир. 2001. № 7.*

беспощадностью партизанской войны с колонизаторами... Но у той были особые исторические оправдания. Если для беспощадности они вообще есть... Писатели ничего не преувеличивали.

Корифей алжирской литературы Мохаммед Диб напишет свою эпопею о зверских набегах исламистов на горные селения, не хотевшие сдаваться им на милость и помнившие ещё о том, *за что* сражались с чужеземцами отцы и деды, и ещё хранившие «старые ружья»... Но набеги были ночными, коварными, застигавшими людей врасплох, а потому с лица алжирской земли в те недалекие времена исчезли многие городки и деревни, исчезли десятки тысяч людей, которым перерезали горло во сне... М. Диб сравнит эти массовые убийства в горах с древним поверьем людей в то, что «если захочет дьявол» (а его роман так и назывался «Si Diable veut». Р., 1998), то собаки, спущенные с верховьев гор с красной повязкой на шею «встречать весну» (таков был ежегодный ритуал горцев), могут вернуться обратно и, взбесившись, отгрызть головы невинным людям, которые мечтали о наступлении тепла, об урожае, о свадьбах, о Новой Жизни...

Этот роман Диб не мог не потрясти читателей не только жестоким реализмом происходящего в Алжире, но ещё и художественно запечатлённым извращением *сакрального*, ибо мусульманский мир жил и живёт ежедневно великой своей надеждой, выраженной в священной формуле «Если захочет Аллах!». «Дьявольская» инверсия этой истинно мусульманской веры в то, что Аллах не может захотеть чего-то ужасного, непоправимого, превратила произведение искусства основоположника новой алжирской словесности в прямое обвинение тех, кто, используя религиозное учение, забыл о том, что на земле всегда *останутся люди*, помнящие не о мраке наступления Ночи, но о Свете нового Дня. «И если захотят они...» – писатель не закончил этой фразы в своём романе, но напомнил всем, что Ночь должна обязательно смениться Рассветом...

Что удивляться гневу и пророчеству М. Диб, – писателя, которого знал весь мир (он переведён почти на 30 языков), лауреата всех высоких литературных премий: он себе мог позволить создать произведение, где просто сравнил нашествие «интегристов» с «волей дьявола». Но поражает то, что именно в 90-е гг. в алжирскую литературу вливается отряд женщин, да, именно тех, с кем исламисты неустанно боролись, заставляя носить чадру, отказываясь от образования, социальной жизни, участия в общественных движениях, запугивая, угрожая, расправляясь за «непослушание»... Среди них, женщин, – врачи, педагоги, журналистки, взявшиеся за перо потому, что молчать о том, что творилось в стране, было невозможно. И если Ассию Джеббар, её «похоронный колокол» из Орана, где воцарился «язык смерти», должны были услышать повсюду – ведь она была знаменита в Европе (в России её тоже успели перевести ещё до 90-го года) не только писательницей, но и просто женщиной – первой среди «иностранок» ставшей членом Французской Академии, то Маиссу Бей, Малику Мокеддем, Латифу Мансури не знал никто. И они отважно стали продолжать дело своих соотечественников, заставляя мир услышать боль и гнев своего народа.

В своих «Новостях из Алжира» («Nouvelles d'Algérie», 1998) Маисса Бей, педагог и журналистка, поведает не только о страхе, в котором постоянно приходится жить женщинам, особенно тем, кто работает, кто учит детей, у кого мужа – не исламисты, но и о наступившем в стране каком-то *оцепенении*, безволии ужаса, порождённого почти ежедневными сводками об убитых, зарезанных, о стёртых с лица земли деревнях, где за ночь уничтожали людей и поджигали их дома... «Новости» скорбные, но для начинавшей тогда писательницы главным было рассказать об Алжире правду, о которой как-то не особенно было удобно властям (они пытались долго и упорно справиться с бедой) громко кричать на весь мир... Но голос Маиссы Бей, писавшей по-французски *вопреки* всем мыслимым и немыслимым запретам исламистов (она рисковала в буквальном смысле слова своей головой – вспомним о героине одной из новелл Ассии Джеббар, учительнице, которой отрезали голову террористы на уроке французского), был услышан. Я не говорю о прессе, о многочисленных читателях,

но и том, что стало понятно всем, – отныне литература Алжира стала *другой*, она показывала лик другой страны, где насилие, творимое людьми, шло от «Имени Аллаха», где человека уничтожали, а не воспевали, как прежде, как Творца Нового мира...

О «стрелах исламизма» не менее ярко и с глубокой болью за судьбы своих соотечественниц рассказала в своей автобиографической повести «Мечты и убийцы» («Des Rêves et des assassins». P., 1995) врач Малика Мокеддем. Но то, что показала Латифа Мансури в своём дневнике, ставшем повестью о смерти, о торжестве её, о «пляске на костях» людей, поверженных страхом в бездну отчаяния, из которой только один путь – бежать с родной земли, которой были отданы ранее все силы жизни, все её надежды... Сравнить книгу Мансури можно разве что только с какой-нибудь жуткой фреской Беноцци Гоццолли на пизанском Campo Santo или со Страшным судом Микеланджело в Сикстинской капелле, или с мучениями людей в аду, написанными Лукой Синьорелли в Орвьето... Но ведь *эти* фрески из далекого прошлого. А то, что описала, зафиксировала на бумаге, но увидела на белой стене своего дома рано утром врач Латифа Мансури, работавшая в глубинке, в сельской больнице, где лечила стариков и детей, было хуже апокалипсиса. Ибо не воображённое, а своими, остановившимися от ужаса глазами запечатлённое: к ней в дом ворвались террористы и разбили о стену голову её грудного ребенка, раздавили, кроваво размазали его тело на белой штукатурке, дабы она, врач, убоилась, прекратила лечить тех, кто «не с ними», кто не служит «делу Аллаха»...

Латифа Мансури выжила, но едва не лишилась рассудка. Потом заставила себя написать книгу, назвав её «Год заката Солнца» («L'annee de l'eclipse», 2001), которую можно назвать и «Годом солнечного затмения», хотя этот солнечный «Эклипс» под пером Мансури, пережившей личную трагедию (ей ещё и принесли в корзине отрезанную голову мужа, тоже врача), нарисован как полное исчезновение Света Жизни, как триумф абсолютного Мрака...

Ужасы царившего в Алжире исламизма можно множить: литература – неисчерпаемый источник примеров и назиданий... Но в 2003 году, когда события уже постепенно улеглись (к началу 2000-х), Рашид Буджедра, захотев поставить «точку», окончательную и бесповоротную, пишет свой роман «Похороны», где всё-таки, перед тем как задёрнет занавес спектакля Торжества Смерти, напомнит, не в назидание, но и не без серьёзной причины о том, что забыть произошедшее в родной стране, длившееся почти десятилетие, нельзя, ибо повторение прожитого страной и народом – *стыд Истории*. И создаст, как бы «напоследок» (*чтобы не забыли!*), чтобы помнили, секвенцию картин ужасных расправ террористов со школьниками, расстрелянными или зарезанными «*просто так*», в назидание живущим, но не поддающимся угрозам и страху смерти... И если дети продолжают учиться, ходить в школы, снимать мусульманский платок на уроках, учить «другой язык», «другие предметы», кроме дозволенных исламистами, то расправа с одними из них – пример для других того, что будет и с ними... И одиннадцатилетнюю девочку насилуют, выкалывают глаз, а потом перерезают горло на виду у всего класса... Как убивают в школьном дворе мальчика выстрелом в спину «просто так», потому что тот слушался учителя, выполняя его просьбу, а не головореза – бандита, террориста, «хозяина» того квартала, где стояла эта школа...

...Ужасные фото растерзанных, расчлнённых, искалеченных людей и детей висят, «пригвождённые», в кабинете комиссара антитеррористической бригады. И комиссар – женщина. В творчестве Буджедры это своего рода «апофеоз» женской судьбы: если раньше героини его книг были «раздавлены, унижены традицией», её запретами, или наоборот, преодолевая её, становились врачами и «чистили» раны общества, избавляя его от вековых предрассудков, тьмы невежества, то в «Похоронах» главная героиня уже героически сражается с почти неуловимыми, но уже обречёнными на расправу (волна народного гнева, действия полицейских, военных, – всё как бы на грани окончательного, «финального» боя с теми, кто отравлял людям Жизнь, закрывал Свет, сеял Мрак и Ужас)... Роман Буджедры – глубоко психоло-

гический, но и вполне «полицейский», написанный о жутких буднях полицейской бригады по борьбе с терроризмом. И в этом романе, как и в предыдущих произведениях Р. Буджедры, есть много авторских напоминаний о том, что главное – не дать обществу увязнуть в оковах окостенелых традиций, разрушить нормальные семейные связи и узы, соединяющие людей в *одно целое*. Напоминание и о том, что нельзя унижить женщину, «закрыв» её только в лоне семьи, отгородив от мира, от жизни, которая, пусть тревожно и даже страшно, но течёт за стенами дома. Напоминание и о том, что самое нелепое, самое отвратительное и, быть может, самое губительное для общества – это «*братоубийственная война*», это противостояние людей внутри *одного народа*. Символически (или, скорее, метафизически, потому что не только однозначно в плане смысла, но и глубоко психологично) во всех романах Буджедры, и «Похороны» не исключение, – это «возвратное движение» к образу брата – *близнеца* одного из героев романа. И оно означает, что этот буквально «кровный брат» – может стать худшим врагом, потому что «*свой*», а не «*чужой*»... С «чужими» – иноземными – врагами всё было понятно: за что идёт борьба, за *чью* Свободу, за *чью* Независимость, за какое Будущее Своей земли воюет свой народ... Но когда «близнец» хочет быть похожим на «чужого», то это становится истоком внутренней трагедии. И надеясь на *конец* этой *внутренней борьбы* народа, когда «брат восстаёт против брата», когда «брат» решает жить иначе и хочет стать «чужим» в своей родной семье, командир полиции, переживший свою семейную драму, возлюбленный героини романа, просит её родить ему именно близнецов... Нормальных, *Родных* друг другу. Надеясь на Мир. «Похороны», видимо, закончатся свадьбой героев. И новой судьбой освободившейся от Мрака Ночи Страны...

В книге Р. Буджедры битва выиграна. Хотя Война с глобальным терроризмом как раз только и развернулась по всему миру. Роман Р. Буджедры, «похоронив» Фронт Ненависти в одной, отдельно взятой стране, мужественно сражавшейся с мракобесием, стал словно увертюрой к событиям, которые потрясли в начале XXI века и Америку, а теперь заставляют погружаться в страх и Европу...

Вот почему звезда алжирской литературы, замечательный писатель Буалем Сансаль, по профессии физик, получающий одну за другой премии мирового литературного сообщества («За лучший арабский роман», «За лучший роман на французском языке» и т.д. и т.п.), написал в качестве предупреждения Европе свою потрясающую книгу «Деревня Немца» («*Le village de l'Allemand*», 2008), где сравнил *исламизм с нацизмом*. На судьбе двух братьев – алжирских иммигрантов (считавших себя алжирцами, но узнавших, что их отец – немец, в прошлом – изобретатель «Циклона», укrywшийся от казни в глухой алжирской деревеньке), один из которых поклялся сделать всё, чтобы разорвать сеть подпольных террористов-исламистов, опутавшую Париж и его иммигрантские кварталы, в которую он едва не попался, а другой, не перенеся стыда за прошлое их отца, покончит с собой, заставив себя задохнуться в собственном автомобиле, открыв выхлопной газ вовнутрь машины, – покажет новую трагедию, на сей раз Европы, страдающей от глубокой разности своих народов...

Прошлое, открывшись братьям-иммигрантам внезапно, после смерти их отца в далёкой алжирской деревне, заставило пересмотреть всю свою жизнь, и сравнение прошлого отца с происходящим на их глазах опасным беспределом имамов, вербующих молодежь в ИГИЛ и прочие террористические организации, запугивающие не только исламскую молодежь Европы, но и французов жуткими казнями в подвалах девушек, отказавшихся носить мусульманскую одежду и закрывать лицо (их обливали кислотой или сжигали), заставило братьев вернуться к «собственной идентификации», к определению своего места в этом давно «смешавшемся» и тоже уже «сходящем с ума» мире. И один встал на путь борьбы за очищение этого мира от скверны исламского террора и угрозы торжества религии в светской стране, не совместимой с догмами угнетения человека, а другой – казнил себя за вину нацистов и фашистов, которые допустили геноцид и кровавую мировую войну, эхо которой не хочет слышать сегодня...

Но «Деревня Немца» не успокоила сознание алжирского писателя, не остановила на том, что путь борьбы с исламизмом *возможен*, даже если кто-то решится сражаться в одиночку. И он всё-таки позволил представить себе, вообразить, мрачно пофантазировать о торжестве исламистского мракобесия и в 2015 году написал некую «утопию», назвав ее «2084» («2084». Р., 2015). Однако «утопия» Сансалья (в этом понятии – «место, которого нет»!) настолько выразительно запечатлела возможную постисламистскую (т.е. *после воображаемой победы исламистов*) реальность, что читателю ничего другого не остается, как ужаснуться и поверить в абсурд вероятности бытия человечества, когда жить человеку можно, как написано Сансалем, только «по законам Йолаха»⁷, записанным его наместником на земле в Священную книгу, хотя и на языке, народу «почти непонятном»... Но главное, «2084» год – это уже то Время, та История человечества, когда всё Прошлое на земле свелось только к воспоминанию о Священной войне «за веру в Йолаха», только к битвам с «неверными», а всё Настоящее – только к паломничеству людей в те места, где эти битвы происходили, и где стоят памятники «мученикам за веру в Йолаха»... И живут люди, «абистанцы», передвигаясь группами, караванами, с одного места на другое, и управляет всей этой огромной, без конца и края, странной землей – Абистаном, геометрически расчерченной маршрутами, необходимыми для жизни, невидимый правитель Аби, обитающий где-то в Административном центре и нормирующий людскую активность, ведущий учёт их особой жизнедеятельности, подчинённой только законам Священной книги... Жизнь бедна, однообразна, безвкусна и безнадежна. Люди носят одну и ту же одежду, едят одну и ту же выдаваемую им пищу, сидят и спят на полу, не знают, что такое мебель, книги, развлечения... Записываются на паломничество и потом долгие годы ходят и отмечают, узнавая, когда же придёт великий день посещения того или иного «Святого места»...

А вокруг – мёртвый пейзаж, умерщвлённая рутинной жизни земля, где как бы и нет никаких границ...

Правда, есть высокие горы, а за ними, как говорили, какое-то море... Главному герою книги «2084» повезло. Он какое-то время провёл в этих горах. Там был *санаторий*, где лечили лёгочных больных... Тех, кто не мог правильно дышать. Задыхался. И они либо умирали, либо, как герой произведения Сансалья, излечивались. И возвращались в прежнюю жизнь. Шли пешком, спускаясь с гор. Встречались с караванами людей, направлявшихся куда-то на горные перевалы... Кто-то находил свои «Священные места», а кто-то, как говорили, исчезал за какой-то «границей». А что было *там*, никто не знал... Вспоминали с трудом, что слышали от кого-то, что где-то за этой «границей» то ли живут те, кого во время Священной войны изгнали из «Абистана», т.е. «враги», то ли царит там какая-то, то ли какой-то «Демо» или «Демокр», но тоже такое, что абсолютно враждебно земле, где правит Закон Священной книги...

Ати, главный герой «2084», ничего об этом не знал, конечно, да если и видел на своей земле (и то изредка: было запрещено) какую-то другую жизнь, то только на окраинах города, в котором жил, в кварталах, называвшихся «гетто», где ютилась «абсолютная беднота», не имевшая даже возможности совершать паломничества... Туда потихоньку наведывались

⁷ Писатель нарочито искажает арабскую ономастику и алжирскую топонимику в романе, хотя всё остается узнаваемым. В дальнейшем Б. Сансаль разработает эту тему, но уже в контексте европейской реальности, переживавшей особенно интенсивно теракты исламистов в 2014 г. (в метро; взрывы православного храма в Ницце, халяльных еврейских магазинов в Париже и провинциях Франции; нападения на редакции журналов и т.д. и т.п.), он создаст роман «Поезд в Эрлингэр» («Le train d'Ertinger», 2018), где со старой немецкой учительницей хотели расправиться арабские молодчики в парижском метро. Однако их вовремя остановили. Вернувшись в Германию, учительница предупредила жителей, страх которых перед «нашествием чужого Бога» давно только усилился, и они ждали как «чуда – избавления» какого-то обещанного им, но так и не приходившего «экспресса», который должен был увезти их куда-то...

люди, слушая другой (когда-то родной!) язык, другую музыку, нюхая другие запахи – той пищи, которую, как говорили, в стране готовили «в старину», ещё до «Священной войны» с «неверными». В «гетто» устраивали даже какие-то «праздники», которые в стране были позабыты давным-давно. Теперь здесь главным зрелищем были публичные казни заподозренных в «предательстве» людей, не желавших мириться с волей тоталитарного правителя Аби...

Деятельность людей, населявших Абистан, была подчинена подсчёту паломников, регулированию дат посещения священных мест и распределения маршрутов. За это давали какое-то пособие «служащим», за одну и ту же порцию какой-то «каши», видимо, должной напомнить людям о той пище, которую здесь ели когда-то. Не желавшие служить нигде абистанцы уходили в «гетто». За ними следили, конечно, как, впрочем, за всеми и повсюду.

Старые люди, если и знали или вспоминали что-то, многое уже забыли или просто сами стерли из памяти из-за страха. А шёл как будто бы уже 2084 год, и что было раньше, и когда случилась эта «Священная война», люди тоже забыли, или им повелели это другие люди – «вечно живущего» здесь правителя Аби, служившего только вечно живому богу своему Йолаху. И про «гетто», в которых выживали люди на этой странной земле каким-то чудесным способом (куда когда-то укрылись и выжившие в войне «неверные» или спасшиеся чудом от воинов Йолаха, и потерявшиеся в пути паломники, и самые безбоязненные, «отпетые» бродяги и оборванцы, которым было абсолютно всё равно, где они, на какой земле живут), увиденных случайно (или специально, потихоньку, «подпольно»), посещаемых какими-то отважными «отщепенцами», было запрещено говорить... Но люди говорили. И паломники, которых Ати повстречал по дороге из санатория, вечером у костров о чём-то рассказывали, что видели, где были. Размышляли. Ведь страну надо было чем-то кормить, армию – огромную и всесильную, чиновников – многочисленных и вездесущих – на что-то содержать, машины и самолёты, стоявшие на вооружении армии и для нужд высшего руководства Абистана, надо было чем-то заправлять, менять детали... Словом, жизнь куда-то «текла» и откуда-то «перетекала», но ведь, как здесь уверяли, на земле «царил лишь Абистан и его законы»... Так откуда же бралось всё это? Только ли из «святых мест»? В Санатории⁸ ходили всякие слухи, и те, кто сумел выздороветь, уже не могли не знать, не думать о том, что *где-то там, за горными перевалами, есть что-то другое*... Где что-то покупалось, продавалось, обменивалось... Но главное: некоторые караваны вообще исчезали и не возвращались более из-за горных перевалов. Ходили слухи, что они *перешли границу*... Но что же это все-таки такое было, эта *граница*? И что открывалось за ней, в далекой дали, там, где, видимо, уже было само море?.. И снова, и снова доносились среди разговоров проходивших мимо паломников и тех, кто шёл куда-то в караванах, какие-то странные, не на абистанском языке произнесенные звуки: «Демо... Демок... Демокр...» Или что-то в этом роде. Выздоровливающие думали, что это имя одного из тех, кого убили в Священной войне, *Главный враг Абистана*, в битве с которым полегли миллионы мучеников за веру в Йолаха и которым поставлены памятники, вокруг которых и вращалась вся абистанская жизнь...

...Главный герой – Ати, один из немногих выздоравливавших в санатории, наконец, вернулся к себе домой. В свою, как и у всех, убогую хижину, где не было ни кровати, ни стульев, ни электричества, ничего такого, что могло бы говорить об удобствах или комфорте человеческой жизни; но он жил, как все... Однако по дороге – длинной, пешком, – домой он повстречал человека, который принадлежал к другому «сословию» – чиновников, обеспечивавших «устойчивость» жизни Абистана; тот был послан на какие-то странные «раскопки» и поведал Ати совсем уж странную историю о том, что какие-то люди в каком-то селении об-

⁸ Странен и этот образ в романе, но тоже специфичен для страны, где боятся лёгочных больных, т.е. людей, *неправильно дышащих*.

наружили неподалёку от себя какое-то совсем ещё недавнее поселение других, абсолютно других людей, относящееся к XX веку, откуда они как бы внезапно, бросив в целости всё в один миг, все куда-то ушли... Или их куда-то увезли?.. Но оставили в почти полной неприкосновенности все приметы уклада их жизни, которая – на этой самой всем уже ставшей привычной и мрачной земле Абистана – была совершенно другой. Непохожей на нынешнюю. Иной. Словом, сенсация, взбудоражившая не только Администрацию, но и умы тех, кто ещё не потерял здесь вообще способность мыслить. Но встречный человек, рассказавший людям эту историю, куда-то неожиданно пропал, и Ати с товарищем своим, когда вернулся домой, стал искать его, направившись и в гетто, о существовании которых он знал, и даже в недоступные «простым» людям длинные административные кварталы, где «высокие чины» могли бы прояснить, наверно, куда подевался всё-таки человек, открывший на этой земле другой мир и описавший его... Мир, где люди читали книги, сидели за столами, на стульях, спали на кроватях, одевались в «костюмы», имели географические карты и атласы, газеты, путешествовали, обменивались информацией, говорили на *другом языке*... и не испытывали нужды в законах Священной книги.

... Сюжет книги Сансала разворачивается долго и томительно в поисках героями, отважившимися *узнать правду*, разного рода офисов, бюро, людей, их кабинетов, где кто-то хоть как-то мог бы прояснить дело с этим увиденным случайным встречным путником по дороге из Санатория поселением, существовавшим до воцарения Аби и его Книги... До «Священной войны».

В конечном итоге, естественно, оказывается, что друзья, задумавшие это своё расследование, были выслежены, чуть ли не признаны сумасшедшими, а человек, рассказавший им о «чуде» *открытия другого мира*, «нечаянно как-то погиб», а с ним и все его документы... И вообще, что всё это «бред», что всё это выдумали шпионы и предатели, а бедные люди поверили, что было на их земле когда-то *другое время*... А тот, кто как бы по доброй воле стал проводником героя романа и его товарища по Административному чреву Абистана в поисках «Правды», оказался человеком, причастным и к раскопкам, и к «открытию другого мира», и к той «прошлой жизни», и даже промышлял тем, что держал лавочку и потихоньку вывозил на продажу предметы «этой старины», а в своих галереях организовывал выставки «искусства старого мира», а сам одевался не в длинный абистанский балахон, а в «европейский костюм»... Но самое главное, он, как бы добровольно помогавший смельчакам-бедолагам, товарищам по несчастью поисков Истины, сказал, что *граница* действительно существует, что «*заграничное пространство*» кормит и поит родной Абистан, и что скоро «*все они*», его правители, сами отправятся туда, где проходит это злосчастное разделение одного мира людей от мира, где царит Священная Книга и её Закон, написанный Йолахом, превративший абистанцев в «муравьёв», мечущихся в замкнутом круге поисков «священных мест» и памятников «Священной войны» за «дело Йолаха»...

Друзья, искавшие «Правды», конечно, остались на этой земле, а ловкий проводник, вовсе не хотевший, чтобы они узнали её и долго водивший их за нос по коридорам власти, но общивший их к знанию того, что «знать вовсе и не положено», *границу* эту всё-таки перелетел. На самолёте одного из высоких Членов Государства, родственника своего, тоже бежавшего на поиски *другой жизни*... Существовавшая в Абистане пресса писала, хотя народ не понимал её языка, как и языка Священной Книги, что их уже видели *по ту сторону* абистанской земли, где-то в далёком-далеке, опускавшихся на другую землю на парашютах...

Так надо ли мечтать о *Границе*, если её не преодолеть тем, кто уже и сам не способен отличить территорию лжи и мрака от территории, где горизонт соединяет вершины Гор с долиной Моря, простора Свободы? И вообще, зачем понадобилась Буалему Сансалу эта странная «утопия» (т.е. «место, которого нет»), чем-то напоминающая по краскам мрачную «антиутопию» (ибо «место, которого нет», должно быть лучше реального!) Оруэлла «1984»? Чтобы напомнить человечеству, чем грозит мрак тоталитаризма и забвения Про-

шлого? Или чтобы «вспомнить» о Будущем, которое «не за горами», о том, что творится уже не в одной стране, где царит «Священная Книга Йолаха»? Или о разрушенных Ливии, Ираке, Сирии, о великой древней Пальмире, превращённой в руины? Или, может быть, всё-таки книга Сансаля, получившая премию «За лучший роман на французском языке» в 2015 году, предупреждает человечество о чём-то ещё более важном? К примеру, о том, что если Человек полагает, что границу незнания можно перейти, то это надо обязательно сделать. И пусть фантазмагория «Демо...» или «Демокра...», существующей где-то за вершинами гор или неведомыми «просторами», станет только для кого-то мечтой, либо для других, удачливых, – явью, но Человек *должен перейти эту границу*, чтобы знать, что его земля – не одна, и что её Закон – не единственен, и что «Воля Божья» не противится тому, чтобы человек обрёл и нашёл *«правильный путь»*... Путь, не обязательно ведущий только в «праведное поднебесье». Земля обширна, и люди живут на ней по-разному. Главное – устранившись от Зла, желающего торжествовать в Мире. Победить Мрак. Уйти от Забвения Прошлого. Но искать Дорогу вперёд. И человечество тогда выживет, спасётся от Мрака возвращения к оковам Догмы и Рабства. «Эта история, – пишет Буалем Сансаль, – с Границей, о которой услышал мой герой, – самая странная, быть может. Если она, Граница эта, существует, что вполне возможно. Но если даже нет, то будет существовать вечно Легенда о ней. То есть *её зов*. ...Ещё наши предки знали, что есть Граница между Добром и Злом. Знали разбойники, кочевники и контрабандисты, что ничто не может остановить их, если они хотят одолеть горные перевалы...

Граница – это Связь. Связь человечества. И если караваны исчезали в пути и люди пропадали, то все знали, что это проводники либо сбились с дороги, либо предали людей. Что они *ответственны за неправильно выбранный путь*. Потому что захотели нарушить главный закон Бога и предаться преступлению и пороку – *обокрасть* своих же людей».

В этой последней фразе из книги Сансаля – ответственность возлагается на того, кто посмел себя уравнивать в силе с *Всевышним*, распоряжаясь жизнью людей на Земле. Но ведь виноваты и те, кто погиб – ибо позволил себя убить и обмануть. Время сейчас стоит такое, когда задуматься должен каждый.

«2084» – это человеческое **безвременье** и **безжизнь**. И до этой даты осталось совсем чуть-чуть. И писатели бьют тревогу. Они хотят, чтобы симптомы болезни мира, которые они увидели, услышали и описали (а это – долг литературы) были не просто диагностированы, но *излечены*. И есть Зло исламизма, запечатлённое в книгах Р. Буджедры и других алжирских писателей⁹, в том числе – аллегорически – и у Б. Сансаля, как и в книгах других магрибинцев¹⁰, предупреждавших о том, что неправильно понятые самими мусульманами истоки своей религии и исламистские призывы «возврата к истокам» послужат уроком современному человечеству.

Но если сегодня все ещё продолжают среди арабистов – отечественных – разговоры о том, что «гражданская война – это, скорее, литературное понятие», и на арабистические конференции приглашаются люди, способные «взывать к истокам»/изучать только морфемы, лексемы и прочие суффиксы и префиксы арабского классического языка, или те, кто заявляет, что «тот не араб, кто не пишет по-арабски», или те, кто полагает, что «Израиль и сего-

⁹ О том, что такое исламистский антисемитизм, см. у М. Дибя в его одной из последних книг «Говорящее Древо» (*M.Dib «L'arbre à dire»* P., 2004).

¹⁰ См., напр.: *Meddeb A. La Maladie de l'Islam*. P., 2002; *Meddeb A. Sortir de la malediction (Islam entre civilisation et barbarie)*. P., 2008.

О теракте, совершенном на о. Джерба, что неподалеку от Туниса, откликнулся тунисец Тахар Бекри (см. газету «Kapitalis», изд. в Тунисе, май 2023). Этот теракт совершили тунисские силовики против еврейской синагоги на о. Джерба, куда собрались паломники в день праздника, и где хранится Тора VI в. н.э. Тунис – страна, хранящая наследие разных цивилизаций, присутствовавших на её Земле.

дня – провайдер мира на Ближнем Востоке», или я слышу по радио о том, что с «палестинскими террористами» можно *договариваться*, то я тоже бью тревогу.

А найденные мною пожелтевшие листочки, печатаемые ниже, с высказываниями марокканского писателя Тахара Бенджеллуна, всемирно известного, только усилят звон моего колокола.

Точка зрения

Тахар Бенджеллун
(Марокко)¹¹

АРАБСКИЕ РАДИКАЛЫ? БЕСКРЫЛЫЕ ОСЛЫ¹²

У палестинцев есть чувство юмора. Это нормально. Что ещё остаётся народу, у которого нет ни государства, ни армии, ни полиции? Про тех своих соотечественников, которые не признают Мирные соглашения от 13 сентября 1993 г., палестинцы рассказывают вот такую шуточную историю:

Орёл и осёл летят в самолете. Уверенный в себе могучий орёл вызывает стюардессу. К его креслу подходит красавица, наклоняется и спрашивает, что ему угодно. Орёл же вызывающе и надменно отвечает ей: «Ничего. Просто захотелось посмотреть, как вы идёте на вызов».

Едва вернувшись к себе на другой конец самолета, стюардесса снова потревожена орлом; она ещё раз подходит к нему и спрашивает, что ему угодно. И тем же самым тоном орёл отвечает ей: «Да ничего. Просто мне хотелось досадить вам».

Стюардесса уходит, но орёл вызывает её ещё раз. Вне себя от возмущения женщина возвращается и требует ответа: «Вы должны сказать, наконец, что вам угодно!» А орёл отвечает: «Мне просто доставляет удовольствие надоедать вам! Приятно потрепать вам нервы – вот и всё!»

И он громко расхохотался.

Осёл, наблюдавший за всем происходившим, подумал, а почему бы и ему не вызвать стюардессу. Та подошла и к нему, и осёл ей ответил так же, как и орёл. Повторив ещё дважды этот номер, осёл, как и орёл, сказал, что ему хочется «потрепать ей нервы...» Тогда несчастная стюардесса, окончательно выведенная из себя, пожаловалась командиру. И тот ей сказал: «Выброси обоих за борт!» Самолет продолжал свой полёт, и на полном ходу и орла, и осла вышвырнули вон. Орёл, оказавшись в небе рядом с ослом, спросил того: «Летать-то умеешь?» «Нет», – ответил осёл. «Тогда чего же ты бузил? – сказал ему орёл. – Зачем тебе-то понадобилось трепать людям нервы?»

Эту байку мне рассказал один палестинец, участвовавший в переговорах в Вашингтоне. Другой, чтобы тоже проиллюстрировать отсутствие чувства реальности у десяти палестинских организаций, выступивших в Дамаске с отказом признать Вашингтонские соглашения, вспомнил марокканскую поговорку: «Целуй ту руку, которую не можешь укусить!»

Упорный отказ признать мирные соглашения, а также прямые угрозы физической расправы с Ясиром Арафатом исходят от нескольких его прежних товарищей по совместной борь-

¹¹ Тахар Бенджеллун (род. в 1944 г.) – крупнейший франкоязычный писатель, лауреат Гонкуровской премии, автор многочисленных романов, поэтических и публицистических произведений, исследований в области социальной психологии. О нём см. подробнее кн.: *Прожогина С.В.* Для берегов Отчизны дальней. М., 1992; *она же.* Взятие слова. М., 2022.

¹² Газета «Repubblica», 16.10.1993 г.

бе, которые надеются на возможность добиться чего-то большего, чем урегулирование вопроса о территориях сектора Газы и Иерихона, что и некоторыми израильскими военными определено, как шаг «весьма двусмысленный и ненадёжный». Но за этим отказом – также и тень сирийского президента Хафеза Асада, который с трудом перенёс факт своего неучастия в секретных переговорах, на которых обошлись без его разумных предложений. Сирии уже давно импонировала идея сыграть решающую роль в урегулировании палестинского вопроса. Ей удалось в своё время дистанцироваться от Ливана, Америки и Европы, а тем, кто не понял её намерений, были сделаны кровавые предупреждения. Известно, что к самым грозным терактам, совершённым в Ливане и затрагивавшим интересы Запада, Дамаск имел прямое отношение.

Церемония подписания исторических Соглашений от 13 сентября должна была не понравиться Сирии, ибо палестинцы таким образом ускользали из сферы её влияния и лишали её прерогативы в решении важного вопроса. Сирия не приемлет и даже борется с любой попыткой проведения переговоров или установления мира, если её личная инициатива не преобладает в этом деле. Именно поэтому сегодня Дамаск помогает и принимает у себя всех тех, кто не только противится переговорам, но и сопротивляется Арафату. Этот фронт отказа – настоящая военная машина, аккумулирующая в себе всё, что «против», а это и является единственным звеном столь разных сил как, например, истые марксисты (типа Жоржа Хабаша) или же интегралы исламского джихада, поддерживаемые Ираном. В этой связке находятся и другие диссиденты, издавна пользующиеся уважением Дамаска, – такие, как Ахмад Джибрил, командующий ударными бригадами Народного Фронта Освобождения Палестины. Десяток организаций подобного типа решил учредить «Национальный штаб Исламского толка» в недрах Интифады и саботировать любым способом соглашения, достигнутые между Израилем и Организацией Освобождения Палестины.

Всё, что происходит, не так уж и невероятно. Арабский мир никогда не был единым. Война в Персидском заливе подтвердила это ярчайшим и драматичнейшим образом. Надо согласиться с тем, что этот мир – конгломерат более двадцати стран, весьма различающихся друг от друга, хотя и имеющих общие язык и религию. Однако этого недостаточно для однородного и слаженного ансамбля. Большинство арабских государств управляется людьми, не особо озабоченными легитимностью и подлинной демократией. Даже в Египте, стране действительно большой, Хосни Мубарак был избран президентом уже на третий срок, что вовсе не означает – на последний, разве что какой-нибудь очередной государственный переворот или покушение на его жизнь положит конец этому беззаконию. Ведь заставить себя переизбрать более чем 97% голосов (при воздержавшихся от голосования более 65% населения) означает лишиться раз возбудить противодействие исламских фундаменталистов. Центральный же Совет ООП, ратифицировавший 63 голосами «за» при 8 «против» и 9 «воздержавшихся» текст договора об автономии оккупированных территорий, функционирует, без сомнения, демократическим образом. Палестинцы всегда держались поодаль от недемократических режимов арабского мира, хотя и не порывали с ними добрососедских отношений. Сейчас рождающееся у нас на глазах новое Палестинское государство будет вынуждено созидаться поодаль от этих режимов, ибо для большинства арабских народов оно станет символом обновления и возрождения их ценностей, которые были утрачены, тех идеалов, которые зачастую предавались.

У тех, кто противится мирным Соглашениям 13 сентября, будь то отдельные политические движения или же целые государства, у всех у них отсутствует реалистичный взгляд на вещи. Неспособность трезво оценить обстановку, установить контакт с реальной действительностью обрекает их на отступление на позиции упрямого несогласия, грозящие саботажем необратимых процессов мира и демократии.

Тахар Бенджеллун

МИР И ВОЙНА

(текст речи писателя в г. Ивреа (Италия), в культурном центре «Итака» во время встречи, посвящённой проблеме мира на Ближнем и Среднем Востоке¹³)

Это так просто – воевать, так легко – разрушать жилища и души людей, сжигать лагеря беженцев и человеческие сердца, надругаться над честью женщин, совершить насилие над ребёнком... Это так легко – ненавидеть и так просто найти разумное оправдание этой страсти...

И так часто теперь можно слышать восхваление гармонии жизни, которую разрушают в тот же миг, как она воцаряется...

Война – дело простое и вполне присущее человечеству, ведь она – свидетельство его безумия, свойственной ему жестокости, ибо люди жестоки друг с другом.

Сегодня – это сербы, которые изощряются в зверствах бредовых этнических чисток. Но было бы ошибкой считать, что жестокость – какое-то особое свойство этой нации, её специфическая черта. Конечно же, нет. Просто сербы воюют страшнее, чем хорваты или какие-то другие народы, вдруг, в одночасье, оказавшись во власти демонов ненависти.

Пример ещё более ужасной войны – Ливан.

Ещё в самом начале этой гражданской войны были разоблачены преступления, совершённые христианскими фалангистами. Считалось делом чести найти в этой всеобщей кровавой бойне «объективного» врага. Увы, у фалангистов не было монополии на жестокость. Друзы, потом шииты, а потом и мусульмане-сунниты – каждый в свою очередь или одновременно продемонстрировал свою способность убивать. Зверства, творившиеся на этой войне, – одинаково ужасны. Все войны – детище человека, совершаются людьми, сражающимися друг с другом, но именно поэтому все войны – бесчеловечны, ибо превращают людей либо в агрессоров, либо в их жертв. Полагать, что какая-либо война может быть чем-то иным, а не только торжеством распада, разрушения и произвола, было бы чистой демагогией.

Признаемся, что все мы способны на худшее, даже если в глубине души кто-то из нас и считает себя святым или же мучеником, или даже – убийцей. А потому лучше не будем больше произносить никаких слов в защиту войны. Лучше будем говорить о мире.

Мир – дело трудное, ибо он связан с созиданием, со строительством, с дарованием жизни тем, кто хочет жить. Мир – дело долгое и сложное. Оно требует ежедневного усилия, ежеминутной борьбы, постоянного сражения с отчаянием, дабы не оказаться в стане тех, кто утратил надежду.

Мир, подписанный 13 сентября, – конечно же, несовершенен, неполон, но и таким мы его приветствуем, принимаем, и на такой соглашаемся – лишь бы он укрепился, лишь бы дать ему дыхание, дать крылья для естественного продолжения его полёта, для того, чтобы процесс созидания новой жизни стал необратимым.

Этот мир должен быть одновременно и желаем, и творим. Надо приниматься за работу, надо строить Палестину, как свой собственный дом, как своё жилище – и достаточно просторным, и достаточно надёжным, чтобы стало оно очагом доброго, прочного и длительного мира.

Подписание этих мирных соглашений – большая встряска для всех арабских стран, которые должны прекратить разыгрывать судьбу Палестины за покерным столом политиков и манипуляторов человеческой истории.

¹³ Найдено мной в 1998 г. в архиве «Дома наук о человеке» (Париж).

Наконец-то война устала от нас. Устали от войны и сами арабы, и евреи. Больше ни у кого нет сил хоронить своих молодых солдат.

Война стала ненавистна всем. Но мир подписан, потому что и войне больше уже нет дела до нас. Она уже больше не хочет уступать нашей безумной потребности разрушения.

Однако в мире жить гораздо труднее, ведь он нас обязывает отказываться от самых простейших, самых лёгких, ибо самых низменных состояний души – от презрения и ненависти. Если мир укрепится на Ближнем Востоке, то, несомненно, потому, что чёрный ангел смерти слишком занят сегодня делами в Сомали, в Сараево, в Анголе, в Южной Африке и других точках Земли, где люди всё ещё открывают ему двери.

Но если сердца их всё ещё исполнены злости и ненависти, то в глазах их застыли слёзы и стыд.

НАШИ АВТОРЫ

ГОКОВ Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент (Харьков, Украина). E-mail: gokovoa@gmail.com

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

ХРЕНКОВ Андрей Вальтерович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: andhorse59@yandex.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург (Германия). E-mail: wolodjaschmidt@smx.de